

Александр Верховский

Уголовное право стран ОБСЕ
против преступлений ненависти,
возбуждения ненависти
и языка вражды

*2 издание,
исправленное и дополненное*

**Москва
2015**

УДК 343.342.3
ББК67.408.141.8
В36

В36 **Верховский Александр. Уголовное право стран ОБСЕ против преступлений ненависти, возбуждения ненависти и языка вражды** — М.: Центр «Сова», 2015. — 287 с.

ISBN 978-5-98418-035-1

Эта книга — сравнительный анализ уголовно-правового регулирования применительно к противозаконной деятельности, которую принято называть преступлениями ненависти (hate crimes), публичным возбуждением ненависти (incitement to hatred) или языком вражды (hate speech), и к организационной активности с теми же целями.

Книга охватывает законодательство всех 57 стран — членов ОБСЕ и включает обширные приложения с фрагментами национальных законодательств.

Во втором издании учтены замеченные ошибки и недоработки первого.

Веб-сайт центра «СОВА»,
включающий публикации и новости, —
<http://sova-center.ru>

Редактура и корректура — В. Ахметьева
Дизайн — Н. Винник
Верстка, коллаж на обложке — М. Конькова

Подписано в печать 10 июня 2015 г. Формат 60x84/16 Гарнитура Таймс
Печать офсетная. Бумага офсетная. Уч.-изд. л. 16,6. Тираж — 150 экз. Заказ № .....
ООО Центр «Сова». Адрес для писем: 103982, Москва, Лучников пер., д. 4, под. 3, к. 2.
Телефон/факс: (495) 517-92-30. E-mail: mail@sova-center.ru. Веб-сайт: <http://sova-center.ru>
Типография Россельхозакадемии. 115598, Москва, ул. Ягодная, 12.

ISBN 978-5-98418-035-1

ISBN 978-5-98418-035-1

9 785984 180351 >

© Верховский А.М., 2014—15 — текст
© Винник Н.В., Конькова М., 2014—15 — оформление

Содержание

Введение	6
ГЛАВА I. Международное право	15
1. Основные нормы и обязательства	15
2. Отсутствие норм, касающихся преступлений ненависти	18
3. Затруднения в понимании норм о публичных высказываниях	19
§ 1. В чем согласны эксперты	19
§ 2. Совет Европы	23
§ 3. ООН	26
§ 4. Попытка градации высказываний по степени опасности	31
4. Вклад ЕСПЧ	31
5. Решения Совета Европейского Союза	32
6. Рататский план действий	35
ГЛАВА II. Преступления ненависти	38
1. Суть понятия	38
2. Особое преступление или отягчающее обстоятельство?	42
3. Определение мотива	47
4. «Защищаемые признаки»	53
§ 1. Раса	54
§ 2. Этничность, нация и т.п.	56
§ 3. Религия	57
§ 4. Политика и идеология	58
§ 5. Социально-классовые признаки	59
§ 6. Гендер и сексуальная ориентация	61
§ 7. Состояние здоровья	63
§ 8. Редкие признаки	64
§ 9. Открытые списки	66

§ 10. Неясность с определением признака и смешение признаков.....	69	§ 1. Язык международных организаций.....	127
5. Вандализм.....	70	§ 2. Россия.....	131
ГЛАВА III. Возбуждение ненависти и язык вражды	73	§ 2. Беларусь.....	139
1. Форма и объект	76	§ 3. Молдова.....	140
§ 1. Учет последствий и тема предотвращения конфликта	77	§ 4. Казахстан.....	141
§ 2. Призывы к насилию или дискриминации	81	§ 5. Узбекистан.....	144
§ 3. Различение «сильных» и «слабых» форм интолерантности	83	§ 6. Таджикистан.....	147
§ 4. Другие аспекты, касающиеся формы высказывания	89	§ 7. Кыргызстан	149
А. Публичность.....	89	§ 8. За пределами бывшего СССР.....	150
Б. Мотив, цель и средства	93	4. Законы против группировок.....	152
В. Различные методы сделать высказывание	95	§ 1. Идеологические законы.....	154
§ 5. Объект высказывания – человек или социальная группа	96	§ 2. Антиэкстремистские законы	157
2. Типы предрассудков.....	99	§ 3. Запреты группировок по видам деятельности	159
§ 1. Основные – раса, этничность, национальность и религия	99	Сравнительный анализ и рекомендации	163
§ 2. Религия, политика, мировоззрение	101	1. Взаимосвязи по различным параметрам	166
§ 3. Прочие признаки	102	§ 1. Постановка задачи	166
3. Наказания.....	105	§ 2. Замеченные корреляции	169
ГЛАВА IV. Специальные законы.....	108	§ 3. Попытка обобщения	175
1. Криминализация «исторического ревизионизма»	108	2. Рекомендации	180
2. Противоречия при защите религии.....	115	Приложения	190
§ 1. Богохульство.....	118	1. Сводная таблица законодательства.....	190
§ 2. Диффамация религии как таковая	118	2. Законы о преступлениях ненависти в штатах США. Защищаемые признаки	284
§ 3. Плумление над значимыми объектами	121		
§ 4. Оскорбление религиозных чувств	123		
3. Антиэкстремизм.....	126		

Введение

Эта книга — обзор правового регулирования применительно к противозаконной деятельности, которую принято называть преступлениями ненависти (hate crimes), публичным возбуждением ненависти или языком вражды (incitement to hatred или hate speech; отличие этих понятий будет также рассмотрено), и к активности группировок, действующих с теми же целями. В России и ряде других стран примерно тот же круг противоправных действий принято называть экстремизмом.

Следует сразу пояснить следующее: мне не кажется, что такой объект правового регулирования можно просто и однозначно очертить, а используемые при этом понятия (как минимум такие, как «язык вражды» или «экстремизм») являются весьма спорными. В этой сфере ведутся и будут вестись мощные общественные и юридические дискуссии, так как здесь сталкиваются такие фундаментальные ценности, как свобода, равноправие и безопасность общества. Но суммирование и анализ этой полемики не является целью данной книги, и я ограничусь лишь отсылками к некоторым обзорным работам¹. Цель книги скромнее: суммировать действующие де-факто правовые подходы, как они отражены в национальных законодательствах.

Каждое правовое или квазиправовое понятие, которое используется в этой теме, в том числе представления о «ненависти» или «предвзвешенности», о группах, против которых они направлены, нуждаются в уточнении применительно к последующему анализу, чтобы не создавать у читателя ложного впечатления. Поэтому соответствующие понятия будут подробно обсуждаться в каждой главе.

¹ Нельзя не отметить во многом уже устаревший, но в свое время наиболее фундаментальный сборник статей: Striking a Balance. Hate Speech, Freedom of Expression and Non-discrimination. L.: Article 19, 1992.

Полемика с тех пор продолжается. См., например: Bleich Erik. The freedom to be racist? How the United States and Europe struggle to preserve freedom and combat racism. NY: Oxford University Press, 2011.

В качестве наиболее популярного в последние годы труда в защиту законов о языке вражды стоит отметить: Waldron Jeremy. The harm in Hate Speech. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2012. Эта книга вызвала много критических откликов со стороны сторонников ограничительного понимания такого рода законодательства, в частности, в сборнике, который еще будет цитироваться в этой книге: The Content and Context of Hate Speech. Rethinking Regulations and Responses / Ed. by Michael Herz, Peter Molnar. NY: Cambridge University Press, 2012.

- В целом предмет исследования можно кратко сформулировать так:
- общеуголовные преступления, совершаемые по мотиву ненависти или предвзвешенности (преступления ненависти), как насильственные, так и иные, в первую очередь вандализм;
  - публичные выступления, так или иначе возбуждающие ненависть и неприязнь, в том числе специфические разновидности языка вражды, например, отрицание Холокоста, унижение людей по групповым признакам и т.д.;
  - организационная деятельность, направленная на перечисленные выше деяния;
  - рамочные правовые подходы в этой сфере, установленные в некоторых государствах: антиэкстремизм, антифашизм и т.п.

Исторически законы в интересующей нас области развивались из норм, касающихся покушений на государственную безопасность, подстрекательства к мятежу, богохульства в отношении господствующей Церкви. Уже позже наработанный инструментарий был отчасти использован для формулирования законов о языке вражды и общественно опасном подстрекательстве против тех иных групп населения. Законы же о преступлениях ненависти исходят из более поздних представлений о роли государства в защите равноправия, и появились они позже². Но в этой книге я не анализирую генезис правовых норм, а сравниваю уже существующие. Поэтому обзорные главы книги будут структурированы без какого-то порядка, предполагающего причинно-следственную связь между нормами.

После изучения странового материала мне показалось проще построить изложение начиная не с противоправных высказываний, а с преступлений ненависти, так как законодательство в этой сфере оказалось концептуально более однородным и доступным для понимания. Поэтому главы будут упорядочены следующим образом.

Начинаю я с краткого обзора международных норм, порождаемых разного рода договорами и практикой международных судов. Эта глава включает, однако, и некоторые заключения, вытекающие из усилий международного экспертного сообщества, — там, где международное право как таковое еще не сформировалось.

² В советской, а изначально и в постсоветской, России исходной правовой рамкой тоже была идея пресечения покушений на государственную (и только потом общественную) безопасность. Ст. 74 УК РСФСР, криминализовавшая язык вражды (и отчасти — преступления ненависти), была включена в состав главы «Государственные преступления», которая, заметим, была первой в Особенной части УК.

Вторая глава посвящена всем аспектам законодательства о преступлениях ненависти (включая вандализм). Это законодательство далеко от географической однородности, но все же концептуально менее разнообразно, чем законодательство о возбуждении ненависти и/или языке вражды, которое рассматривается в третьей главе уже с использованием некоторых классификаций, описанных во второй.

Четвертая глава, разделенная на несколько главок, охватывает различные специальные законы в интересующей нас сфере, не столь распространенные. Это законы против «исторического ревизионизма», законы о защите «религиозных чувств», выходящие за рамки общепринятого законодательства о защите свободы совести и о языке вражды, законы, криминализирующие участие в группировках, нацеленных на перечисленные выше преступления. В этой же главе рассматривается единственная широко распространенная попытка создать единую правовую рамку для этих преступлений — антиэкстремистское законодательство. Оно сложилось как таковое под влиянием российского, но в масштабе ОБСЕ выглядит скорее как эксперимент, поставленный рядом стран, так что структура соответствующей главки также построена по странам, а не по классифицирующим признакам, как остальные.

Заключение включает попытку сводного сравнительного анализа. Эта попытка выглядит как статистическая, но в действительности я очень сомневаюсь, что статистические методы уместны в данном случае, так что обсуждаются только самые заметные закономерности. Не предвосхищая здесь возникающих при таком анализе гипотез, могу только сказать, что законодательство стран ОБСЕ развивается по двум основным направлениям — оно ориентировано скорее на защиту государственной и/или общественной безопасности или скорее на защиту меньшинств и/или противодействие дискриминации. Конечно, деление это далеко не жесткое, и реальное правоприменение может его существенно корректировать, но такая концептуальная альтернатива все же просматривается.

В главах по мере необходимости приводится много подробностей из национальных законодательств, но в более систематизированном виде составить представление о законодательстве каждой страны можно по большой таблице в конце книги. В сносках к этой таблице приведены (и иногда прокомментированы) нормы законодательства. Отдельно приведена таблица по штатам США. В основном тексте нет возможности цитировать все законы всех стран, но следует признать, в этом нет и особенной необходимости, так как в них есть очень много повторяющихся или очень сходных формулировок. Поэтому в тексте в качестве

примеров приводятся либо типичные, либо, напротив, оригинальные формулировки.

Ввиду ограниченности времени и ресурсов, пришлось обойти (точнее, лишь слегка задеть) целый ряд смежных тем, которые, несомненно, пересекаются в правовых конструкциях разных стран с темами, перечисленными выше. Это терроризм, покушение на государственный переворот, организация беспорядков и т.д.

Более того, я ограничил свое исследование почти исключительно уголовным правом, хотя в арсенале государства есть и другие методы — административные меры, гражданские иски и т.д. Такой выбор, помимо упомянутой ограниченности ресурсов, связан и с тем, что именно уголовно-правовое противодействие является наиболее обсуждаемым.

Поскольку правовая терминология в интересующей нас сфере не устоялась, а связанная с ней риторика в обществе — тем более, необходимо уже сейчас сделать пару оговорок.

Во-первых, наибольшие затруднения всегда вызывает классификация различных запрещаемых законом высказываний, и называют их все по-разному. Об этом будет подробно сказано в соответствующей главе; здесь же я хочу сказать, что сам буду пользоваться двумя терминами — «возбуждение ненависти» и «язык вражды» как аналитическими: первый будет обозначать высказывания, которые реально или потенциально чреватые серьезными последствиями и направлены на это, а второй — высказывания, обозначающие негативное отношение в той или иной форме, но не описываемые первым термином (разумеется, различие на практике отнюдь не является жестким).

Во-вторых, эта книга — не о политических практиках поддержания стабильности и безопасности, не о том, что часто называют «международными» или «межрелигиозными» отношениями, она только о правовых нормах, и, соответственно, в ней рассматриваются люди, а не те или иные общности, если иное не написано явно в законе, о котором идет речь.

Конечно, у меня и до начала работы над книгой существовали свои представления о том, какими должны быть подходы к формулированию законов в интересующей меня сфере или хотя бы какими они быть не должны. Эти представления сформировались на многолетнем опыте исследования различных проявлений радикального русского национализма и тех методов, которые российское государство применяет при противодействии ему. Но изучение права других стран подтолкнуло и к новым размышлениям. Так что я позволю себе в заключение предложить некоторые свои выводы и рекомендации.

Поскольку криминализация перечисленных выше типов деятельности в каком-то смысле преемственна по отношению к криминализации

деятельности против государственной безопасности, материал для исследования можно было бы найти в подавляющем большинстве стран мира. Но правовые системы слишком разнотипны, чтобы их можно было эффективно сравнивать. Поскольку основной мой интерес все равно связан с Россией, я отбирал для сравнения страны, которые, как кажется, имеет прямой смысл с ней сравнивать.

В первую очередь это, естественно, постсоветские страны, так как уголовное право в них до сих пор носит явные черты родства. Во вторую очередь необходимо было обратиться к опыту стран Европы и США, так как именно западные страны являлись и являются основным ориентиром (значимым Другим) для обсуждения любых политик в России, в том числе и в рассматриваемой сфере. Таким образом, сам собой сформировался и формальный критерий для отбора стран: это страны — члены ОБСЕ.

В этой книге я лишь в малой степени обращаюсь к практике правоприменения, просто потому, что объем материала и так слишком велик. Конечно, в странах прецедентного права вообще трудно отделить норму от практики применения, так как применение постоянно и существенно модифицирует норму. В странах континентального права, каковых в регионе ОБСЕ — подавляющее большинство, это не так, и мы можем довериться сравнению норм закона, поэтому, надо признать, американскому и отчасти британскому праву в этой книге уделено непропорционально мало внимания.

Но необходимо сделать, по меньшей мере, три важные оговорки.

Во-первых, в разных странах обвинение и суд очень по-разному относятся к диапазону наказаний, предписанных законом. Нередки примеры, когда предполагающиеся в законе высокие верхние планки наказания никогда не применяются, а практика держится ближе к нижней планке.

Во-вторых, качество следствия и судебного процесса играет особенно существенную роль в делах, касающихся высказываний, так как эти дела возникают сравнительно редко и при этом сложны в расследовании, так что следователи, обвинители и судьи зачастую очень неопытны и совершают много ошибок.

В-третьих, дела в интересующей нас сфере могут быть в той или иной степени значимы в политической борьбе в стране. Соответственно, критически важно, чтобы правоохранительные органы или хотя бы суд были независимы от политических акторов вообще и от исполнительной власти в частности. Чем более существенно это требование нарушается, тем больше политический произвол перевешивает значение формулировок законодательства. Хотя в этом случае режимы, откровенно вмешива-

ющиеся в судопроизводство, обычно и законы предпочитают создавать такие, чтобы сделать репрессии более удобными для себя³.

Обзоры национальных законодательств разных стран в интересующей нас сфере предпринимались в России и раньше. Они могли быть сфокусированы по-разному, в зависимости от интересов авторов, которые менялись во многом в зависимости от общественных настроений. Фокус мог быть «антифашистским»⁴ или «антиэкстремистским»⁵ (кавычки здесь подчеркивают амбивалентность этих терминов), но неизменно было то, что отбор стран, да и самих норм, носил несистематический и очень фрагментарный характер, так что читатель мог лишь поверить авторам на слово, что они уловили наиболее существенные законотворческие тенденции, существующие вне России, и донесли их до читателя на наиболее показательных примерах. Статей такого рода, неизменно ориентированных на возможности улучшить российские право и правоприменение, было много⁶, и, увы, многие из них демонстрируют поверхностное представление авторов о предмете⁷.

³ В этом сказывается риторическая обязательность «демократии» и «правового государства» (иногда даже «прав человека») в современном мире: даже режимы, максимально далекие от этих идеалов, стремятся создать какую-то видимость следования им.

⁴ Вероятно, лучший образец: Зарубежное законодательство против фашизма // Бюллетень Фонда «Антифашист». 1997. № 4 (<http://www.aha.ru/~ofa/4.zip>).

⁵ Сейчас в России доминирует именно такой. Увы, большая часть написанного при таком подходе не представляет ценности для понимания правовых реалий ни России, ни других стран, но есть и исключения. Следует отметить: Бикеев Игорь, Никитин Андрей. Экстремизм: междисциплинарное правовое исследование. Казань: Познание, 2011.

⁶ Я в свое время тоже предпринял такую попытку: Верховский А. Зарубежный опыт профилактики и противодействия распространению ксенофобий: можно ли сбить национал-радикальную волну в России? // Толерантность против ксенофобии (зарубежный и российский опыт) / Под. ред. В.И. Мукомеля и Э.А. Паина. М.: Институт социологии РАН, Academia, 2005. С. 105–135.

⁷ В качестве примера можно привести статью с интересной попыткой весьма подробной классификации: Капинус О.С., Додонов В.Н. Ответственность за разжигание расовой, национальной и религиозной вражды, а также за другие «преступления ненависти» по уголовному праву зарубежных стран // Капинус О.С. Современное уголовное право в России и за рубежом: некоторые проблемы ответственности: Сборник статей. М.: Издательский дом «Буквед», 2008. С. 118–136 (доступна онлайн: <http://www.durex-promo.ru/index.php?ds=1423481>). Авторы статьи не только отбирают страны без какого бы то ни было критерия и допускают фактические ошибки (что неизбежно), но и неверно интерпретируют термины (например, термин *belief* относят к политическим взглядам), ссылаются при анализе на Библию и полагают, что законодательство о преступлениях ненависти встречается весьма редко, хотя это явно не так.

Мое намерение создать обзор законодательства 57 стран, входящих в ОБСЕ, по нескольким перечисленным выше темам, также было во многом мотивировано моей заинтересованностью в улучшении той ситуации, которая сложилась в России и которую трудно признать удовлетворительной⁸. Но я считаю постоянное сравнение иностранных правовых норм с российскими контрпродуктивным, так как нормы разных стран имеют собственную логику, которую неверно искать через призму именно российского законодательства (хотя оно, в свою очередь, формировалось во многом под влиянием западных образцов). Чтобы избежать соблазна такого «россиецентричного» взгляда, я опирался на коллекции норм, подобранных западными исследователями.

Эти коллекции, надо признать, и вообще сделали данную книгу возможной: в разных странах интересующие нас нормы «расположены» в корпусе законодательства совершенно по-разному, терминология тоже используется разная (не говоря уж о многообразии языков), так что продать в одиночку всю эту работу было бы невозможно.

Основными источниками для меня стали:

1. Коллекция норм стран ОБСЕ о преступлениях ненависти, собранная сотрудниками американской правозащитной организации Human Rights First. Эти материалы были мне любезно предоставлены Полом Лежандром и Иннокентием Грековым.

Изначально эти материалы собирались и использовались в ходе подготовки к написанию выпущенной Бюро по демократическим институтам и правам человека ОБСЕ (БДИПЧ ОБСЕ / ODIHR OSCE) книги «Hate Crime Law: A Practical Guide»⁹. В подготовке этой книге участвовали и представители ряда заинтересованных НПО из разных стран, включая и автора. Сама эта книга во многом стала основой для написания главы о преступлениях ненависти.

⁸ Формирование права в сфере, охваченной законом «О противодействии экстремистской деятельности», и практика правоприменения анализируются в ежегодных докладах Центра «Сова», которые доступны на его сайте на страницах: <http://www.sova-center.ru/racism-xenophobia/publications/> и <http://www.sova-center.ru/misuse/publications/>, а также в серии опубликованных сборников докладов, последний из которых на момент написания этой книги: Ксенофобия, свобода совести и антиэкстремизм в России в 2014 году (сборник докладов). М.: Центр «Сова», 2015.

⁹ Hate Crime Law: A Practical Guide. Warsaw: OSCE/ODIHR, 2009 (доступно на сайте ОБСЕ на нескольких языках, включая русский: <http://www.osce.org/odihr/36426>).

Есть также русское издание: Законодательство против преступлений на почве ненависти: практическое руководство. Варшава: БДИПЧ ОБСЕ, 2009.

Данные о законодательстве стран ОБСЕ систематически обновлялись на сайте Human Rights First и доступны сейчас¹⁰.

2. Коллекция норм стран Европы, в географическом смысле этого слова, собранная в ходе подготовки к семинару по проблематике правового противодействия возбуждению ненависти, организованному ООН в феврале 2011 года¹¹. Эта коллекция доступна на сайте ООН¹².

3. Страновые приложения к ценному исследованию законодательства, касающегося богохульства и религиозно окрашенного языка вражды, выпущенного Венецианской комиссией (Европейской комиссией за демократию через право) Совета Европы¹³.

4. База данных законодательств стран ОБСЕ на сайте БДИПЧ ОБСЕ¹⁴.

5. Коллекция выдержек из законодательства, касающегося противодействия расизму и дискриминации, на сайте Комиссии Совета Европы против расизма и дискриминации (ECRI)¹⁵. Эта коллекция также содержит ценные комментарии по странам к отдельным аспектам правоприменения и понимания языка законов.

Я крайне признателен авторам всех перечисленных выше источников¹⁶, но вынужден констатировать, что и в них были замечены различные неточности. А главное, законодательство довольно часто меняется, а составители не всегда успевают это заметить, так что зачастую в указанных собраниях процитированы законы, уже измененные даже к моменту их

¹⁰ Hate Crime Report Card // Сайт Human Rights First (<http://www.humanrightsfirst.org/our-work/fighting-discrimination/hate-crime-report-card/>).

¹¹ Этот семинар был одним из серии региональных семинаров. Серия увенчалась принятием Рабатского плана действий, который суммировал возможности противодействия языку вражды (см. ниже).

¹² 2011 Expert workshops on the prohibition of incitement to national, racial or religious hatred. – Workshop for Europe (Vienna, 9–10 February 2011). Annexes to the study containing country-specific information // UN web-site (<http://www.ohchr.org/EN/Issues/FreedomOpinion/Articles19-20/Pages/AnnexesCountryVienna.aspx>).

¹³ Blasphemy, insult and hatred: finding answers in a democratic society. Strasbourg: Council of Europe Publishing, 2010. P. 151–310 (книга доступна на сайте Венецианской Комиссии Совета Европы: <http://www.venice.coe.int/webforms/documents/?pdf=CDL-STD%282010%29047-e>).

¹⁴ LegislatiOnLine (<http://legislationline.org/>). Существует также русская версия (<http://legislationline.org/ru>), но она менее полная.

¹⁵ Legal measures to combat racism and intolerance in the member States of the Council of Europe // ECRI web-site (http://www.coe.int/t/dghl/monitoring/ecri/legal_research/national_legal_measures/).

¹⁶ Я указал только главные источники. Коллекций существует больше, но они были использованы скорее для уточнения данных. Например, следует упомянуть: Legislating against discrimination: an international survey of anti-discrimination norms / Ed. by Nina Osen and Dina Porat. Leiden – Boston: Martinus Nijhoff Publishers, 2005.

издания того или иного собрания. Поэтому многие обновления и уточнения мне приходилось производить самому.

В целом информация в данной книге актуализирована на конец 2012 года, а в некоторых случаях учтены и изменения, сделанные позже. Во втором издании учтены замеченные ошибки и недоработки первого, вышедшего в конце 2014 года.

Однако я, увы, не могу поручиться, что моя коллекция свободна от ошибок и анахронизмов. Поэтому любые замечания и уточнения с благодарностью принимаются.

Эта книга подготовлена и опубликована при поддержке Международного партнерства по правам человека и Норвежского Хельсинкского комитета. Работа над ней была начата при значительном содействии Международного форума исследований демократии (я особенно благодарен Салли Блейр и Хилари Коллинз).

Я признателен Дмитрию Дубровскому за замечания на заключительном этапе работы и, конечно, всем тем, кто помогал мне в сборе информации для этой книги: сотрудникам Правовой библиотеки Конгресса США, Майклу Либерману, Майклу Вайну, Алесу Ханеку, Кларе Калибовой, Брижит Дюфур, Дэвиду Фриггери, а также, Евгении Горжевской за помощь с переводом правовых норм. Прошу прощения у всех, кого я упустил в этом перечне.

Глава I. Международное право

Международное право в интересующей нас области многократно описано, поскольку представлено гораздо меньшим числом нормативных текстов, чем совокупность национальных законов, зато интересует большее число людей, чем любой отдельно взятый национальный закон.

Международное право по сути можно подразделить на две категории. Первая — обязательные договоры, к которым присоединились государства (иногда с определенными оговорками), и тогда буква этих договоров столь же обязательна для них, как нормы Конституции или УК (в России Конституция даже утверждает приоритет международно-правовых обязательств). Вторая — разного рода рекомендательные документы, начиная от Декларации прав человека ООН и заканчивая резолюциями Парламентской ассамблеи Совета Европы или Совета министров иностранных дел ОБСЕ. Эти вторые не порождают нормативной базы, но зато существенно влияют на понимание терминологии, на понимание актуальности тех или иных ранее принятых норм. Между этими двумя категориями находится прецедентное право судебных и квазисудебных инстанций, таких как Европейский суд по правам человека: их решения не просто интерпретируют нормы первой категории, но могут их настолько существенно уточнять, что в ряде случаев вернее будет сказать, что прецедентное право фактически развивает эти международно-правовые нормы.

В этой главе я ограничусь тем, что приведу собственно нормы, относящиеся к первой категории и действующие для всех или почти всех стран ОБСЕ, и кратко суммирую основные моменты, касающиеся интерпретации этих норм. Конечно, интерпретация никогда не может быть однозначной, но какие-то выводы из масштабной дискуссии по этим вопросам, по крайней мере, действительно на сегодняшний день, сделать можно.

1. Основные нормы и обязательства

Наиболее детальные «тематические» положения содержатся в ОО-Новской Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации:

Ст. 2, п. 1б: «Каждое государство-участник обязуется не поощрять, не защищать и не поддерживать расовую дискриминацию, осуществляемую какими бы то ни было лицами или организациями».

Ст. 4: «Государства-участники осуждают всякую пропаганду и все организации, основанные на идеях или теориях превосходства одной расы или группы лиц определенного цвета кожи или этнического происхождения, или пытающиеся оправдать, или поощрять расовую ненависть и дискриминацию в какой бы то ни было форме, и обязуются принять немедленные и позитивные меры, направленные на искоренение всякого подстрекательства к такой дискриминации или актов дискриминации, и с этой целью они в соответствии с принципами, содержащимися во Всеобщей декларации прав человека, и правами, ясно изложенными в статье 5 настоящей Конвенции, среди прочего:

а) объявляет наказуемым по закону преступлением всякое распространение идей, основанных на расовом превосходстве или ненависти, всякое подстрекательство к расовой дискриминации, а также все акты насилия или подстрекательства к таким актам, направленным против любой расы или группы лиц другого цвета кожи или этнического происхождения, а также предоставление любой помощи для проведения расистской деятельности, включая ее финансирование;

б) объявляют противозаконным и запрещает организации, а также организованную и всякую другую пропагандистскую деятельность, которые поощряют расовую дискриминацию и подстрекают к ней, и признают участие в таких организациях или в такой деятельности преступлением, наказуемым законом».

Ратифицировавшие Конвенцию страны обязались тем самым преследовать возбуждение ненависти, преступления ненависти и разные формы языка вражды, а также организационную деятельность, направленную на расовую дискриминацию. Конвенцию ратифицировали практически все страны региона ОБСЕ, хотя десять из них сделали разного рода исключения при ратификации ст. 4 для защиты свободы слова, как, например, США.

Не меньшее значение имеет столь же широко ратифицированная формулировка Международного пакта о гражданских и политических правах (ICCPR), ограничивающая провозглашенную им же в ст. 19 свободу выражения:

Ст. 20, ч. 2: «Всякое выступление в пользу национальной, расовой или религиозной ненависти, представляющее собой подстрекательство к дискриминации, вражде или насилию, должно быть запрещено законом».

Эта норма гораздо конкретнее, чем более общее ограничение, заложенное в самой ст. 19, но и это последнее надо иметь в виду. Согласно ст. 19, ч. 3, п. b, право на свободное выражение своего мнения «*может быть сопряжено с некоторыми ограничениями, которые, однако, должны быть установлены законом и являться необходимыми ... для охраны государственной безопасности, общественного порядка, здоровья или нравственности населения*».

Последнее ограничение в сходных выражениях повторено в Конвенции о защите прав человека и основных свобод, обязательной для членов Совета Европы, в который входят 47 стран из 57 членов ОБСЕ.

Ч. 2 ст. 10 Конвенции, посвященной свободе выражения:

«Осуществление этих свобод, налагающее обязанности и ответственность, может быть сопряжено с определенными формальностями, условиями, ограничениями или санкциями, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности, территориальной целостности или общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья и нравственности, защиты репутации или прав других лиц, предотвращения разглашения информации, полученной конфиденциально, или обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия».

Интересно, что в ст. 11 Конвенции о свободе собраний ограничения звучат довольно сходно, а вот в ст. 9 о религиозной свободе (свободе совести) ограничений меньше:

«Свобода исповедовать свою религию или убеждения подлежит лишь тем ограничениям, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах общественной безопасности, для охраны общественного порядка, здоровья или нравственности или для защиты прав и свобод других лиц».

Все-таки Конвенция принималась в 1950 году, когда религиозно-политический радикализм не был в Европе актуален. Но, впрочем, ограничения ст. 10 применимы и к свободе религиозного самовыражения.

Наконец, стоит отметить ст. 17 Конвенции:

«Ничто в настоящей Конвенции не может толковаться как означающее, что какое-либо государство, какая-либо группа лиц или какое-либо лицо имеет право заниматься какой бы то ни было деятельностью или совершать какие бы то ни было действия, направленные на упразднение прав и свобод, признанных

в настоящей Конвенции, или на их ограничение в большей мере, чем это предусматривается в Конвенции».

Это положение применимо ко многим радикальным группировкам и их пропаганде.

Как можно заметить даже по процитированным нормам, они имеют отношение к широкой теме дискриминации, которая и начала разрабатываться именно с дискриминации расовой, этнической и религиозной. Но антидискриминационные нормы — это другая, очень широкая тема. Некоторое отношение к теме этой книги могут иметь также международные конвенции и иные соглашения, касающиеся терроризма, но это отношение не столь уж непосредственное. Поэтому все эти соглашения здесь не рассматриваются.

2. Отсутствие норм, касающихся преступлений ненависти

Зато нет никаких конвенций по теме, для нашего обзора очень важной — о насильственных преступлениях ненависти, вероятно, потому, что сама эта концепция получила свое развитие позже периода принятия «больших конвенций». Единственная норма была процитирована выше: государства, подписавшие Международную конвенцию о ликвидации всех форм расовой дискриминации, обязались криминализовать *«все акты насилия или подстрекательства к таким актам, направленным против любой расы или группы лиц другого цвета кожи или этнического происхождения»*. Но, честно говоря, акты насилия и без Конвенции являются преступлением в любой стране, и Конвенция сама по себе не породила понятия преступления ненависти. Лишь позже это понятие распространилось по региону ОБСЕ, и сейчас значительное большинство стран-членов имеют соответствующее законодательство.

Теоретически, другим международно-правовым источником утверждения специальных санкций за преступления ненависти мог бы стать запрет дискриминации. По крайней мере, Европейский суд по правам человека в 2005 году в деле «Начова и другие против Болгарии» именно на этом основании постановил¹⁷, что власти обязаны расследовать расистский мотив нападения, если есть такое подозрение. А в другом решении ЕСПЧ

¹⁷ *Nachova and Others v. Bulgaria*, Judgement of the European Court of Human Rights (Grand Chamber). 2005. 6 July. Paras 160–168 (<http://www.echr.coe.int/ECHR/EN/Header/Case-Law/HUDOC/HUDOC+database>).

подчеркнул, что преступления ненависти нельзя рассматривать наравне с обычными¹⁸. Но следует признать, что распространение законов о преступлениях ненависти началось задолго до этих решений и решения ЕСПЧ мало повлияли на этот процесс, как, к сожалению, и на национальные нормы, регламентирующие необходимость расследования мотива ненависти.

Параллельно с распространением законодательства о преступлениях ненависти ОБСЕ выступала с разного рода рекомендациями, относящимися к нему¹⁹. В частности, было утверждено общее понимание преступлений ненависти как *«уголовно наказуемых деяний, совершаемых на основе предрассудков»*²⁰.

Учитывая, что эти рекомендации принимаются в ОБСЕ консенсусом, можно считать, что в регионе ОБСЕ сама необходимость иметь такое законодательство никем особенно не оспаривается. Более того, решения Совета министров ОБСЕ порождают политические обязательства для стран-членов. И все же до сих пор такие законы имеют не все страны. О разнообразии норм и самих подходов к их формулированию речь пойдет ниже в соответствующей главе. Аппарат ОБСЕ подготовил в этой связи уже упоминавшийся документ *«Законодательство против преступлений на почве ненависти: практическое руководство»*.

3. Затруднения в понимании норм о публичных высказываниях

§ 1. В чем согласны эксперты

Сложился уже немалый корпус литературы, анализирующей международно-правовое регулирование, которое относится к возбуждению

¹⁸ *Secic v. Croatia*, Judgement of the European Court of Human Rights, (Chamber Judgement). 2007. 31 May. Para 66 (<http://www.echr.coe.int/ECHR/EN/Header/Case-Law/HUDOC/HUDOC+database>).

¹⁹ Одна из первых и часто цитируемых рекомендаций — упоминание законодательства о преступлениях ненависти как имеющего «важное значение» в Решении Совета министров ОБСЕ № 4/03, принятом в Маастрихте в 2003 году; см. § 6 на с. 90 в документе: *Одиннадцатая встреча Совета министров 1–2 декабря 2003 года* // Сайт ОБСЕ (<http://www.osce.org/ru/mc/40538?download=true>).

²⁰ Решение Совета министров ОБСЕ № 9/09 «Борьба с преступлениями на почве ненависти» // Сайт ОБСЕ (<http://www.osce.org/ru/cio/40696?download=true>).

Это решение, принятое 2 декабря 2009 г., является наиболее содержательным решением ОБСЕ по этому вопросу.

ненависти и языку вражды, в том числе в свете прецедентной практики, созданной судебными инстанциями ООН и Совета Европы. Проблемой, однако, является не столько расхождение в академических оценках, сколько расхождение в политических практиках и намерениях правительств.

Хотя представление о том, что возбуждение ненависти должен быть ограничено, в том числе в уголовно-правовом плане, является само по себе всеобщим, за вычетом США, до согласованного представления о том, как именно оно должно быть ограничено, еще очень далеко. Дискуссия на международном уровне ведется вокруг интерпретации процитированных выше статей пактов и конвенций.

Важно иметь в виду, что основным понятием является при этом не язык вражды (hate speech), а подстрекательство к ненависти (incitement of hatred), причем подразумевается публичное подстрекательство. Такая терминология опирается на терминологию самого международного права и фиксирует то, как государства и большинство аналитиков понимают ключевую опасность — не как манифестацию или пропаганду интолерантности, а как высказывания (в широком смысле этого слова), побуждающие к каким-то опасным действиям или создающие опасность таковых. Видимо, российский читатель может смело подставлять на место incitement of hatred более привычное «возбуждение ненависти»: этот термин в ст. 282 УК РФ должен пониматься близко по смыслу к термину «публичное подстрекательство к ненависти», судя по разъяснениям Верховного суда²¹. «Язык вражды» (hate speech) многими, в первую очередь американскими, экспертами воспринимается как понятие, которым слишком легко злоупотребить в ущерб свободе выражения; но в любом случае понятие «язык вражды» описывает гораздо более широкий круг высказываний, которые необязательно к чему-то подстрекают, но теми или иными средствами нагнетают в обществе или в какой-то его части негативное отношение к другой его части²². Поскольку те или иные формы неприязненного отношения к большим и малым социальным группам — явление неизбежное, как и публичные проявления такого отношения, регулирование в этой сфере многими почитается делом более деликатным. А потому в этой сфе-

²¹ Постановление Пленума Верховного суда РФ № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» от 28 июня 2011 г. // Сайт Верховного суда РФ. 2011. 29 июня (http://www.supcourt.ru/Show_pdf.php?Id=7315).

²² Об этом различии см. аккуратный анализ одного из лучших экспертов по языку вражды: Benesch Susan. Contribution to OHCHR Initiative on Incitement to National, Racial, or Religious Hatred // United Nations. Human Rights. 2011 (http://www2.ohchr.org/english/issues/opinion/articles1920_iccrp/docs/ContributionsOthers/S.Benesch.doc).

ре, можно сказать, на полях более ясной темы «возбуждения ненависти», уровень международного согласия гораздо ниже²³.

Однако согласие в ключевом термине — это лишь самое начало пути к общему представлению о том, что и как должно быть ограничиваемо и преследуемо по закону (если считать, что такое общее представление достижимо и вообще желательно). На конференции ООН в Женеве, созванной к десятилетней годовщине конференции ООН против расизма в Дурбане, было принято решение организовать серию экспертных семинаров «с целью достижения лучшего понимания типов законодательства, судебной практики и национальной политики в различных районах мира, касающихся понятия возбуждения ненависти». Такие семинары действительно состоялись. В результате 5 октября 2012 г. был принят важный рекомендательный документ — Рабатский план действий²⁴, на который я не раз еще буду ссылаться. Кроме того, было опубликовано много академических и полуакадемических докладов, которые дают представление о доминирующей сейчас в экспертной среде тенденции в теме противодействия «возбуждению ненависти».

Речь идет не о теоретической мировоззренческой дискуссии, а об интерпретации международно-правовых норм, поэтому определенные «крайности» отбрасываются сразу (кавычки здесь необходимо использовать, так как для большого количества людей это вовсе и не крайности). С одной стороны, существует согласие в том, что общества должны быть демократическими и должны уважать свободу выражения в разных ее

²³ Одна из самых интересных попыток концептуально обозначить линию, отделяющую криминальное высказывание от просто нежелательного, предпринята в статье, вошедшей в сборник «Extreme Speech and Democracy», который и в целом представляет большой интерес для тематики этой книги: Post Robert. Hate Speech // Extreme speech and Democracy / Ed. by Ivan Hare and James Weinstein. NY: Oxford University Press, 2009. P. 123–138.

²⁴ О Рабатском плане действий можно прочесть, например, на сайте ООН: Межд. свободой слова и языком ненависти: Рабатский план действий — практическое средство для борьбы с подстрекательством к ненависти // Сайт ООН. 2013. 21 февраля (<http://www.ohchr.org/RU/NewsEvents/Stories/Pages/TheRabatPlanofAction.aspx>).

Текст доступен на сайте ООН только на английском языке: Rabat Plan of Action on the prohibition of advocacy of national, racial or religious hatred that constitutes incitement to discrimination, hostility or violence // UN web-site. 2013 (http://www.ohchr.org/Documents/Issues/Opinion/SeminarRabat/Rabat_draft_outcome.pdf).

Центр «Сова» сделал неофициальный перевод: Рабатский план действий по запрещению пропаганды национальной, расовой или религиозной ненависти, представляющей собой подстрекательство к дискриминации, вражде или насилию // Центр «Сова». 2014. 6 ноября (<http://www.sova-center.ru/racism-xenophobia/publications/2014/11/d30593/>).

формах, следовательно, ограничения на язык вражды не должны использоваться как инструмент политического давления со стороны властей, и в целом, в согласии с Европейской конвенцией, ограничения свободы выражения должны быть *«предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе»*. Такое понимание противоречит законодательной и особенно правоприменительной практике множества стран мира, но лишь немногие из них готовы прямо отстаивать свое «право» на преследование мирных инакомыслящих под видом запрета на язык вражды. С другой стороны, позиция США, в которых не существует криминализации публичного подстрекательства как такового, вне зависимости от наступивших последствий (реальная ситуация несколько сложнее, о чем речь пойдет в соответствующей главе), также рассматривается как крайняя. Таким образом, проблема сводится к тому, как построить понятия и формулировки соответствующих законов, чтобы достичь наилучшего баланса свободы выражения и ограничения языка вражды.

Нельзя сказать, что у экспертов, работавших на семинаре по региону Европа, состоявшемся в Вене 9–10 февраля 2011 г., царил полное согласие, но в целом анализ этого корпуса источников права²⁵ дает достаточно сходные результаты.

Луи-Леон Кристиан, автор вводного обзора к семинару в Вене²⁶, констатировал отсутствие какой-то концептуальной общности в странах Европы в вопросе о криминализации возбуждения ненависти и языка вражды. Во-первых, в законодательствах никак не прояснена проблема, оставшаяся не решенной в конвенциях и пактах: где же проходит граница криминального в этой сфере; ясно только, что, в отличие от США, эта граница не проводится по тому, есть ли «прямая и непосредственная угроза» высказывания в смысле иных криминальных действий. Во-вторых, нормы о «возбуждении ненависти» соседствуют и по-разному сочетаются с нормами, касающимися преступлений ненависти, богохульства, унижения национального достоинства, сепаратизма, отрицания исторических геноцидов и т.д., что мешает ясному пониманию собственно нормы о возбуждении ненависти.

²⁵ Доклады и обзоры собраны на странице: 2011 Expert workshops on the prohibition of incitement to national, racial or religious hatred .. // Сайт ООН. 2011 (<http://www.ohchr.org/EN/Issues/FreedomOpinion/Articles19-20/Pages/ExpertsPapers.aspx>).

²⁶ Кристиан Луи-Леон. Рабочее совещание экспертов на тему запрещения разжигания национальной, расовой и религиозной ненависти. Исследование к рабочему совещанию, посвященному ситуации в Европе (Вена, 9–10 февраля 2011 года) // United Nations. Human Rights (http://www.ohchr.org/Documents/Issues/Expression/ICCPR/Vienna/ViennaWorkshop_BackgroundStudy_ru.pdf).

§ 2. Совет Европы

Общее понимание не формируется даже на уровне рекомендательных документов органов Совета Европы. Тот же Луи-Леон Кристиан напрасно усматривает в этих рекомендациях понимание языка вражды именно или хотя бы преимущественно как подстрекательства. В том-то и дело, что в рекомендациях отсутствует явный или даже неявный призыв к каким-то действиям как объединяющий признак, не говоря уже о более узком понимании, предполагающем сужение объекта криминализации до призывов к определенному перечню действий, или к насилию в целом, или к уголовно-наказуемым действиям и т.д.

Некоторые рекомендации фактически политизируют вопрос и ничего не проясняют в части определения границ дозволенного. Такова рекомендация Комитета министров Совета Европы 1997 года:

«Термин “возбуждение ненависти” трактуется как понятие, покрывающее все формы самовыражения, которые включают распространение, провоцирование, стимулирование или оправдание расовой ненависти, ксенофобии, антисемитизма или других видов ненависти на основе нетерпимости, включая нетерпимость в виде агрессивного национализма или этноцентризма, дискриминации и враждебности в отношении меньшинств, мигрантов и лиц с эмигрантскими корнями»²⁷.

Ничуть не уже оказалась более тщательно подготовленная рекомендация профильного органа Совета Европы – Комиссии Совета Европы по борьбе с расизмом и нетерпимостью (ECRI), выпущенная за номером 7 в 2002 году:

«18. Закон должен предусматривать наказание за нижеследующие действия, если они совершены преднамеренно:

- а) публичное подстрекательство к насилию, ненависти или дискриминации,*
- б) публичные оскорбления и диффамация,*
- в) угрозы в отношении лица или категории лиц по основаниям их расы, цвета кожи, языка, религии, гражданства и национального или этнического происхождения;*
- г) публичное распространение с расистскими целями идеологии, которая провозглашает превосходство или порочит и*

²⁷ Recommendation No. R (97) 20. Of the Committee of Ministers to member states on «Hate Speech» // Сайт Совета Европы (http://www.coe.int/t/dghl/standardsetting/media/Doc/CM/Rec%281997%29020&ExpMem_en.asp).

преуменьшает достоинства определенной категории лиц по основаниям их расы, цвета кожи, языка, религии, гражданства и национального или этнического происхождения;

д) публичное отрицание, представление в упрощенном и искаженном виде или оправдание с расистскими целями преступлений геноцида, преступлений против человечности или военных преступлений;

е) публичная раздача или публичное распространение, производство или хранение для публичной раздачи или публичного распространения с расистскими целями печатных, иллюстрированных или иных материалов с признаками, содержащимися в подпунктах а, б, в, г, д пункта 18;

ж) создание группы лиц, поощряющей и поддерживающей расизм, руководство такой группой, помощь и поддержка такой группы, участие в ее деятельности с намерением способствовать совершению правонарушений, перечисленных в подпунктах а, б, в, г, д, е пункта 18;

з) расовая дискриминация в общественных учреждениях, местах общественного обслуживания и общественного пользования»²⁸.

В дополнение в п. 20 предполагается наказание за любые формы соучастия в деяниях, перечисленных в п. 18. С другой стороны, в Рекомендации говорится, что применяться может не только уголовное, но также административное и гражданское право, то есть перечисленные деяния необязательно должны считаться именно уголовными преступлениями.

А п. 21 утверждает, что наличие расистской мотивировки при этих деяниях должно быть отягчающим обстоятельством. И это само по себе означает, что формулировки п. 18 не предполагают непременно расистского мотива (за исключением п. «г»), то есть публичное отрицание геноцида, угрозы по этническому признаку и т.д. должны быть наказуемы вне зависимости от их мотивации.

Рекомендации Парламентской ассамблеи Совета Европы (ПАСЕ), опирающиеся на практику ЕСПЧ, тоже не сужают правовую рамку. Специальной рекомендации ПАСЕ по языку вражды нет, но есть две основные смежные — «Об угрозе для демократии со стороны экстремистских партий и

²⁸ Общеполитическая рекомендация ЕКРП No. 7: О национальном законодательстве по борьбе с расизмом и расовой дискриминацией // Сайт Совета Европы (http://www.coe.int/t/dghl/monitoring/ecri/activities/GPR/EN/Recommendation_N7/REC7-2003-8-RUS.pdf).

движений в Европе» 2003 года²⁹ и «Святотатство, религиозные оскорбления и враждебные высказывания в адрес лиц в связи с их религией» 2007 года³⁰.

Первая рекомендует

«предусмотреть в своем законодательстве возможность ограничения свободы выражения мнений, собраний и объединений для целей борьбы с экстремизмом. Однако любые такие меры должны соответствовать требованиям Европейской конвенции о правах человека».

Само понятие «экстремизм» определяется в документе довольно сложно (см. подробнее в главке о вариантах антиэкстремистского законодательства), но понятно, что речь в процитированном абзаце в первую очередь идет именно о возбуждении ненависти.

Вторая рекомендация призывает ограничить криминализацию высказываний, связанный с религией до того же уровня, что и связанных с этничностью и т.п., то есть исключить криминализацию «оскорбления определенной религии». Эта тема будет также рассмотрена в отдельной главке. Здесь достаточно сказать, что эти рекомендации, таким образом, рассматривают лишь некоторые вопросы и в целом тоже не сужают и не конкретизируют понятие «возбуждение ненависти» и связанные с ним³¹.

Стоит, однако, добавить, что дискриминационные и даже подстрекательские высказывания могут звучать совершенно иначе, если они связаны с религией. Разумеется, высказывания, связанные с религией, подлежат всем тем же ограничениям, что и любые иные, поскольку международное право не устанавливает обратного. Но верно и то, что конвенции обходят — и, на мой взгляд, правильно делают — вопрос о том, как понимать те или иные утверждения неравенства, проистекающие из религиозных доктрин. Ведь почти все эти доктрины сформировались задолго до эпохи утверждения равноправия, с тех пор они разнообразно трансформировались и доньше подлежат самым разным интерпретациям. В любом случае, международное или национальное право не обладает достаточным авторитетом, чтобы

²⁹ Резолюция доступна на сайте ПАСЕ (http://www.coe.int/t/r/parliamentary_assembly/%5BRussian_documents%5D/%5B2003%5D/%5BSept_2003%5D/Res%201344%20Rus.asp).

³⁰ Резолюция доступна на сайте ПАСЕ (http://www.coe.int/t/r/parliamentary_assembly/%5BRussian_documents%5D/%5B2007%5D/%5BJune2007%5D/Rec1805_rus.asp).

³¹ ПАСЕ принимала и другие резолюции на смежные темы, но они не содержат ничего более конкретного. См., например, резолюцию, одобренную в 2006 году: Combating the resurgence of Nazi ideology // ПАСЕ (<http://assembly.coe.int/Main.asp?link=/Documents/AdoptedText/ta06/ERES1495.htm>).

реально повлиять на трансформацию религиозных доктрин, хотя и может, бесспорно, ограничить те или иные публичные декларации на их основе³².

§ 3. ООН

Приглашенные ООН на упомянутые семинары, то есть в некотором смысле одобренные на высшем международном уровне, эксперты пытались внести больше ясности, но как добросовестные юристы они не могли домыслить уточнения, которых в международно-правовых нормах просто нет. Все они подчеркивали принцип ограниченности самих ограничений, принцип пропорциональности санкций за нарушения, принцип необходимости ограничений именно «в демократическом обществе», что само по себе отсылает к определенному набору ценностей. Тем самым они, в общем-то, следовали в русле комментариев, которые дал сам ооновский Комитет по правам человека, то есть экспертный орган ООН, выполняющий функцию судебной инстанции по соблюдению Международного пакта о гражданских и политических правах (ICCPR).

Поэтому стоит процитировать то, что Комитет по правам человека счел нужным вынести в свои рекомендации по применению ст.ст. 19 и 20 Пакта в том, что прямо касается языка вражды, помимо указанных в предыдущем абзаце общих принципов:

«46. Государствам-участникам следует обеспечивать совместимость антитеррористических мер с пунктом 3. Такие правонарушения как “поощрение терроризма”³³ и “экстремистская деятельность”³⁴, а также правонарушения “восхваления”, “прославления” или “оправдания” терроризма должны иметь четкие определения для гарантии того, что их применение не ведет к неуместному или несоразмерному вмешательству в осуществление права на свободное выражение мнений. ...

48. Запреты на разные формы неуважения к какой-либо религии или другим системам убеждений, в том числе законы о богохульстве, являются несовместимым с Пактом за исключением отдельных случаев, предусмотренных в пункте 2 статьи

³² Трудно, например, счесть удачной попытку ПАСЕ высказаться на тему содержания религиозных доктрин как таковых: см. пп. 16 и 17 Рекомендации ПАСЕ № 1804, принятой в 2007 году: Государство, религия, светское общество и права человека // Российское общество исследователей религии (<http://www.rusoir.ru/2007.php?action=view&id=164>).

³³ Заключительные замечания в отношении Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии (CCPR/C/GBR/CO/6).

³⁴ Заключительные замечания в отношении Российской Федерации (CCPR/CO/79/RUS).

20 Пакта. Такие запреты должны также строго соответствовать требованиям пункта 3 статьи 19, а также статьей 2, 5, 17, 18 и 26. Так, например, недопустимо, чтобы в каких-либо подобных законах содержалась дискриминация в пользу или против одной или нескольких религиозных систем или систем убеждений, либо в отношении их приверженцев по сравнению с приверженцами других систем, а также религиозных верующих по сравнению с неверующими. Кроме того, нельзя допускать, чтобы такие запреты препятствовали критике религиозных лидеров и высказыванию замечаний по поводу религиозных доктрин и догматов веры или устанавливали за это наказание³⁵.

49. Законы, предусматривающие меры наказания за выражение мнений об исторических фактах, являются несовместимыми с предусмотренными Пактом обязательствами государств-участников уважать свободу мнений и право на их свободное выражение³⁶. В Пакте не предусмотрено широкого запрета на выражение ошибочных мнений или неверной интерпретации событий, происшедших в прошлом. Ограничения на свободу мнений не должны навязываться ни при каких условиях, а ограничения в отношении права на свободное выражение мнений не должны выходить за рамки требований, предусмотренных пунктом 3 статьи 19 или статьей 20»³⁷.

Знакомство с полным текстом этих «замечаний общего порядка» позволяет представить круг понятий, связываемых с регулированием ограничений свободы выражения, и рассматриваемых при этом коллизий. Но применительно к собственно возбуждению ненависти и языку вражды, как видим,

³⁵ Заключительные замечания в отношении Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии – Владения Короны (Джерси, Гернси и остров Мэн) (CCPR/C/79/Add.119). См. также заключительные замечания в отношении Кувейта (CCPR/CO/69/KWT).

³⁶ Так называемые законы о сохранении памяти, см. сообщение № 550/93, Фориссон против Франции. См. также заключительные замечания в отношении Венгрии (CCPR/C/HUN/CO/5), п. 19.

³⁷ Замечание общего порядка No. 34. Статья 19: Свобода мнений и их выражения // United Nations. Human Rights. 2011. 12 сентября (http://www2.ohchr.org/english/bodies/hrc/docs/CCPR-C-GC-34_ru.doc).

Сноски внутри цитаты отсылают к решениям и заключениям Комитета.

Стоит также отметить положение из п. 43, относящегося к регулированию интернета: «Допустимые ограничения должны основываться главным образом на содержании конкретных материалов; общие запреты на функционирование определенных сайтов и систем несовместимы с пунктом 3» (здесь и выше в цитате – имеется в виду п. 3 ст. 19 Пакта).

сформулировано только одно принципиальное пожелание: чтобы специальные законы, направленные против экстремизма, терроризма, богохульства, «исторического ревизионизма» и т.д., не порождали ограничений прав и свобод более жестких, чем уже предусмотрено в ст.ст. 19 и 20 Пакта.

Зато чего мы никак не можем обнаружить ни в этих, ни в иных официальных рекомендациях, это попыток как-то уточнить ограничения и запреты, сформулированные в Пакте и иных основных конвенциях, приведенных выше. Во многих экспертных обзорах, статьях и рекомендациях, посвященных теме возбуждения ненависти и языка вражды, встречается пожелание национальным законодателям четче, и тем самым уже, формулировать ограничения, но нет никакого подобия согласия в том, как именно эта четкость должна достигаться. Обзор соответствующей литературы предпринимался не раз³⁸ и не является моей задачей; приведу только пример того, что до четкости пока всем нам еще далеко: в рекомендациях авторитетной организации Article 19 пожелание сузить правовые определения соседствует с пожеланием иметь открытый список оснований запрещаемых публичного возбуждения ненависти³⁹.

Думается, причина в том, что нет никакой ясности в интерпретации ключевого понятия «ненависть/вражда» в словосочетании «возбуждение ненависти» (incitement of hatred/hostility), на что указывает, например, автор одной из самых интересных статей на эту тему — Тоби Мендель⁴⁰. Заметим, что слова «ненависть» и «вражда» на русском, как и hatred и hostility на английском, почти всегда используются как взаимозаменяющие и не существует никакого общего представления о том, как их можно было бы различать в правовом плане⁴¹. Зато часто встречается

³⁸ См. например: McGonagle Tarlach. A Survey and Critical Analysis of Council of Europe Strategies for Countering “Hate Speech” // The Content and Context of Hate Speech. P. 456–498..

³⁹ См. Ключевые рекомендации в: Prohibiting incitement to discrimination, hostility or violence. London: Article 19, 2012. P. 2.

⁴⁰ Mendel Toby. Does International Law Provide for Consistent Rules on Hate Speech? // The Content and Context of Hate Speech. P. 417–429.

⁴¹ Когда Верховный суд России впервые взялся разъяснять нормы уголовного права, относящиеся к понятию «противодействия экстремизму», включая, естественно, и язык вражды, докладчик по этому вопросу судья ВС Владимир Давыдов говорил, что слово «вражда» в словосочетании «возбуждение ненависти и вражды» излишне, так как отчасти дублирует, отчасти размывает смысл более понятного выражения «возбуждение ненависти». Однако это соображение не вошло в постановление Пленума ВС. См.: ВС РФ призывает российские суды не путать вражду с ненавистью // РАПСИ. 2011. 9 июня (http://www.infosud.ru/judicial_analyst/20110609/252962604.html).

определение одного из этих понятий через другое, что никак не добавляет ясности. Например, в выпущенной в декабре 2008 года несколькими ключевыми фигурами международных организаций Афинской декларации о законодательстве, касающемся оскорбления религии, антитерроризма и антиэкстремизма, говорится буквально следующее:

«Ограничения на свободу выражения мнения в целях предотвращения нетерпимости должны касаться исключительно случаев разжигания национальной, расовой или религиозной вражды, которые являются подстрекательством к дискриминации, вражде или насилию»⁴².

Мендель приводит в качестве положительного примера попытку Верховного суда Канады дать такое определение:

«Ненависть основывается на разрушении (уничтожении), а следовательно, ненависть в отношении опознаваемых групп растет вместе с неспособностью к сочувствию, нетерпимостью, истреблением как группы жертв, так и ценностей нашего общества. Ненависть в этом смысле — предельно сильное чувство, противостоящее разуму; если это чувство проявляется в отношении членов опознаваемой группы, значит, они будут подвергнуты презрению, насмешкам, дурному обращению, им будет отказано в уважении на основании принадлежности к группе»⁴³.

Но как бы ни относиться именно к этому определению, ясно одно: оно имеет силу только в Канаде, и то не в ранге закона. То же касается и любых других попыток дать определение этому ключевому понятию.

Не существует также общепризнанной интерпретации того, какой набор действий может охватываться понятием «возбуждение» (incitement); в частности, нет общего представления, что речь должна идти именно о

⁴² Совместные декларации представителей межправительственных органов по защите свободы СМИ и выражения мнения. Вена: ОБСЕ, 2013. С. 65.

Вданном случае стоит сравнить язык перевода с языком оригинала: «Restrictions on freedom of expression to prevent intolerance should be limited in scope to advocacy of national, racial or religious hatred that constitutes incitement to discrimination, hostility or violence». См.: Joint declaration on defamation of religions, and anti-terrorism and anti-extremism legislation. The UN Special Rapporteur on Freedom of Opinion and Expression, the OSCE Representative on Freedom of the Media, the OAS Special Rapporteur on Freedom of Expression and the ACHPR (African Commission on Human and Peoples' Rights) Special Rapporteur on Freedom of Expression and Access to Information // OSCE. 2008. 15 December (<http://www.osce.org/fom/35639?download=true>).

⁴³ R. v. Keegstra, [1990] 3 SCR 697 // Supreme Court of Canada (<http://www.canlii.org/en/ca/scc/doc/1990/1990canlii24/1990canlii24.html>).

призывах к конкретным действиям, тем более к как-то ограниченному типу действий (например, только к насилию), вообще не предполагается, что высказывание должно быть грамматически построено как призыв.

§ 4. Попытка градации высказываний по степени опасности

Стоит отметить попытку классификации в международном праве разных видов возбуждения ненависти и языка вражды, то есть попытку поставить меры, принимаемые государством, в зависимость от опасности высказываний. Речь идет о Дополнительном протоколе к Конвенции о киберпреступности, касающемся криминализации актов расистской или ксенофобной природы, совершенных посредством компьютерных систем⁴⁴. Протокол до сих пор не ратифицирован и половиной членов Совета Европы (в частности, не ратифицирован Россией), так что он хотя и вступил в силу, пока не вполне может считаться источником международного права, но потенциально предложенный там подход может иметь перспективу: по многим позициям Протокол оставляет за государствами выбор, насколько широко или узко толковать границы криминализации высказываний.

Протокол предполагает, что государство может криминализовать распространение, в данном случае — через компьютерные системы, любых «расистских и ксенофобных материалов», то есть в той или иной форме побуждающих к насилию, дискриминации или ненависти по расовому и иным признакам, но может и не криминализовать публичные призывы к дискриминации, если они не связаны с призывами к насилию или возбуждением ненависти. Страны-участники обязуются криминализовать расистские угрозы, если речь идет об угрозе серьезного преступления, но могут выбрать, криминализовать им или нет расистские оскорбления. Отрицание признанных международными судами случаев геноцида и преступлений против человечности может быть криминализовано в целом, или только в том случае, если оно соединено с возбуждением ненависти, или не криминализовано вовсе⁴⁵.

⁴⁴ Additional Protocol to the Convention on Cybercrime, concerning the criminalisation of acts of a racist and xenophobic nature committed through computer systems // Сайт Совета Европы (<http://conventions.coe.int/Treaty/EN/Treaties/Html/189.htm>).

Неофициальный русский перевод см. там же (<http://conventions.coe.int/Treaty/RUS/Treaties/Html/189.htm>).

⁴⁵ Кстати, Протокол — первый международно-правовой акт, в котором тема «исторического ревизионизма» трактуется шире, чем «отрицание Холокоста». Подробнее,

4. Вклад ЕСПЧ

Некоторое единообразие могло бы привести к правоприменению на уровне международных судебных инстанций, и отчасти это так. Но не следует преувеличивать успехи международного правоприменения в деле уточнения нормативной стороны преследования возбуждения ненависти и языка вражды. Как мы видели выше, Комитет ООН по правам человека из рассмотренных им дел не смог вынести больше того, что было процитировано. ОБСЕ не имеет своей квазисудебной инстанции.

Чаще всего анализу в интересующем нас плане подвергается практика ЕСПЧ (и я выше тоже уже ссылался на решения ЕСПЧ). Можно даже сказать, пожалуй, что для региона ОБСЕ за вычетом, как уже было сказано, США, решения ЕСПЧ становятся неким ориентиром, пусть они и обязательны только для членов Совета Европы (де-факто довольно условно). В решении по делу *Handyside vs. UK* (1976) ЕСПЧ провозгласил формулу (с тех пор не раз повторенную, в том числе в рекомендациях ПАСЕ), гласящую, что свобода выражения «распространяется на передачу не только такой “информации” или “идей”, которые встречают благоприятный прием либо рассматриваются как безвредные или нейтральные, но и таких, которые оскорбляют, шокируют или тревожат государство или какую-то часть населения»⁴⁶, но эта декларация отнюдь не означает, что ограничения на свободу выражения, установленные в Конвенции, забыты.

Ключевой аргумент ЕСПЧ — не только сами ограничения в статьях Конвенции, но и отдельно ее ст. 17 (см. выше). Это, заметим, не значит, что такие действия, в том числе высказывания, направленные против ценностей Конвенции, непременно являются преступлением, но значит зато, что на них не распространяется защита Конвенции. То есть государства вправе устанавливать ограничения — в том числе и в виде уголовных санкций — на деятельность, направленную «на упразднение прав и свобод, признанных в настоящей Конвенции, или на их ограничение в большей мере, чем это предусматривается в Конвенции». Это дает, с точки зрения Конвенции и ЕСПЧ, основание для запрета неонацистских партий, а также коммунистических, радикальных исламистских и каких-то еще, хотя вопрос должен рассматриваться в каждом случае отдельно. И конечно, это ограничение имеет прямое отношение к возбуждению ненависти.

динамика в теме криминализации «исторического ревизионизма» будет рассмотрена в соответствующей главе.

⁴⁶ Хендисайд против Соединенного Королевства // Центр защиты прав СМИ (<http://enot-mmcd.sitetree.ru/european-court/map/single/118>).

В практике ЕСПЧ не было случая, чтобы Суд не согласился с национальным правосудием, если иметь в виду дела именно о возбуждении этнической, религиозной и т.п. ненависти или даже неприязни, а не антиправительственные и смежные с ними призывы. И речь не обязательно шла о прямом публичном подстрекательстве. Например, Суд в 2004 году счел правомерным уголовное преследование за публичное огульное увязывание ислама с терроризмом, предпринятое британским ультраправым⁴⁷. Ни разу не победили в ЕСПЧ и разнообразные «отрицатели Холокоста»⁴⁸. Таким образом, в этих делах ЕСПЧ фактически подтверждал до сих пор соответствие Конвенции национальных законодательств и правоприменения. Хотя на очереди в ЕСПЧ есть дела из России с перспективой иного исхода, пока соответствующих решений не было, рано говорить об усложнении позиции Суда. А следовательно, трудно считать, что ЕСПЧ заметным образом повлиял на понимание международного права в части ограничения языка вражды, хотя подтверждение в международной судебной инстанции важных общих принципов пропорциональности санкции, недопущения злоупотребления ограничениями свободы выражения и т.д. имеют определенное значение.

Кроме того, ЕСПЧ принял некоторые решения по вопросам, не центральным для регулирования языка вражды, но все же важным. Так, в решении по делу «Йерсилд против Дании» в 1994 году ЕСПЧ установил, что цитирование в СМИ (в широком смысле слова, включая, например, интервью) языка вражды само по себе не может быть преследуемо⁴⁹.

5. Решения Совета Европейского Союза

Значительная часть стран – членов ОБСЕ входит теперь также в Европейский Союз, при этом ЕС, в отличие от ОБСЕ и Совета Европы, может формировать единые законодательные подходы. Это делается через решения Совета ЕС, которые затем в обязательном порядке во-

⁴⁷ Norwood vs. the United Kingdom // ECHR. 2004 (<http://hudoc.echr.coe.int/sites/eng/pages/search.aspx?i=001-67632>).

⁴⁸ Практика ЕСПЧ применительно к языку вражды достаточно кратко суммируется в уже упомянутой статье: McGonagle Tarlach. A Survey and Critical Analysis of Council of Europe Strategies for Countering “Hate Speech”. См. также обзор, подготовленный к семинару, который проводила ECRI в ноябре 2006 года: Weber Anne. The case-law of the European court of human rights on article 10 ECHR relevant for combating racism and intolerance // Expert seminar: Combating racism while respecting freedom of expression. Strasbourg: ECRI, 2007. P. 97–113.

⁴⁹ Йерсилд (Jersild) против Дании // Сайт о Европейской конвенции (<http://www.echr.ru/documents/doc/2461479/2461479.htm>).

площаются (пусть и с немалыми задержками) в нормы национальных законодательств. Законотворческая практика стран ЕС в интересующей нас области вряд ли существенно влияет на законотворчество в США и Канаде, зато определенно влияет на страны к востоку от границ ЕС. В большей степени, естественно, – на те, которые стремятся к сближению к ЕС, но в некоторой степени – и на те, которые строят свою политику на политическом противопоставлении официальному Брюсселю.

Ключевым решением ЕС на 2014 год оставалось «Рамочное решение Совета ЕС 2008/913/JHA об уголовно-правовом противодействии определенным формам и проявлениям расизма и ксенофобии»⁵⁰. Рамочное решение ставит перед собой амбициозную цель добиться того, чтобы в пределах ЕС одни и те же действия, мотивированные расизмом и ксенофобией, одинаково понимались как криминальные или нет, но одновременно признает, что полная гармонизация законов невозможна (ср. пп. 5 и 6 преамбулы).

Рамочное решение вносит существенный вклад в законотворческую практику уже тем, что уточняет некоторые важные понятия, в первую очередь в части определения объектов вражды, то есть соответствующих групп населения. Во-первых, «религия» понимается как любая форма отношения к религии. Во-вторых, понимая всю условность категорий «раса», «этничность» и т.д., Рамочное решение утверждает, что важно лишь то, как формируется ненависть в зависимости от непосредственного национального или этнического происхождения (для этого используется термин «origin») или от предполагаемого наличия предков иной расы или цвета кожи (для этого используется термин «descent»). Рамочное решение ограничивается именно таким списком возможных объектов вражды, они рассматриваются как обязательные в соответствующих законах; но, конечно, страны вольны включать в эти законы и другие предрассудки (по полу, сексуальной ориентации и т.д.).

Рамочное решение требует (ст.1) криминализовать возбуждение ненависти и «исторический ревизионизм», связанный с возбуждением ненависти:

- публичные призывы к насилию и/или ненависти (в том числе путем распространения различных материалов; важно, что Рамочное решение настаивает именно на использовании «сильных» слов – «насилие» и «ненависть», а не, например, «недоброжелательность») по отношению

⁵⁰ Council framework decision 2008/913/JHA of 28 November 2008 on combating certain forms and expressions of racism and xenophobia by means of criminal law // Сайт законодательства ЕС (<http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32008F0913&from=EN>).

к группе или к людям такой группы, определяемой по перечисленным выше признакам,

- публичное одобрение, отрицание или принципиальная тривиализация актов геноцида, преступлений против человечности и военных преступлений, определенных ст.ст. 6-8 Статуса Международного уголовного суда или ст.6 Устава Нюрнбергского трибунала, если это высказывание сделано так, чтобы призвать к насилию или ненависти, как сказано выше.

Государства вольны ограничить криминализацию упомянутых высказываний только теми случаями, когда они могут нарушить общественный порядок или являться угрожающими или оскорбительными. Применительно к «историческому ревизионизму» государства могут ограничиться только теми фактами, которые получили определенное судебное подтверждение международными или их национальными судами. И само собой, государства не могут нарушать своих уже имеющихся обязательств в части соблюдения основных прав и свобод, включая свободу высказывания, свободу собраний и т.д.

Допускается также довольно необычное ограничение: страны могут криминализовать упомянутые высказывания, связанные с религией, только если они могут служить поводом к действиям против групп, определяемых по иным элементам списка, то есть относящимся к расе-этничности-национальности.

Если уже формулировки ст.1 Рамочного решения по языку очень напоминают язык кодексов, так что могли бы служить нормой прямого действия, если бы это было возможно, то последующие статьи вносят еще больше уточнений, в том числе процессуального порядка. Среди прочего, оговаривается, что максимум наказания будет варьироваться от 1 до 3 лет лишения свободы.

Ст.5 требует установить ответственность организаций, за вышеупомянутые преступления, если они были совершены от его имени и кем-то из лиц, имеющих власть внутри организации. В ст.6 перечислены даже варианты наказаний для организаций от лишения бюджетного финансирования до ликвидации.

Ст.4 отдельно оговаривает необходимость учитывать в законодательстве расистский и ксенофобный мотивы как общее отягчающее обстоятельство.

Рамочное решение давало странам два года на выполнение, и еще три на составление отчета. Отчет, вышедший в 2014 году⁵¹, показал, что

⁵¹ Report from the Commission to the European Parliament and the Council on the implementation of Council Framework Decision 2008/913/JHA on combating certain forms

в законодательстве стран ЕС не наблюдается единообразия правовых норм (а не только в куда более разнообразном во всех отношениях круге стран — членов Совета Европы, о чем говорилось выше). И если нормы о возбуждении ненависти так или иначе присутствуют во всех странах ЕС (но они там были бы и без Рамочного решения), то нормы об «историческом ревизионизме» - отнюдь нет.

6. Рабатский план действий

Наконец, следует учитывать, что и решения ЕСПЧ, и сами международно-правовые нормы, действуют на законодателей (и, в большинстве случаев, на правоприменителей) не непосредственно, а через признанных экспертов, интерпретирующих эти нормы и решения. Поэтому имеет значение упомянутая попытка ООН систематизировать нормы, касающиеся языка вражды и возбуждения ненависти, и выработать хотя бы некоторые рекомендации (ОБСЕ в силу действия принципа консенсуса, заметим, на это пока не решилась, хотя руководство по законодательству о преступлениях ненависти было уже подготовлено, см. выше).

В Рабатском плане действий, одобренном Советом по правам человека ООН в апреле 2013 года⁵², приводятся следующие существенные рекомендации для законодателей:

- законодательство, запрещающее возбуждение ненависти, должно существовать, так как это прямо предписывается международным правом;
- формулировки этого законодательства должны не уклоняться от формулировок международного права, в том числе ст. 20 ICCPR; в частности, это означает, что не следует заменять «жесткие» термины типа «ненависть» на более мягкие синонимы;
- ограничения на свободу выражения должны быть не завышенными, чтобы не нарушать баланс, установленный, в частности, ст.ст. 19 и

and expressions of racism and xenophobia by means of criminal law // Сайт Европейской Комиссии. 2014 (http://ec.europa.eu/justice/fundamental-rights/files/com_2014_27_en.pdf).

⁵² Резолюция, принятая Советом по правам человека. 22/31. Борьба с нетерпимостью, формированием негативных стереотипных представлений и стигматизацией, дискриминацией, подстрекательством к насилию и насилием в отношении лиц на основе религии и убеждений // Сайт ООН (http://www.un.org/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/HRC/RES/22/31&Lang=R).

Кстати, в той же резолюции Совет по правам человека провел неявное различие между публичным подстрекательством к насилию, которое Совет призывает криминализовать, и иными формами языка вражды, про которые столь определенно не говорится.

20 ICCPR, они должны быть необходимы в демократическом обществе и отвечать какой-то реальной общественной необходимости;

- эти ограничения должны быть сформулированы в законе четко, то есть не слишком широко и без неопределенных формулировок;
- наказания и ограничения должны быть пропорциональны, чтобы ущерб от ограничения свободы выражения не превышал ущерб от самого выражения;
- законы о богохульстве и критике религии недопустимы, даже помимо их дискриминационной обычно сути: *«религиозная свобода, освященная международными стандартами, не включает свободу иметь религию, свободную от критики и осмеяния»*;
- должно проводиться ясное разграничение высказываний, которые влекут уголовную ответственность, которые не влекут таковой, но могут быть предметом административного ограничения или гражданского иска, и которые, хотя и не ограничены законом, вызывают обеспокоенность в плане толерантности и уважения прав человека.

Рабатский план действий обращает внимание также на многочисленные проблемы правоприменения. Сами по себе эти проблемы выходят за рамки данного исследования, но нельзя не отметить важный элемент этих рекомендаций, относящихся к механизму оценки языка вражды. Следствию и суду предлагается оценивать шесть важнейших обстоятельств:

- контекст высказывания, причем как локальный во времени и пространстве, так и более широкий (в смысле исторического опыта данной страны и т.п.);
- статус субъекта языка вражды: ясно, что эффект высказывания сильно зависит именно от социального статуса говорящего;
- намеренность преступления: ведь в международном праве речь идет именно о возбуждении ненависти, а не просто о распространении каких-то текстов;
- собственно контент высказывания, включая не только его буквальное содержание, но и стиль и т.п.;
- пространство распространения: речь здесь в первую очередь идет о степени публичности высказывания, однако не только о количестве, но и о качестве предполагаемой и реальной аудитории, чье восприятие высказывания критически важно для его оценки;
- вероятность криминальных последствий: конечно, высказывание криминально вне зависимости от того, наступили ли такие последствия (например, в соотношении погрома и призыва к нему), но следует прини-

мать во внимание вероятность наступления последствий более серьезных, чем сама возбужденная ненависть.

И наконец, Рабатский план действий уделяет значительное внимание тому, что санкции, даже не уголовные, а гражданские или административные — это последнее средство противодействия распространению интолерантности, а первым является систематическая профилактическая деятельность в этом направлении государственных органов и самих граждан и их объединений. В этом смысле документ суммирует доминирующую позицию и экспертов, и государственных деятелей подавляющего большинства стран⁵³.

⁵³ Хотя в перечисленных выше критериях нельзя не заменить доминирующего влияния документов Article 19.

Глава II. Преступления ненависти

1. Суть понятия

Понятие преступлений ненависти (hate crimes), известное в российском законодательстве и в разговорном обиходе как «преступление по мотиву ненависти» или «на почве ненависти», возникло из осознания особой общественной опасности идейно мотивированных атак на представителей меньшинств. В первую очередь, понятие выросло на американской почве и на опыте атак белых расистов против чернокожих сограждан. С тех пор понятие претерпело существенную эволюцию, закрепилось в научной литературе⁵⁴, и мы можем опираться на достаточно единодушное понимание его сути, отраженное, в частности, в обзоре, изданном в 2009 году ОБСЕ⁵⁵.

Суть эта формулируется в указанном обзоре весьма просто: «Преступление на почве ненависти — уголовное деяние, мотивированное предубеждением»⁵⁶. Это означает, что для определения должны соблюдаться два условия.

Во-первых, деяние должно быть преступным вне зависимости от мотива или направленности. Поэтому «пропагандистские» преступления, о которых пойдет речь в следующей главе, или дискриминация преступлениями ненависти не являются: в отрыве от мотива и направленности сами по себе соответствующие действия не преступны. И поэтому в противодействии преступлениям ненависти нет — или хотя бы может не быть и не должно быть — избирательности и политизированности: речь ведь идет о противодействии деяниям, которые криминальны сами по себе.

Во-вторых, должен присутствовать мотив предубеждения против определенной социальной категории лиц, а не против жертвы лично. То есть преступление является преступлением ненависти в зависимости не от характеристик преступника или жертвы, а именно в зависимости от мотива преступления, причем под мотивом понимается и личная мотивация, и целеполагание преступника. В определении мотива есть

несколько важных аспектов, которые будут еще разбираться ниже, но я обозначу их хотя бы вкратце уже здесь, чтобы дать представление о том, что лапидарное определение понятия «преступление ненависти» охватывает достаточно многообразные деяния.

Мотив преступления может быть единственным или одним из нескольких, основным или второстепенным. Все ли эти варианты конституируют преступление ненависти? Этот вопрос в наименьшей степени урегулирован законодательно, а больше разрешается в судебной практике.

Подобный мотив необязательно является именно ненавистью (хотя чаще всего это так), но важна именно избирательность в отношении жертвы, фактически — дискриминационное отношение. Собственно, мотив вообще необязательно является каким-то отношением к жертве (хотя обычно это все же так): избирательность в выборе последней может быть продиктована некой целью, косвенно направлена на некую категорию лиц. Например, УК Словакии учитывает как отягчающее обстоятельство не только мотив ненависти, но и цель возбуждения ненависти, причем списки предрассудков в этих двух критериях не совпадают, то есть они действительно являются различными критериями.

Определение критерия дискриминационного отношения тесно связано с определением того, какие категории лиц рассматриваются в этом законодательстве, то есть тип предубеждения взаимосвязан с признаком, выделяющим угрожаемую группу. Законы о преступлениях ненависти принципиально не дискриминационны (то есть они не защищают именно чернокожих, именно католиков и т.д.), но они содержат список типов предубеждения (чаще всего — закрытый), то есть защищают не все типы меньшинств⁵⁷. Соответственно, признаки, по списку которых определяется в этом законодательстве мотив ненависти, часто называют «защищаемыми признаками».

На самом деле, даже увязка типа предубеждения с социальными группами существует не всегда. Поскольку речь идет об идейно мотивированном преступлении, мотивировка может быть довольно высоко «надстроена» над неприязнью к той или иной группе. Есть немало примеров, когда преступник испытывал предубеждение ко всем «иным» в этническом смысле, а не к каким-то конкретным этническим группам, или увязывал какие-то группы с нежелательными для него социальными явлениями, например, иммиграцией. Прямая мотивация преступления может вообще быть связана с идейными предрассудками скорее косвенно:

⁵⁴ См. например, написанное еще в начале 2000-х: Cogan Jeanin. Hate crime as a crime category worthy of policy attention // American Behavioral Scientist. 2002. Vol. 46. No. 1. P. 173–185.

⁵⁵ Законодательство против преступлений на почве ненависти: практическое руководство.

⁵⁶ См. разъяснение основных понятий в: Там же. С. 18–28.

⁵⁷ Термин «меньшинство» здесь и везде понимается не в арифметическом смысле, а в смысле угрожаемого или дискриминируемого, актуально или исторически, состояния.

таковы, например, нападения, совершаемые в порядке «посвящения» в члены милитантной группы. Многообразие мотиваций довольно велико, но все они все же видимым образом восходят именно к определенным предрассудкам.

Законодательства разных стран очень по-разному регулируют все эти вопросы, что в основном и порождает многообразие законов о преступлениях ненависти.

Стоит отметить важный момент: сфера применения законодательства о преступлениях ненависти фактически ограничена смежными видами преступлений, которые тоже могли бы рассматриваться как преступления ненависти, но не рассматриваются.

Во-первых, это геноцид, который вполне соответствует определению, но исключен из рассматриваемой категории из-за особого масштаба преступления.

Во-вторых, это террористическая деятельность, которая часто тоже вполне соответствует определению преступлений ненависти, но во всех законодательствах рассматривается отдельно от них, так как считается более опасной. Грань между терактом и преступлением ненависти провести не так просто: в ряде случаев преступление ненависти имеет тот же основной признак, что и теракт, — оно направлено на запугивание государства и/или общества с политическими целями. Похоже, это разграничение пока не изучено в научном плане и уж точно не урегулировано в национальных законодательствах. Например, в России (за вычетом Северного Кавказа) правоприменительная практика такова, что преступления ненависти с использованием взрывчатки часто квалифицируются как теракты. Возможна и двойная квалификация⁵⁸. А в США пересечение по базам официального учета террористов и совершивших преступления ненависти составляет от 3 до 5 %⁵⁹. Безусловно, в этом вопросе необходимо больше ясности, но пока ее нет.

⁵⁸ Так было, например, в деле о взрыве на Черкизовском рынке в Москве, приговор по которому был вынесен в 2008 году. См.: В Москве вынесен приговор по делу о взрыве на Черкизовском рынке // Центр «Сова». 2008. 15 мая (<http://www.sova-center.ru/racism-xenophobia/news/counteraction/2008/05/d13330/>).

⁵⁹ Этому посвящено отдельное исследование: Analysis of Factors Related to Hate Crime and Terrorism. Final Report to the National Consortium for the Study of Terrorism and Responses to Terrorism. Washington DC: National Consortium for the Study of Terrorism and Responses to Terrorism, 2012 (доступно онлайн: http://www.start.umd.edu/sites/default/files/files/publications/START_AnalysisofFactorsRelatedtoHateCrimeandTerrorism.pdf).

Важно сразу определить, зачем вообще вводить в законодательство понятие «преступление ненависти». Ведь такие преступления наказуемы и вне зависимости от мотива. Объяснений обычно дается несколько.

Одна группа объяснений лежит в социально-политической области. В данном случае речь идет о привлечении общественного внимания к этой проблематике и концентрации усилий правоохранительной системы на этом направлении.

Преступления ненависти чреваты более масштабными социальными конфликтами и политической нестабильностью, что важно для любой страны, но в особенности для тех стран, которые исторически недавно пережили период нестабильности и тем более вооруженные конфликты, имеющие этнорелигиозную окраску.

Преступления ненависти являются крайней и громкой — при наличии внимания масс-медиа — манифестацией дискриминации, что существенным образом затрагивает самоощущение групп, более других подвергающихся таким атакам, и вызывает, или хотя бы должно бы вызывать, в обществе в целом стремление защитить эти меньшинства. Такая мотивация более характерна для стран, в которых более развита тематика равноправия, антидискриминации, защиты меньшинств.

Часто, хотя и не всегда, разумеется, преступления ненависти совершаются участниками группировок, прямо ориентированных на такое насилие, а сами такие группировки связаны с традициями радикального национализма, неонацизма и т.д. Соответственно, в обществе может быть сильно антифашистская или смежная с ней мотивация.

Другая группа объяснений является собственно правовой. Принимаются во внимание два обстоятельства — мотив и нанесенный ущерб.

Мотив ненависти может рассматриваться в одном ряду с другими особенно предосудительными мотивациями преступления, что в уголовном праве, как правило, отягчает вину преступника.

Преступления ненависти, кроме «обычного» ущерба жертве, наносят и дополнительный. Во-первых, это дополнительный ущерб самому потерпевшему, обычно испытывающему унижение и страх повторения нападения. Во-вторых, сходные чувства испытывают те, кто разделяет с потерпевшим признак, ставший причиной преступления.

Наконец, практика показывает, что преступлениям ненависти присуща повышенная латентность, и выделение их в отдельную категорию как-то компенсирует это их свойство. С этим аргументом связана большая тема сбора и систематизации статистики по преступлениям ненависти. Объем и качество знания о самом предмете во многом влияет и на общественную атмосферу, и на практику правоприменения. Эта тема выходит

за рамки данной книги, но о ней не следует забывать. В рамках ОБСЕ были подготовлены важные рекомендации в области сбора данных⁶⁰.

2. Особое преступление или отягчающее обстоятельство?

Приведенные выше правовые аргументы, кроме последнего, наводят на мысль, что преступление ненависти должно преследоваться строже, чем аналогичное «обычное» преступление. Но в действительности, этот вывод не столь очевиден и не является общепринятым. В принципе, существуют три варианта криминализации преступлений ненависти.

Первый — мотив ненависти является общим отягчающим обстоятельством, то есть применимым для всех преступлений. Обычно тогда мотив ненависти перечисляется наряду с другими общими отягчающими обстоятельствами.

Второй — он служит таковым только для некоторых преступлений. Тогда обычно мотив указывается в отдельных частях соответствующих статей УК. В российском уголовном праве такой способ учета отягчающего обстоятельства называется квалифицирующим признаком.

Третий — преступления ненависти образуют отдельный состав преступления, зафиксированный в отдельных статьях УК (если таковой есть).

Последний вариант имеет преимущество в плане привлечения внимания общества, но имеет и процессуальный недостаток — при предъявлении такого обвинения, если не будет доказан мотив, обвиняемый уйдет от наказания и за «основное» преступление.

Как будет видно из приведенного ниже обзора национальных законодательств, некоторые страны сочетают разные варианты.

И наконец, в некоторых странах в регионе ОБСЕ преступление ненависти вообще никак не выделено в уголовном праве. Это Эстония, Исландия, Ирландия, Люксембург, Монако, Монголия, Черногория, Сан-Марино, Нидерланды, Турция, Ватикан. Оно также отсутствует в нескольких штатах США: Арканзасе, Джорджии, Индиане, Южной Каролине и Юте.

В некоторых из этих стран введение законодательства о преступлениях ненависти обсуждалось или обсуждается. Например, в Турции осенью 2013 года правительство начало обсуждать проект поправок в УК,

⁶⁰ Hate Crimes Data-Collection and Monitoring Mechanisms: a Practical Guide. Warsaw: ODCE/ODIHR, 2014.

которые предусматривали бы определение преступлений ненависти, как «основанных на языке, расе, национальности (в смысле гражданства), цвете кожи, поле, инвалидности, политических взглядах, философских воззрений и религии человека или группы», но такие признаки, как сексуальная ориентация и этничность, отсутствуют, между тем как они являются для Турции наиболее проблематичными.⁶¹

В Германии понятие преступлений ненависти в уголовном праве также отсутствует, но есть понятие «мотив, основанный на предрассудке», применимый в УК к убийству. И Верховный суд страны своим решением 1993 года отнес к таким мотивам расистский. Так что Германия, как когда-то Россия, вступила на путь учета мотива ненависти, начав именно с отягчающих обстоятельств для убийства.

Как раз на примере Германии можно видеть, что само понятие преступлений ненависти может существовать и быть применимо и в том случае, если оно не определено в законе. Оно может использоваться для целей формирования уголовной и иной политики, а также для сбора статистики⁶².

В принципе, понятие преступлений ненависти может быть включено в правоприменительную практику и минуя законодательство. Так, например, сделано в Нидерландах. Нидерланды отказываются вносить мотив ненависти как отягчающее обстоятельство в Уголовный кодекс, но в рамках нидерландской прокуратуры действует инструкция, согласно которой прокурор должен требовать на 50–100 % более сурового наказания, если усматривает мотив ненависти в преступлении (такой норматив был установлен в ноябре 2011 года). Однако практика показала, что такой подход де-факто срывает не всегда⁶³. Конечно, не срывать может и норма УК, но в соответствии с формальным подходом, принятым в этой книге, мы не будем рассматривать подходы, аналогичные голландскому наравне с законодательством.

Определение преступлений ненависти как отдельных составов встречается не так часто. В Болгарии возникают столь широкие составы преступления, как применение насилия по мотиву ненависти (ст.

⁶¹ Ethnicity, sexual orientation excluded in hate crime draft presented to Turkish Cabinet // Hurriyet Daily News. 2013. October 27 (<http://www.hurriyetdailynews.com/ethnicity-sexual-orientation-excluded-in-hate-crime-draft-presented-to-turkish-cabinet.aspx?PageID=238&NID=56925&NewsCatID=339>).

⁶² Hate Crimes Data-Collection and Monitoring Mechanisms. P. 13.

⁶³ ECRJ Report on Netherlands (fourth monitoring cycle) // ECRJ web-site. 2013. October 15 (<http://www.coe.int/t/dghl/monitoring/ecri/Country-by-country/Netherlands/NLD-CbC-IV-2013-039-ENG.pdf>). P. 13.

162 (2) УК) и групповые нападения по тому же мотиву (163 УК), хотя позже были добавлены квалифицирующие признаки мотива ненависти для убийства и нанесения тяжких телесных повреждений. В Венгрии аналогичные нормы содержатся в ст. 216 УК, в версии, принятой в 2012 году. В Чехии п. 2 ст. 352 УК совмещает применение насилия по мотиву ненависти и угрозу таким насилием или «причинением значительного ущерба». В Словакии отдельным преступлением является угроза убийством или насилием в отношении группы людей, если оно мотивировано ненавистью к этой группе (п. «а» ч. 2 ст. 359 УК с учетом ст. 140 УК). В Польше ст. 119 УК совмещает нападения и угрозы по ряду групповых признаков и призывы к совершению таких деяний (при этом убийство по мотиву ненависти зафиксировано в УК отдельно). В Италии аналогично сформулирована ст. 1 Акта № 205 от 25 июня 1993 г. «О неотложных мерах в отношении расовой, этнической и религиозной дискриминации», хотя этот же акт вводил и общее отягчающее обстоятельство мотива ненависти.

Возникает вопрос, можно ли в том же ряду рассматривать законы, в которых насилие или угрозу насилием законодатель вводит как квалифицирующий признак возбуждения ненависти. Теоретически, такая норма слишком узка, так как предполагает именно возбуждение ненависти, пропагандистское деяние как основной состав, а насилие — лишь как дополнительный атрибут, как метод возбуждения ненависти. Но в тех случаях, когда в законодательстве нет других норм о преступлениях ненависти, такие нормы фактически выступают в этой роли. Так было с применением ст. 74 УК РСФСР в России до появления в УК отягчающего обстоятельства, а де-факто — еще и много лет после⁶⁴. Видимо, сходную функцию могут выполнять такие нормы и в других странах. Например, в Македонии⁶⁵ применение насилия и угрозы безопасности является одним из возможных средств возбуждения ненависти (ст. 319 УК), а другого состава, относимого к преступлениям ненависти, в УК нет. То же можно сказать о ст. 261А УК Швейцарии, но эта статья вообще покрывает все, что как-то связано с темой дискриминации. А вот формулировка ст. 233а УК Исландии, в которой после оскорблений, угроз и прочего упоминаются и «другие средства» публичной атаки на человека или группу лиц, видимо, все же не предусматривает собственно насильственное преступление, хотя может предполагать какие-то

⁶⁴ Практика по п. 2а ст. 282 УК постепенно нормализовалась. Сейчас это закреплено в Постановлении Пленума Верховного суда 2011 года.

⁶⁵ Здесь и далее я использую собственное краткое название этой страны вместо официально принятого в международном обиходе — Бывшая югославская республика Македония.

мягкие формы физического воздействия. Далее я буду исходить из того, что если в стране есть специальные нормы о преступлениях ненависти, квалифицирующий признак насилия в статьях о возбуждении ненависти не должен применяться вместо них, но не могу сказать, насколько это предположение соответствует правоприменительной практике по региону ОБСЕ в целом.

В качестве примера введения преступления ненависти как отдельного состава часто приводится Англия⁶⁶, но это не совсем точно. Акт о преступности и беспорядках (Crime and Disorder Act) 1998 года, с поправками, внесенными Актом о безопасности и противодействии терроризму (Anti-terrorism Crime and Security Act) 2001 года, дает в ст.ст. 29 и 30 определение преступлению ненависти как отдельному преступлению (против личности и имущества, соответственно), но через понятие мотива ненависти как общего отягчающего обстоятельства, определенного в ст. 28. Впрочем, п. 1с ст. 29 упоминает «простое нападение», которое не было бы преступлением само по себе, если бы не мотив ненависти, так что это деяние является в точном смысле преступлением ненависти в виде самостоятельного состава.

В Албании, Испании, Андорре, Армении, Австрии, Азербайджане, Беларуси, Канаде, Хорватии, Чехии, Дании, Финляндии, Франции, Греции, Италии, Казахстане, Кипре⁶⁷, Латвии, Литве, Лихтенштейне, Мальте, Молдове, Норвегии, России, Румынии, Сербии, Словакии, Швеции, Таджикистане, Туркменистане, Украине, Англии, Узбекистане и во всех штатах США, кроме Арканзаса, Джорджии, Индианы, Южной Каролины, Юты и Вайоминга⁶⁸, предусмотрен мотив ненависти как общее отягчающее обстоятельство.

Подход в виде определения частного отягчающего обстоятельства (квалифицирующего признака) применяется в законодательствах Армении, Азербайджана, Беларуси, Бельгии, Боснии и Герцеговины, Чехии, Франции, Грузии, Германии (см. выше о германском подходе), Казахстана, Кыргызстана, Литвы, Молдовы, Польши, Португалии, России, Словакии, Словении, Таджикистана, Туркменистана, Украины, Узбекистана.

Как видно хотя бы из сравнения уже приведенных списков, возможны самые разнообразные сочетания подходов.

⁶⁶ Здесь и далее я говорю именно о законодательстве Англии, так как в других частях Соединенного Королевства законы немного другие.

⁶⁷ Здесь и далее имеется в виду «греческий Кипр». Самопровозглашенная «Турецкая республика Кипр», как и другие самопровозглашенные государства в регионе ОБСЕ, не рассматривается.

⁶⁸ В приложении приводится таблица, отражающая многообразие законодательства различных штатов США.

В УК Чехии сосуществуют преступление ненависти как отдельный состав (§ 253, ч. 2) и мотив ненависти как общее и частное отягчающие обстоятельства. Примечательно, что списки предрассудков в этих подходах не совпадают: в отличие от общего и частного отягчающего обстоятельства состав упомянутой статьи дает лишь закрытый список признаков и не включает классовый признак, зато включает такой признак, как политические взгляды. Возможно, это отражает сосуществование в Чехии концепций «экстремизма» и преступлений ненависти.

В соседней Словакии определение преступления ненависти как отдельного состава основывается на понятии преступления против группы, не содержащем ни упоминания собственно мотива, ни упоминания какого-то способа определять такую группу (ст. 359 УК). Собственно преступлением ненависти такое действие станет при применении квалифицирующего признака, ссылающегося на тот или иной мотив, который считается отягчающим обстоятельством, а среди этих мотивов представлены и мотивы ненависти, и возбуждение ненависти.

В Италии, как уже было сказано, также есть общее отягчающее обстоятельство, но есть и отдельное преступление, в описании которого совмещены призывы к насилию и само насилие. Вроде бы при этом подразумевается любое насилие, но в той же статье Акта № 205 1993 года сделана оговорка, что эта статья применяется в том случае, если не совершено более тяжкое преступление; таким образом, речь идет о малоопасных случаях применения расистского насилия.

Различие подходов необязательно отражает концептуальные разногласия. Зачастую те или иные нормы принимаются *ad hoc*, наслаиваются друг на друга и т.д. При этом одни и те же процессы формирования законодательства могут идти в разных странах с разной скоростью. Например, в новом УК России, вступившем в силу с 1996 года, мотив ненависти упоминался как квалифицирующий признак только для убийства, но позже список таких статей заметно расширился, а вот в ряде постсоветских стран, формировавших свои законы сходным образом, мотив ненависти либо так и остался в одной статье (Азербайджан, Кыргызстан), либо распространился далеко не так сильно (например, в Узбекистане). И конечно, практическое значение наличия общего отягчающего обстоятельства сильно зависит от культуры и традиций правоприменения; например, в России общее отягчающее обстоятельство почти никогда не применяется⁶⁹, хотя суды активно используют аналогичные квалифицирующие признаки.

⁶⁹ Официальные данные об этом не публикуются, но такой вывод можно сделать на основе многолетнего мониторинга Центра «Сова».

3. Определение мотива

Прежде чем перейти к самому обширному предмету — классификации типов предрассудков, то есть «защищаемых признаков», — стоит разобраться с тем, насколько по-разному может пониматься мотив, конституирующий преступление ненависти, вне зависимости от типов объектов такого преступления.

Преступления ненависти, как явствует из самого термина, предполагают, как правило, что мотивом преступника является именно ненависть. Но в действительности именно такое определение встречается отнюдь не в большинстве случаев (см. ниже). И у этого есть по крайней мере две причины. Во-первых, доказать эмоциональное состояние преступника часто непросто. Это создает немалые трудности в расследовании.

Во-вторых, он, строго говоря, вовсе не обязательно испытывает именно ненависть в явном виде. Например, преступник может считать, что представители некоей этнической группы или «расы» являются просто вредными для общества паразитами, подлежащими уничтожению⁷⁰. Конечно, психолог может раскопать подсознательную ненависть под подобным умонастроением, но субъективно преступник может ее не осознавать, и обвинителю уж точно не удастся доказать наличие именно ненависти. Более маргинальный, но не менее реалистичный пример: некоторые неонаци убивали бездомных не потому, что считали это своей задачей и вообще не реализовывали таким образом какое-то отношение к бездомным (хотя именно идейно мотивированные нападения на последних наиболее типичны), а потому, что не ценили их жизнь и рассматривали эти убийства как тренировки перед «настоящими делами». Тем не менее, такие убийства считаются обычно преступлениями ненависти, потому что в их мотиве присутствует некий дискриминирующий подход (называемый обычно предрассудком), который направлен против данной группы.

Видимо, отсылка к понятию дискриминационного подхода имеет больше смысла, чем отсылка к личной эмоции преступника: эмоции могут быть разные, а вот отрицать явно и даже злостно неравное отношение к разным группам (по тому или иному признаку) в мотиве таких

⁷⁰ Например, известный российский наци-террорист Николай Королев просил суд перекалвалифицировать ему обвинения с убийства на жестокое обращение с животными. См.: Никола Королев: «Пусть меня судят за жестокое обращение с животными» // Сайт «Славянского союза». 2010. 16 сентября (<http://www.demushkin.com/content/news/222/4896.html>).

преступников невозможно, и это неравное отношение всегда так или иначе связано с рациональным мотивом преступления.

Но здесь необходимо учитывать и другую сторону: например, нападение на гея или женщину может быть мотивировано не гомофобией или мизогинией, а предположением, что гей или женщина окажут меньшее сопротивление. Как квалифицировать такое преступление, если дискриминационный мотив, связанный с сексуальной ориентацией и половыми/гендерными различиями, присутствует в законодательстве? Является ли такое нападение примером смешанного мотива (см. ниже) или надо выбрать между мотивацией легкости нападения и мотивацией, предполагающей какую-то враждебность? Или, иначе, является ли предвзвешенным представлением, что так выбранная жертва — более легкая, причем предвзвешенным в том смысле, что он должен повлечь более тяжкое наказание? На эти вопросы нет сколько-нибудь устойчивого ответа.

Поэтому модель законов о преступлениях ненависти, основанная не на эмоциях преступника, а на его дискриминационном выборе, сталкивается с не меньшими трудностями в правоприменении.

Наконец, сама цель преступления может иметь прямое отношение к ненависти или не иметь его. Преступник может нападать на представителей какой-то группы с целью (умыслом) добиться, например, изгнания этой группы из страны, а может иметь целью просто ограбление или избиение как таковое. Но для понятия преступления ненависти важен мотив, а не цель. Другое дело, что в конкретном деле их не всегда просто разделить.

Из-за трудностей в доказывании мотива в обоих случаях законодатель иногда (но всего в трех европейских странах) прямо указывает в законе, какого рода действия преступника могут или должны указывать на мотивацию, образующую состав преступления ненависти. Во Франции предполагается, что преступник должен до, во время или после совершения преступления сделать высказывания в той или иной форме, которое задевает честь и репутацию жертвы или ассоциируемой с ней группы. А ст. 28 Закона Соединенного Королевства об уголовных преступлениях и иных нарушениях 1998 года предполагает, что *«в момент совершения преступления или непосредственно до или после его совершения преступник демонстрирует по отношению к жертве враждебность, основанную на принадлежности (или предполагаемой принадлежности) жертвы к той или иной расовой или религиозной группе»*. Эта формулировка используется и на Мальте.

Мотив «ненависти» или сходного эмоционального состояния используется в определениях преступления ненависти практически во

всех странах СНГ, а также в Греции, Португалии, Македонии, Бельгии, Сербии и Литве. Обычные определения этой эмоции — «ненависть» и «вражда»/«враждебность».

Беларусь, Украина, Узбекистан и Македония сохранили из старого советского законодательства также мотив «розни» (или «раздора»), что можно понимать как полный или смягченный синоним той же «враждебности». В целом термин «рознь» — более проблематичный, так как подразумевает некие отношения двух субъектов, а для мотива преступника мотивы жертвы обычно не столь важны, но это дискуссионный вопрос сам по себе.

Грузия расширила перечень словом «нетерпимость», в Бельгии встречается еще «презрение».

Существенно больше стран использует нейтральные формулировки, предполагающие только, что между мотивом преступника и идентификацией жертвы есть некая связь дискриминационного характера. Формулируется это, соответственно, нейтральными выражениями: *«из-за»* (Болгария, Польша, Румыния, Сербия), *«причина преступления коренится в»* или *«по мотиву, основанному на»* (Дания, Норвегия, Финляндия, Австрия, Босния и Герцеговина, Хорватия, Албания). В Швеции и Венгрии критерием является прямо *«принадлежность»* жертвы к той или иной группе как мотив. Формулировка может быть и более развернутой, например — *«по причине фактической или предполагаемой принадлежности или непринадлежности жертвы»* (Франция).

Германия пользуется термином «предвзвешенность», который, скорее всего, описывает не эмоциональное состояние, а мнение преступника.

Очень широко может пониматься выражение «расистский мотив», используемое в законодательстве Кипра и Латвии, или «расистский или ксенофобный мотив», который мы видим в законах Лихтенштейна и Болгарии, а также, наряду с прочими мотивами, в Италии и Андорре.

Иногда формулировки предполагают именно сознательное дискриминационное поведение в том смысле, что оно направлено не просто против жертвы, избранной дискриминационным образом, но и на утверждение неких дискриминационных идей. В Швейцарии это так и называется: *«нападение с целью дискриминации»*. В Словении предполагается направленность преступления на нарушение равенства по ряду признаков.

Испания определяет преступление ненависти как совершенное *«по мотивам расизма, антисемитизма или любого другого вида дискриминации»*. Таджикистан, Азербайджан и Армения добавили к эмоциональному мотиву ненависти «религиозный фанатизм», а это является уже скорее не эмоцией, а идеологическим основанием.

Литва использует термин «ненависть», но не как состояние преступника, а как его идеологическую цель — преступление, совершенное «с целью выражения ненависти».

Конечно, встречаются и смешанные подходы. В УК Словакии преступление ненависти определяется через «ненависть» как причину, но общееотягчающее обстоятельство сформулировано через словосочетание «на основании расы...»

В Канаде используется довольно широкая формулировка: «*преступление было мотивировано предрассудками, предубеждениями или ненавистью по признаку... или любым другим подобным фактором*».

В Италии в уже цитированном акте 1993 года есть формулировка о мотиве ненависти и дискриминации, но есть и более широкая, предполагающая просто связь мотива с этничностью, расой или религией.

Предрассудок по сути своей связан с представлением о групповой идентичности, но в этом вопросе важно не путать идентификацию с позиции преступника, с позиции жертвы и с позиции неких более или менее общепринятых представлений о групповых идентичностях. Например, убитый мог полагать себя абхазом, а убийца считал его грузином; или даже так: убитый идентифицировал себя в первую очередь как свана, большинство людей сочло бы его грузином, а убийца видел в нем просто «кавказца».

Лишь изредка закон, как в Англии и на Мальте, прямо говорит, что речь идет о том, как воспринимает жертву и соответствующую группу преступник. В законодательстве Франции, Венгрии и ряда американских штатов говорится о «фактической или предполагаемой» идентичности жертвы. Обычно законодатель не прописывает таких деталей прямо в законе, полагаясь на правоприменителя. И последний, если законодательство о преступлениях ненависти уже не является новинкой в его стране, обычно справляется, так как, по общему правилу, важен именно мотив преступника, а не представления жертвы и не мнения третьих лиц.

Это, заметим, не мешает третьим лицам, то есть общественности, обеспокоенной преступлениями ненависти, пытаться привлечь внимание к «подлинной» идентичности жертвы, а то и преступника. Такой подход, предполагающий природную реальность этнической или иной групповой идентичности, по-прежнему широко распространен, и с этим приходится считаться, так как закон действует в обществе со всеми его предрассудками. А среди этих предрассудков — не только собственно дискриминационное отношение к тем или иным группам, но и натурализация идентичностей, являющихся в действительности весьма изменчивыми социальными и социопсихологическими конструкциями.

Законы разных стран по-разному отражают это представление о «реальности» социальных групп, объединяемых по этническому, религиозному и иным признакам. Нет стран, в законах которых прямо говорилось бы, что такой «реальности» не существует, и это понятно: уголовный кодекс — не место для такого рода дискуссий. Поэтому различие может проходить между странами, формулировки законов которых предполагают или не предполагают реальное существование групп.

Стран-«реалистов» — явное меньшинство. В Австрии предполагается «членство в группе», то есть группа мыслится как нечто реальное. В Болгарии речь идет о «национальной или расовой принадлежности». Процитированная выше французская формулировка, видимо, также предполагает реальность группы. Конечно, все эти термины могут пониматься и не буквально, но это уже останется на усмотрение суда.

В УК Чехии говорится не о группе, но о «*реальных или предполагаемых*» свойствах жертвы, что звучит, на мой взгляд, гораздо более адекватно реальности уголовного преступления.

Наконец, в большинстве стран формулировки (см. выше) нейтральны по отношению к категории «принадлежности» жертвы, так как речь идет исключительно об эмоциональной мотивации преступника или о тех идеях и понятиях, которые он использует при выборе жертвы.

Законы о преступлениях ненависти могут относиться к жертвам последних не только тех, кто, по мнению преступника, относился к какой-то группе, но и был так или иначе ассоциирован с нею. Самые простые примеры — брак с представителем ненавидимой преступником группы, соседство с таковым в момент совершения преступления, участие в деятельности по защите такой группы. Однако связь по ассоциации в явном виде учитывает законодательство только в Англии (ст. 28, Crime and Disorder Act 1998) и в аналогичных нормах на Мальте. В Словакии признаком выбора жертвы является «связь с» народом, расой и т.д., что может предполагать и ассоциацию того или иного рода. Таким образом, учет ассоциации остается на усмотрение суда, по крайней мере, в тех странах, где критерием не является выбор жертвы по признаку ее «принадлежности» к той или иной группе.

Вполне реальным мотивом преступления ненависти может быть выделение жертвы не по признаку отнесения к какой-то группе, а, наоборот, по признаку неотнесения к группе. Например, многие агрессивные расисты в России совершают нападения просто на любых людей не славянской внешности.

Такой вариант, строго говоря, учитывается, если закон сформулирован через дискриминирующий признак, а не через определение группы

жертв: например, через выбор жертвы «по признаку отношения к религии», а не «по мотиву ненависти к той или иной религиозной группе». Правда, правоприменитель может не всегда это понимать.

Но если закон сформулирован именно через принадлежность (или иную позитивную связь) жертвы с группой, то описанные нами явные преступления ненависти не будут охвачены определением. Некоторые страны принимают это во внимание и дополняют свои определения соответствующими формулировками. Так, УК Франции прямо оговаривает, что мотив может быть основан как на членстве, так и на нечленстве в группе. Аналогичная оговорка используется и в УК Венгрии.

Отдельной большой проблемой является доказывание мотива ненависти (как и любого другого субъективного мотива). Соответственно, в разных странах есть довольно разные представления о том, какого рода доказательства могут приниматься судом⁷¹.

Вопрос о доказывании тесно связан с другим вопросом: как быть, если у преступника было сразу несколько мотивов. Самый простой пример — избирательные в расистском смысле ограбления.

Обычно вопросы доказывания рассматриваются не прямо в нормах законодательства о преступлениях ненависти, а в практике правоприменения. Исключения — Франция, Англия и Мальта — были уже рассмотрены выше.

Лишь немногим чаще закон прямо регулирует вопрос множественности мотива преступника. В Англии преступление ненависти рассматривается как таковое, если оно совершено по мотиву ненависти полностью или частично. П. 5 ст. 222А УК Мальты, посвященной преступлениям ненависти, утверждает, что наличие иных мотивов не выводит преступление из-под действия этой статьи. Статья 377bis Уголовного кодекса Бельгии предполагает, что ненависть и т.п. эмоции являются «одним из мотивов преступления». Ст.ст. 422.55 и 422.56 Уголовного кодекса штата Калифорния предполагают, что мотивация может «полностью или частично» зависеть от предубеждения; мотив, основанный на предубеждении, не должен быть основным или необходимым для совершения преступления, но должен быть существенным⁷².

⁷¹ Сам по себе этот вопрос выходит за рамки данного исследования и представляется весьма объемным. Краткое введение в тему см.: Законодательство против преступлений на почве ненависти: практическое руководство. С. 65–67.

⁷² Подробнее о множественности мотивов см.: Там же. С. 67–70.

4. «Защищаемые признаки»

Все законы о преступлениях ненависти должны так или иначе определять списки тех признаков, по которым преступник испытывает чувство ненависти, или пытается возбудить таковое, или по отношению к которым выстраивает свои представления о выборе жертвы и т.д.

В общем виде можно сказать, что эти признаки, именуемые иногда «защищаемыми», соответствуют каким-то группам людей, объединенным в чем-то представлении этими признаками. Можно утверждать, что описываемое законодательство защищает эти группы, и хотя признак всегда сформулирован недискриминационно, так что совокупность групп по любому признаку покрывает всю совокупность людей в стране, тем не менее, исторические обстоятельства влияют на то, какие именно группы в общественном сознании представляются защищаемыми.

История страны — вообще важный фактор отбора «защищаемых признаков» для законодательства. Впрочем, тема агрессии по религиозному или этническому (а в некоторых странах — и по расовому) признаку не чужда практически всем странам, потому эти признаки и оказались исторически первыми в законодательстве о преступлениях ненависти. Большое значение имеет консервативность и инертность законодательства: значительная часть общества может считать важным учесть в законе какой-то новый признак, но не менее значительная часть общества может выступать против этого (что хорошо известно на примере учета признака сексуальной ориентации). Законодатель учитывает также то, насколько операциональными окажутся защищаемые признаки при расследовании преступления.

И все же есть некие общие принципиальные соображения, которые касаются определения списка признаков, пусть эти соображения и нельзя назвать четким критерием, пригодным для универсального применения.

Поскольку расизм, определяемый по цвету кожи и тому подобным внешним признакам, стал отправной точкой для американской традиции выстраивания понятия преступлений ненависти, а американская традиция в этом вопросе очень сильно повлияла на европейскую, в обосновании отбора признаков значительную роль играл критерий «неизменяемости» признака. То, что человек страдает из-за качества, которое он не может «исправить», представляется отягчающим обстоятельством. Между тем даже цвет кожи можно иногда изменить, биологический пол — тоже. Скорее уж менее исправимыми являются инвалидность или рост. Зато религию поменять технически совсем просто, а ведь этот признак является защищаемым почти повсеместно.

Так что сейчас скорее доминирует представление, что защищаемым признаком должен быть тот, который, во-первых, важен для жертвы и нападение в связи с которым наносит ей дополнительный ущерб, что и делает преступление более тяжким, а во-вторых, имеет отношение к некой групповой самоидентификации (в отличие от, например, такой категории преступлений, как преступления против детей), что порождает побочные негативные социальные эффекты. Наконец, защищаемый признак в смысле определения преступления ненависти желательнее не должен совпадать с признаком, используемым при определении специфических преступлений другого рода — против полицейских, политиков и т.д., давно и устойчиво существующих в национальных законодательствах⁷³.

Так или иначе, все перечисленные соображения не образуют никакой определенной, общепринятой и тем более обязательной для национальных законодателей схемы. Поэтому национальные законодательства, рассматриваемые ниже, весьма многообразны.

Рассмотрение будет упорядочено по типам защищаемых признаков.

§ 1. Раса

Весьма спорным в правовом дискурсе (а в академическом — уже почти неприемлемым) является термин «раса», но это не отменяет существования расизма и, соответственно, расистской мотивации преступления в самом узком смысле слова. Расисты, как правило, понимают «расу» в соответствии с теми представлениями об этом предмете, которые господствовали в соответствующем обществе на одно-два поколения раньше. В России, похоже, до сих пор большинство граждан уверено, что человечество объективно делится на «белую», «черную» и «монголоидную» расы, так как именно эта модель излагалась в школе. В США чернокожие и до сих пор в официальных документах считаются «расой», а вот латиноамериканцы — «этничностью» (причем это слово закреплено именно за ними). В Великобритании актуальна такая «расовая группа», как выходцы с Карибских островов. Иначе говоря, признак «расы», фигурирующих в законах разных стран, не имеет никакого общего значения.

Законодатель зачастую понимает условность термина, но полагается на здравый смысл судей. А иногда, как в Бельгии, прямо пишет в законе: «так называемая раса».

Нельзя также сказать, что раса соответствует цвету кожи: хотя исторически эти два классифицирующих признака очевидно связаны,

⁷³ Там же. С. 47–49.

простого соответствия может и не быть. Цвет кожи — тоже весьма условное понятие. Например, в Латинской Америке и на Американском Юге в позапрошлом веке устойчиво функционировала сложная система градаций «полукровок» с учетом «белой», «черной» и индейской компонент, но однозначной связи с цветом кожи и вообще с внешним видом эта система не имела. Отношение к людям зависело от их «долей крови», но определялось это не на глазок, зато сиюминутный акт агрессии, формально мотивируемый на основе той же сложной системы, реально мотивировался как раз внешним видом.

Таким образом, упоминание, вместе или раздельно, «расы» и «цвета кожи» в законах о преступлениях ненависти отсылает, на самом деле, примерно к одному и тому же предрассудку как к мотиву преступления.

И само собой, в соответствии со сложившимся в международном праве словоупотреблением⁷⁴, термины типа «расовая вражда» отсылают не к расе как таковой, а к гораздо более широкому кругу признаков, так или иначе связанных с расовыми, этническими и даже национальными различиями.

Например, в УК Мальты это сформулировано так: «*в данной статье (ст. 222А УК, разъясняющая терминологию мотива ненависти как общегоотягчающего обстоятельства. — А.В.) “расовая группа” означает группу людей, определяемую по отношению к расе, происхождению (в смысле предков. — А.В.), цвету кожи, национальности (включая гражданство) или этническому или национальному происхождению*». Но закон может и не определять это явно. Например, общий отягчающий «расистский мотив» в УК Латвии явно корреспондирует с упоминаемыми в статье о языке вражды расовым, национальным или этническим признаками.

Раса — один из наиболее распространенных терминов законодательства о преступлениях ненависти. Среди стран, где такое законодательство есть, и есть список признаков, этот защищаемый признак отсутствует в Дании, Германии и Македонии, но на практике это, скорее всего, просто

⁷⁴ Это разъясняется, например, в уже цитировавшейся Общеполитической рекомендации ЕКРП № 7:

«*“Расизм” означает убежденность в том, что такие основания, как раса, цвет кожи, язык, религия, гражданство и национальное или этническое происхождение оправдывают неуважение к лицу или к группе лиц или чувство превосходства у лица или у группы лиц*».

К слову «расизм» дается пояснение:

«*Поскольку все люди принадлежат к одному биологическому виду, ЕКРП отвергает теории, основанные на существовании различных “рас”. Тем не менее, в своей настоящей Рекомендации ЕКРП использует этот термин для того, чтобы гарантировать, что лица, повсеместно и ошибочно причисляемые к “другой расе”, не будут лишены защиты, предусмотренной законодательством*».

означает, что соответствующие преступления будут квалифицированы как совершенные по мотиву, связанному с этничностью.

§ 2. Этничность, нация и т.п.

Защищаемые признаки этой категории – самые распространенные. Во устойчивой терминологии здесь не наблюдается, и дело не только в собственно различиях между языками.

Наиболее существенная коллизия возникает между понятиями «национальность» и «этничность». Сформировавшийся в русском языке термин «национальность», безусловно, обозначает именно этничность (сам по себе этот термин тоже многозначен, но достичь полной однозначности терминов при сравнении законодательств, увы, не удастся), равно как термин *nationality* в английском языке всегда означает гражданство. Но тем не менее выражение *national minority* обозначает некую этническую группу внутри общегражданской общности, хотя и не всякую (здесь уже подход варьирует по странам)⁷⁵. Таким образом, и в английском языке есть определенная гибкость в понимании того, что означают *nationality* и *national origin* применительно к мотиву преступления – то ли этничность и этническое происхождение, то ли гражданство и страну исхода. Поэтому в сравнительной таблице законодательств в конце этой книги колонка «этничность» заполнялась в тех случаях, когда речь определенно идет не о нынешнем или бывшем гражданстве, а именно об этничности, если же это было спорно, то заполнялись колонки *nationality* и *national origin*, и все равно я не могу поручиться, что таблица заполнена правильно.

В ряде случаев законодатель пытается заранее внести ясность в терминологию. Английский закон, например, использует термин «расовая группа», но специально разъясняет, что термин объемлет группы людей по признакам расы, цвета кожи, национальности (включая гражданство), этнического или национального происхождения, а термин «религиозная группа» понимается не как религиозная организация, а как группа людей, объединяемых по признаку отношения к религиозному убеждению или отсутствию такового⁷⁶.

Однако, несомненно, во многих случаях правоприменение не может эффективно различить тонкую грань между терминами «национальность» и «этничность» в законе, если этот закон не сопровождается ясными и ав-

⁷⁵ О понятии меньшинства см.: Осипов Александр. Этничность и равенство в России: особенности восприятия. М.: Центр «Сова», 2012. С. 46–50.

⁷⁶ *Crime and Disorder Act 1998 (amended by the Anti-terrorism Crime and Security Act 2001)*.

торитетными разъяснениями по этому поводу. Правоприменение должно ориентироваться либо на «здравый смысл», который вовсе не является в реальности общим мнением, либо на политические аллюзии на те или иные термины. Во многих странах одни группы называются национальными, а другие этническими, но это либо обыденное, либо академическое (и тоже не кодифицированное) различие. Например, можно только гадать, как соотносится использование обоих терминов – «национальная вражда» и «этническая вражда» – в законодательстве Молдовы с давним сепаратистским конфликтом в Приднестровье или с дебатами о родственности или раздельности молдавского и румынского народов. А вот в ст. 177 УК Туркменистана или в ст. 156 УК Узбекистана возбуждение национальной и этнической вражды упоминаются через запятую, но не следует думать, что слово «национальный» здесь обозначает гражданский статус, так как в той же статье говорится об «унижении национального достоинства», так что различие терминов остается совершенно непонятным.

Рассматриваемые признаки – наиболее распространенные в законодательствах о преступлениях ненависти. В странах, где такое законодательство есть, эти защищаемые признаки в том или ином виде присутствуют почти обязательно (в Германии конкретные признаки вообще не сформулированы, так как само понятие преступления ненависти только зарождается, но, надо полагать, если какие-то признаки и будут рассматриваться судом, то в первую очередь именно расовые и этнические). Единственное исключение – Португалия, в которой в формулировкеотягчающего обстоятельства фигурируют мотивы ненависти по признакам расовой, религиозной или политической ненависти, но, вероятно, слово «расовый» понимается здесь в широком смысле, как было сказано выше.

Надо полагать, тесно связан с этничностью такой защищаемый признак, как язык жертвы. Как правило, язык может скорее быть свидетельством того, что жертва выбрана по этническому признаку, но иногда язык все же выделен как отдельный признак. Это сделано в Албании, Бельгии, Канаде, Литве, Румынии и Словении. (И, похоже, количество стран, в которых этот признак представлен, сокращается.)

§ 3. Религия

Один из основных и старейших предрассудков – религиозный, но и в его определении нет единообразия.

Обычно речь идет о ненависти или иных мотивах по отношению к людям в зависимости от их религии, но могут быть и иные формулировки. Например, в России фигурируют две формулировки: как мотив ненависти

упоминается «религиозная ненависть», а вот объектом языка вражды называются люди в зависимости от их «отношения к религии»; трудно сказать, имеется ли при этом в виду одно и то же. Зачастую встречается выражение «верования»/«убеждения», которое может включать и не религиозные, а какие-то иные философские и мировоззренческие представления и устанавливаемую в соответствии с ними идентичность. В Бельгии слово «религия» не встречается в списке предрассудков вовсе, его замещает гораздо более широкая формулировка — «верования и убеждения».

В странах ОБСЕ далеко не редка ситуация, когда верующие не относят себя к определенной конфессии или даже относят, но их связь с конкретной религиозной организацией номинальна или вовсе отрицается. Поэтому нельзя сказать, что, например, «православный в России» и «член Русской православной церкви — Московского патриархата» — это одно и то же. Поскольку мотив преступления складывается в голове преступника, обычно мало знакомого с подробностями взглядов жертвы, вряд ли имеет смысл определять мотив ненависти через членство в конкретной религиозной организации, о котором преступник может ничего и не знать; он ориентируется лишь на видимые ему конфессиональные признаки (например, одежду, поведение, присутствие в храме). И все же в Австрии мотив ненависти формулируется и в связи с членством в религиозных организациях, и, в принципе, можно представить себе ситуации, в которых такой признак может работать.

Встречаются страны, где предрассудки, связанные с религией, отсутствуют в определении преступления ненависти, но это скорее исключение. Видимо, следует считать отсутствующим этот признак в Германии. Трудно сказать, покрывают ли религиозную враждебность термины «ксенофобный мотив» и «расистский мотив», используемые в законодательствах нескольких стран (см. выше).

§ 4. Политика и идеология

Мотив ненависти почти всегда идеологичен по сути. Даже если преступление ненависти совершено человеком, далеким от политики, не входящим ни в какие расистские и тому подобные группы, тем не менее, какими-то идеями о неравенстве преступник все же руководствуется, потому что иначе мотив его иной и преступление не является преступлением ненависти. Поэтому конкретизация идейных оснований преступника обычно не интересует законодателя. К тому же упоминание какой-то идеологии как отягчающего обстоятельства чревато проблематичным обсуждением запрета этой идеологии. Даже в странах с действующими запретами идеологического

характера (в постфашистских странах Европы, например; см. в главах о запрете организаций и об антиэкстремистском законодательстве) эти запреты не отражаются обычно в уголовных нормах о преступлениях ненависти.

Правда, и тут есть исключения, уже упоминавшиеся выше. Я не имею в виду фразы типа «расистские побуждения», так как они все же не отсылают ни к каким определенным идеям: обоснований расистских предрассудков слишком много. Но вот Испания упоминает антисемитизм, а Таджикистан, Азербайджан и Армения — религиозный фанатизм.

Однако в этом параграфе нас интересует те случаи, когда для преступника первично негативное отношение не к каким-то группам людей, а к каким-то политическим и/или идеологическим взглядам, точнее, те случаи, когда такая мотивация нашла отражение в законодательстве.

Такие взгляды жертвы фигурируют в законодательстве целого ряда стран: Албании, Андорры, Беларуси, Бельгии, Болгарии, Чехии, России, Испании.

В законах Польши и Румынии речь идет о членстве в политических организациях.

В Португалии речь идет о «политической ненависти», а в ряде штатов США (Калифорния, Айова, Луизиана, Западная Виргиния и округ Колумбия) — о «политической принадлежности», и эти термины могут интерпретироваться применительно и к взглядам жертвы, и взглядам преступника. Но в случае Португалии, возможно, речь может идти именно о последних.

§ 5. Социально-классовые признаки

Любые групповые различия имеют корреляцию с имущественным и иным социальным статусом, поэтому — в зависимости от применяемой социальной теории — они могут рассматриваться как классовые различия. Но в этом параграфе речь пойдет о «классических» признаках социально-классового расслоения.

Конечно, избирательное ограбление более богатых само по себе никак не преступление ненависти, а просто прагматичное поведение грабителя. Это как раз тот случай, когда чисто дискриминационная модель определения преступления ненависти не работает. Но бывают и преступления против тех или иных социальных слоев, в том числе и против «богатых», мотивированные именно негативным отношением к этим слоям.

В Словении такой защищаемый признак сформулирован как два — финансовое положение и социальный статус, в Литве — только социальное положение. В Чехии этот признак так и называется классовым. В Румынии признак прямо назван «богатством».

В Молдове, Туркменистане и Казахстане, законодательство которых основано на понятии «мотива ненависти», оно включает понятие «социальной ненависти», которая в постсоветском контексте обычно понимается как ненависть классовая. Молдавский закон «О противодействии экстремистской деятельности» упоминает именно «социальную рознь, связанную с насилием или призывами к насилию», что явно отсылает к «классовой борьбе» (и в аналогичном российском законе раньше была точно такая же формулировка), а пропаганда исключительности, превосходства или неполноценности граждан обсуждается, уже конкретнее, по признакам их «имущественного положения или социального происхождения». Аналогичная ситуация складывается в УК Туркменистана. В Казахстане сравнение квалифицирующих признаков по некоторым преступлениям, одним из которых является «социальная ненависть», и состава статьи о возбуждении ненависти и языке вражды наводит на мысль, что слово «социальный» может, в принципе, пониматься не только как «классовый», но и как «сословный» или «родовой».

Близок к понятию классовой ненависти также признак «социального происхождения», хотя он, в зависимости от исторического и социального контекста, может по-разному пониматься в разных странах. Этот признак встречается в Бельгии и Румынии.

В принципе, в тех странах, где применение насилия является квалифицирующим признаком для преступления возбуждения ненависти и где эта норма применяется для наказания преступлений ненависти, можно обратить внимание на списки защищаемых признаков по статьям о возбуждении ненависти (см. в соответствующей главе), так как в ряде стран (например, в Украине), социальные признаки встречаются в этих статьях, но не в статьях о преступлениях ненависти.

Интересно, почему признак благосостояния жертвы является сравнительно редким явлением в законодательстве о преступлениях ненависти. Гипотеза скорее политического свойства заключается в том, что само это законодательство часто возникало в рамках антидискриминационной парадигмы, левой по своему происхождению, и поэтому нападения на «богатых эксплуататоров» могли попасть в категорию преступлений ненависти в последнюю очередь, а нападения на бедняков как таковых уж точно являются экзотикой. Более явная гипотеза правового характера заключается в том, что принципиально идейные нападения на богатых теряются в массе случаев, когда такие нападения были мотивированы сугубо прагматически, а неприязнь к жертве по признаку благосостояния имела место, но решающей роли не играла. Юристам естественно опасаться, что введение такого мотива ненависти в законодательство будет

способствовать размыванию самой категории преступления ненависти и произвольному применению этой категории в обычных уголовных делах.

Особняком в этой теме стоит такой вполне распространенный феномен, как нападения на бездомных. Во многих странах существуют группы (обычно ультраправые, но, строго говоря, необязательно), нападающие на бездомных именно по мотиву ненависти, так как воспринимают их как «биологический мусор» и т.п. Как определить этот мотив ненависти? Признак «по благосостоянию» здесь вполне подходит, но он определенно гораздо шире данного феномена. Напрашивающийся признак «по отсутствию постоянного жилья» определенно не подходит, так как и жилье потерпевший может иметь, но не жить в нем по тем или иным причинам, и мотив преступников связан скорее не с жильем как таковым, а с неким стереотипным образом бездомного, включающим грязь, болезненность, алкоголизм и т.д. Пока признак бездомности присутствует в законодательстве трех штатов (Флорида, Мэн, Мэриленд) и округа Колумбия в США, но ни в одной европейской стране в законодательство не включен специальный признак, относящийся к этой категории людей. Что само по себе не означает, что такие нападения не наказываются как преступления ненависти. Правоприменитель в ряде стран находит способы это сделать, если список защищаемых признаков является открытым (см. об этом ниже) или используется мотив «социальной вражды».

§ 6. Гендер и сексуальная ориентация

Мотивы ненависти или дискриминационного выбора жертвы, так или иначе связанные с гендерной тематикой, весьма многообразны по своей сути.

Ненависть к женщинам или мужчинам в целом как мотив, определяющий преступление ненависти, может показаться проблематичным, так как слишком часто непонятно, как тут отличить именно враждебность к группе от враждебности к конкретному ее представителю. И это ограничивает распространение такого защищаемого признака.

Враждебность к гомосексуалам представляется более понятным мотивом в интересующем нас смысле. Но защищаемый признак не может быть сформулирован дискриминационно, то есть закон не может защищать именно гомосексуалов в отличие от гетеросексуалов. Если же сформулировать признак как «сексуальная ориентация» или «гендерная самоидентификация», то правоприменение тут же сталкивается со все усложняющейся палитрой сексуальных ролей и гендерных самоидентификаций, точнее, со все большей их публичной репрезентацией, и это создает сложности для понимания нормы закона.

Общественные представления в этой сфере как раз в последние десятилетия стремительно меняются почти во всех странах региона ОБСЕ, и, что немаловажно, разные общества находятся в совершенно разных фазах этого процесса (в некоторых странах и речи быть не может о негативном отношении закона к гомофобии, а, например, в ряде штатов США в законах о преступлениях ненависти уже различают пол в биологическом смысле и гендер в смысле самоидентификации).

Поэтому краткий обзор национальных законов ниже не отражает всего многообразия законодательства в этой сфере, и стоит обратить особое внимание на цитаты из законов, приведенные в сносках к таблице по странам в приложении и на последующую таблицу по штатам США.

Сексуальная ориентация является защищаемым признаком по преступлениям ненависти в не столь многих странах: Албания, Андорра, Австрия, Бельгия, Канада, Хорватия, Дания, Франция, Венгрия, Литва, Румыния, Словакия, Словения, Испания, Англия, Финляндия. В некоторых странах, как, например, в Хорватии, «сексуальная ориентация» дополняется уже и «гендерной идентичностью». Как видим, здесь многие страны отсутствуют, включая почти все скандинавские и постсоветские. Конечно, в ряде стран есть открытые списки защищаемых признаков, что, в зависимости от ситуации в стране, также может быть использовано.

В США наблюдается значительное многообразие. Сексуальная ориентация и (транс)гендерная самоидентификация (в отличие от пола или гендера) учтены в законах большинства штатов, где вообще есть законы о преступлениях ненависти, за исключением Алабамы, Аляски, Айдахо, Мичигана, Миссисипи, Монтаны, Северной Каролины, Северной и Южной Дакоты, Огайо, Оклахомы, Пенсильвании и Виргинии.

Пол и/или гендер как защищаемый признак встречается реже — в Албании, Австрии, Бельгии, Канаде, Хорватии, Венгрии, Литве, Румынии, Словакии, Словении, Испании, а также в большинстве штатов США. Среди штатов США, имеющих законы о преступлениях ненависти пол и/или гендер не упомянут в законах Алабамы, Колорадо, Делавэра, Флориды, Айдахо, Канзаса, Кентукки, Мэриленда, Массачусетса, Монтаны, Невады, Огайо, Оклахомы, Орегона, Пенсильвании, Южной Дакоты, Виргинии и Висконсина.

Как видим, в Европе эти два признака (связанный скорее с полом и связанный скорее с сексуальной ориентацией), как правило, встречаются в национальных законодательствах совместно, если вообще учтены; итого — в 10 странах. А в США картина сложнее: 37 штатов (включая округ Колумбия) учитывают такие признаки, из них большинство — оба, а вот

меньшинство делится не поровну: 6 — только пол/гендер, а 10 — сексуальную ориентацию и/или (транс)гендерную самоидентификацию.

§ 7. Состояние здоровья

Этот признак является не менее проблематичным для законодательства, чем пол или имущественный статус, и по тем же причинам: нападения на людей с видимой инвалидностью обычно мотивированы их предполагаемой беззащитностью. С другой стороны, известны идеологически мотивированные нападения на некоторые категории инвалидов как «недочеловеков» или на ВИЧ-позитивных как на носителей моральной или иной опасности. Далеко не везде законодатель готов рассматривать именно дискриминационные атаки на физически или психически больных как разновидность преступлений ненависти, в частности, возможно, потому что опасается возложить на полицию слишком сложную задачу по выделению специфического мотива в случаях нападений на эту категорию людей.

В США этот защищаемый признак, в тех или иных мотивировках, уже достаточно широко распространен — в 31 штате. В Европе же этот признак встречается лишь в законодательстве Албании, Андорры, Австрии, Бельгии, Хорватии, Венгрии, Литвы, Румынии, Испании, Финляндии и Англии.

При этом терминология явно не является устоявшейся. Например, английский закон понимает инвалидность и как физическую, и как ментальную. Андорра в ст. 30.6 своего УК пишет о болезни и о физической или психической инвалидности. В Испании указаны и инвалидность, и состояние здоровья. В недавно принятых в Албании поправках упоминается, среди прочего, генетическая предрасположенность, а в Румынии — позитивный ВИЧ-статус. В Бельгии, чей список предрасудков особенно длинен, включаются также физические особенности, генетические характеристики и даже будущее состояние здоровья. В целом, можно заметить, что признаки, связанные с состоянием здоровья, встречаются почти исключительно в странах, отличающихся именно максимально длинным и подробным перечнем таких признаков⁷⁷.

⁷⁷ Среди этих стран явно заметную часть составляют страны Центральной и Восточной Европы. Этому феномену можно найти политическое объяснение, но политический генезис законодательств в целом лежит вне темы этой книги.

§ 8. Редкие признаки

Есть и еще более редкие варианты предрассудков, оговоренных в законах, редкие настолько, что могут считаться скорее экзотическими и лежащими в стороне от тенденции развития законодательства о преступлениях ненависти.

Начать их рассмотрение удобно с законодательства Бельгии, так как в нем перечень защищаемых признаков особенно длинен. К их числу отнесены также возраст и матримониальный статус, «рождение» и «происхождение». Эти признаки, как и чрезвычайно широкий диапазон предрассудков, касающихся здоровья, попали в законодательство о преступлениях ненависти из законодательства о дискриминации. Аналогичная ситуация возникла и в Словении, где квалифицирующий признак преступлений ненависти определен как покушение на равенство, а оно определяется по множеству признаков, включая «генетическую наследственность», и тоже скорее для целей ненасильственной дискриминации. Такой подход к формированию списка защищаемых признаков вызывает сомнения.

Конечно, избирательное преступление против женатых, холостых или разведенных, а возможно, и, например, против женатых в пятый раз, теоретически возможно, но такое явление явно встречается столь редко, что вряд ли заслуживает отдельного упоминания в законе: в конце концов, все возможные мотивы предусмотреть невозможно. И все же матримониальный статус встречается в законах Бельгии и в округе Колумбия в США.

Преступления, целенаправленно совершаемые против, например, стариков или подростков, представить себе гораздо легче, хотя их мотивация при этом окажется скорее прагматической (например, пожилого человека легче ограбить), чем идейной, идейные же преступления на почве «эйдзизма» — не меньшая экзотика, чем целенаправленные преступления против холостяков. И, тем не менее, возраст в законах о преступлениях ненависти встречается, помимо Бельгии, в Австрии, Канаде, Литве, Румынии, в законах 13 штатов США — Калифорнии, Флориды, Гавайев, Айовы, Канзаса, Луизианы, Мэна, Миннесоты, Небраски, Нью-Мексико, Нью-Йорка, Вермонта и округа Колумбия.

Термины «рождение» и «происхождение» в Бельгии относятся, соответственно, к формальным обстоятельствам рождения и каким-то особенностям предков⁷⁸. Если мы посмотрим на другие страны, в законодатель-

⁷⁸ Это редкое различие нюансов было мне разъяснено активистом организации «MRAX Belgique».

стве которых встречаются эти и подобные термины, мы должны иметь в виду, что их значение зависит, естественно, от социального контекста данной страны в данный период времени с поправкой на инерцию традиции правоприменения. В Бельгии «рождение» в дискриминационных делах понимается как, например, различие тех, кто рожден в браке и вне брака, кто живет с одним родителем или с двумя, и т.д. Термин же «происхождение» отсылает к индивидуальным характеристикам родителей или иногда даже других предков; к числу таких характеристик могут относиться их этничность, криминальное прошлое или настоящее и т.д. Как можно заметить, такие характеристики можно знать только при личном знакомстве, а люди редко формируют какую-то коллективную самоидентификацию по такого рода характеристикам, так что такое преступление ненависти будет, по меньшей мере, нетипичным. И уж точно будет проблематично утверждать, что именно данный предрассудок был основным мотивом совершения преступления.

Тем не менее, такая характеристика, как семейное происхождение, применительно к преступлениям ненависти встречается, помимо Бельгии, также в законах Словакии, где одним из отягчающих обстоятельств является даже не ненависть в зависимости от семейного происхождения, а возбуждение ненависти по этому признаку. В Финляндии список признаков при расширении был пополнен также «статусом по рождению».

Термин «происхождение» в смысле, отличающемся от этнического или национального происхождения (такие формулировки учитывались как указание на этничность/национальность⁷⁹), широко распространен и в самых разных постсоветских странах. Он унаследован от советского уголовного права, в котором означал «классовое происхождение», но этот термин не применяется в законодательстве о преступлениях ненависти (см. в главе о возбуждении ненависти). «Социальное происхождение», представленное в УК Румынии, видимо, является современной расширенной заменой «классового происхождения». В Литве термин «происхождение» стоит между «языком» и «социальным положением», так что термин, вероятно, может интерпретироваться и в социальном, и в этническом смысле.

В уголовном праве Словении представлен также такой необычный защищаемый признак, как уровень образования. А в округе Колумбия в США есть сходный признак — факт поступления в вуз.

⁷⁹ В Эстонии термин «происхождение», хотя и без уточнения его смысла, присутствует в ряду с этничностью, религией и т.п., так что его можно отнести к этому ряду.

УК Таджикистана знает мотив «местной» ненависти, то есть вражды к жителям определенного региона, хотя они тоже таджики. Этот мотив как раз понятен: он был одной из основных движущих сил таджикской гражданской войны в 90-е годы. Как уже говорилось выше, в Казахстане родовая или сословная ненависть, пусть и косвенно, но просматривается в понятии «социальная ненависть».

А вот такой мотив, как мотив кровной мести, не следует, видимо, относить к мотивам преступлений ненависти, так как этот мотив направлен все же на очень узкую группу. В УК Казахстана и Таджикистана этот мотив встречается наряду с иными мотивами ненависти как квалифицирующий признак, но это само по себе не значит, что преступления, совершенные в порядке кровной мести, должны пониматься как преступления ненависти.

В многообразном законодательстве штатов в США можно найти и совсем редкие признаки. В Вермонте закон преследует за нападение по мотиву вражды к военнослужащим. В округе Колумбия — из-за того, что другой член семьи является объектом ненависти, а в Орегоне — из-за сексуальной ориентации члена семьи, но это, собственно говоря, не отдельные защищаемые признаки, а кодификация определенного вида выбора жертвы по ассоциации.

§ 9. Открытые списки

Наконец, в законодательстве ряда стран список предрассудков может быть открытым. Формулируется это по-разному и имеет разное значение.

Если в законодательстве используется подход с опорой на эмоциональную мотивацию преступника (ненависть и т.п.), то, в принципе, такой мотив может быть сформулирован максимально обтекаемо; так что вопрос о том, какого типа ненависть должна учитываться, остается на усмотрение суда, а вопрос о том, что из этого конституирует собственно преступление ненависти, теряет юридическое значение. Таков описанный выше подход Германии.

Этот подход может совмещаться с каким-то конкретным списком типов ненависти как мотива. Например, в Азербайджане в списке общих отягчающих обстоятельств есть и такая формулировка: «*совершение преступления по мотиву национальной, расовой, религиозной ненависти или фанатизма, из мести за правомерные действия других лиц, с корыстной целью или другими низменными побуждениями*» (п. 1.6 ст. 61 УК). В данном случае «другие побуждения» вряд ли будут интерпретироваться как другие предрассудки, лежащие в основе преступлений ненависти, так как

приводимый ряд мотивов разнороден и вряд ли азербайджанское правосудие будет стремиться расширить именно список мотивов ненависти.

А вот в Австрии в § 33 говорится именно об общих отягчающих обстоятельствах в смысле преступлений ненависти, поэтому здесь фраза о «*других особенно предосудительных мотивах*» делает список предрассудков, с одной стороны, совершенно бескрайним (собственно, почти все преступления совершаются по предосудительным мотивам), с другой стороны, полностью оставляет на усмотрение суда, что именно особенно предосудительно в контексте понятия преступлений ненависти. Впрочем, не исключено, что в Австрии судьи ориентируются на список предрассудков в статье о языке вражды (§ 283), а в современной версии этой статьи список является достаточно длинным (вплоть до сексуальной ориентации), но зато закрытым.

В Лихтенштейне же ч. 5 ст. 33 УК называет отягчающими обстоятельствами «*расистские, ксенофобные или иные особенно предосудительные мотивы*», и УК не дает намека, позволяющего уточнить это понятие. УК Мальты гласит, что общим отягчающим обстоятельством может быть «мотив ксенофобии», тоже без уточнения, какова типа эта ксенофобия.

Выше было перечислено еще несколько стран, где мотив сформулирован столь же общо: Кипр и Латвия.

Такой мотив может также дополнять вполне конкретный список, как в Андорре, Болгарии и Италии, и тогда он, вероятно, может пониматься не как дополнение, а как отсылка к этому конкретному списку.

В Канаде список предрассудков в ст. 718.2(a)(i) УК просто завершается словами «*любой иной сходный фактор*», что полностью оставляет вопрос на усмотрение судей. Аналогично сформулировано законодательство Дании, Финляндии и Швеции.

Другой подход формируется, если во главу угла ставятся не эмоции преступника, а защита каких-то групп населения.

Уголовный кодекс Норвегии прямо апеллирует к связи списка предрассудков, которые должны рассматриваться как отягчающие обстоятельства, со списком социальных групп, которые по тем или иным причинам должны рассматриваться обществом как нуждающиеся в особой защите закона. Именно так и завершается краткий список мотивов ненависти в ст. 77 УК: «*иные обстоятельства, касающиеся групп, нуждающихся в специальной защите*». Но такая определенность формулировок остается исключением, поскольку недискриминационный подход к формулированию закона предполагает, что защищаемым является признак, а не группа. Видимо, и норвежскую формулировку можно было бы уточнить или толковать недискриминационным образом.

В УК Словении, где мотив преступления ненависти основан на мотиве дискриминации, последний включает такую позицию, как *«любое иное обстоятельство, которое лишает или ограничивает человека в его правах человека или свободах, признанных международным сообществом, конституцией или иным законом»*.

В Чехии и Венгрии список просто заканчивается словами *«иная группа людей»*.

Как уже говорилось выше, деление законов на построенные на основании эмоции преступника и на основании защищаемых признаков жертвы не является строгим.

УК России включает в список мотивов ненависти (и объектов языка вражды) мотив ненависти *«в отношении какой-либо социальной группы»*, что тоже можно счесть гибридной формулировкой: формально, ключевым понятием здесь является ненависть преступника, но при доказывании обвинения должно «сконструировать» социальную группу, которую он ненавидит, что фактически смещает центр тяжести в сторону модели защищаемого признака.

При этом в России ни закон, ни какие-либо иные акты и официальные документы определения понятия «социальная группа» не дают, нет также мало-мальски общепринятого понимания этого термина в социологии, не говоря уже об обыденном языке. На практике это означает именно превращение списка мотивов ненависти в открытый. Ни в законе, ни в его понимании в публичном дискурсе не присутствует упомянутое выше в связи с Норвегией представление о группах, нуждающихся в особой защите.

Примечательно, что эта формулировка не скопирована в кодексах ряда других стран СНГ, за исключением Беларуси, хотя этого можно было ожидать при принятии сходного антиэкстремистского законодательства.

Понятие «социальный» применительно к группе или к типу вражды может пониматься очень по-разному. Например, нынешнее российское понимание — очень широкое и в делах о преступлениях ненависти и языке вражды — охватывает в том числе такие «социальные группы», как «сотрудники правоохранительных органов» или «гопники». Но исторически этот термин в законодательстве основан на конституционном запрете «социальной розни», под которой авторы Конституции России 1993 года понимали, скорее всего, что-то вроде «классовой вражды». Это, более узкое, хотя тоже не слишком определенное понимание, может просматриваться в законодательстве, и как уже говорилось выше, оно встречается в Молдове и Туркменистане, а в Казахстане понимание —

менее определенное. Но эти три страны, тем не менее, все же не имеют открытого списка мотивов для преступлений ненависти.

Таким образом, открытый список представлен (если не считать Германию, в которой никакого списка вовсе нет) в Канаде и 12 европейских странах ОБСЕ.

§ 10. Неясность с определением признака и смешение признаков

Есть, несомненно, и спорные ситуации с определением дискриминирующего признака. Например, антисемитизм понимается в разных странах как разновидность религиозной или этнической (или расовой) ксенофобии, но часто — сразу обоих ее видов. Это связано, похоже, с разными пониманиями того, чем является еврейская идентичность. Правда, преступления ненависти с точки зрения права обычно понимаются не через самоидентификацию жертвы или доминирующие представления о группе, к которой она относится, а через мотив преступника, то его представления об идентичности жертвы. Известны случаи, когда преступник интерпретировал евреев как религиозную общность, как расовую или следовал каким-то своим идеологическим конструкциям, например, описывающим евреев как разновидность преступного сообщества.

Здесь мы подходим к более деликатному моменту в определении мотива преступления ненависти. У преступника могут быть весьма причудливые представления, но преступление ненависти, хотя и определяется по мотиву, но наказывается строже обычного не потому, что именно у преступника в голове, а по общественной опасности. Эта последняя, в свою очередь, прямо связана и с тем, как идентичность жертвы понимается в обществе (см. выше). Если, как в данном примере, евреи понимаются как расовая группа (как это было в нацистской Германии) — ситуация одна, если как религиозная группа (как это было ранее в Европе, кроме Испании⁸⁰, по крайней мере до XIX века) — другая. В современных обществах в странах ОБСЕ и самоидентификация, и внешняя этническая идентификация евреев уже отнюдь не носят столь определенного характера, соответственно, трудно определить и тип мотива антисемитского преступления.

⁸⁰ Испания является уникальной для европейской традиции страной, в которой уже в XV–XVI веках людей официально дискриминировали по «долям крови» вне зависимости от их религии.

Та же ситуация наблюдается и с гораздо более многочисленной группой обычных жертв преступлений ненависти — людей, чья внешняя идентичность (часто и внутренняя) связана одновременно с иммиграцией и с исламом. Протесты против строительства мечетей (не криминальные сами по себе, конечно), несомненно, связаны не только (а может быть, и не столько) с неприятием ислама, сколько с неприятием иммигрантов. Такова же и мотивация части криминальных атак на описанную группу⁸¹.

В принципе, полиция и суды способны разобраться в основных встречающихся ситуациях смешанной или как-то еще запутанной мотивации. Конечно, законодатель может и сам подчеркнуть многообразие возникающих мотивов преступления ненависти, но, как правило, не делает этого по тем или иным причинам. Например, в Канаде статья 430(4.1) УК, принятая после серии актов вандализма, совершенных в ответ на теракт 11 сентября 2001 г., ввела наказание за любые разрушения и повреждения, учиненные в церквях, местах поклонения, на кладбищах и т.п. местах, мотив же при этом задается не только религиозный, но и расовый, и этнический. Таким образом, возможные атаки на объекты, имеющие религиозное значение, справедливо оцениваются по возможным разнообразным мотивам, но это разумное широкое понимание коснулось только таких объектов.

5. Вандализм

Вандализм по мотиву ненависти или по иным дискриминационным основаниям является разновидностью преступления ненависти, так как нанесение ущерба имуществу и само по себе преступно. Поскольку в книге деяния классифицируются по их правовой природе, эта глава включена именно в главу о преступлениях ненависти. С другой стороны, такие акты вандализма по сути направлены чаще не столько на повреждение или уничтожение имущества, сколько на то, чтобы таким радикальным способом сделать публичное высказывание, что роднит эти деяния с возбуждением ненависти и языком вражды. Исторически законы об идейно мотивированном вандализме часто появлялись в связи с законами о публичных высказываниях или о защите религии, так как исторически первым и до сих пор самым распространенным вариантом криминализации идейного

⁸¹ Iganski Paul. An agnostic view of 'faith hate' crime // Safer Communities. 2009. Vol. 8. No. 4. P. 51–59.

вандализма является криминализация атак на религиозные объекты и конфессионально профилированные кладбища.

Если в стране применяется мотив ненависти или дискриминационный мотив как общееотягчающее обстоятельство, это, в сущности, избавляет от необходимости иметь нормы о вандализме как отдельные. Но нередко они все равно принимаются, как в Албании, Армении, России, Лихтенштейне, Канаде, Италии, Казахстане, Литве, Молдове, Словакии, Таджикистане.

А иногда УК обходится общимотягчающим обстоятельством или определением преступления ненависти как отдельного состава, но при этом особо упоминается нанесение ущерба имуществу. Так это сделано в Англии, Андорре и Болгарии.

Нередки особые уголовные нормы о вандализировании культовых зданий или предметов культа, то есть об (анти)религиозном вандализме. (Иногда эти нормы связаны скорее с оскорблением религии, см. соответствующую главу, но в данном случае это неважно.) Такие нормы встречаются, как минимум, в Албании, Австрии, Канаде, Кипре, Германии, Венгрии, Италии, Турции, Украине. Я не учитывал здесь нормы, в которых говорится не о повреждении, а об осквернении, так как такие действия, строго говоря, отличаются от вандализма, ибо имущество остается не поврежденным; они будут рассмотрены в главе, касающейся защиты верующих.

Но могут быть нормы и более широкие. Например, ст. 292 УК Норвегии, касающаяся вандализма, полагает отягчающими обстоятельствами, среди прочего, расистский мотив и тот факт, что поврежденный объект имеет *«историческую, национальную или религиозную значимость для общественности или для большого числа людей»*. Похожие формулировки о ценности объектов встречаются в законах Латвии и Молдовы. Широкое определение идейного вандализма отдельной нормой используется также в России и Казахстане. Идейный вандализм криминализован во всех штатах США, кроме Аляски, Айовы, Нью-Гэмпшира, Северной Дакоты, Юты, Вермонта, Западной Виргинии и Вайоминга.

В некоторых случаях особых норм нет, но в статьях о возбуждении ненависти говорится не только о словах, но и о действиях, направленных на определенные объекты, включая «нанесение вреда имуществу», как об отягчающих обстоятельствах. Мы видим это в Боснии и Герцеговине, Македонии, Черногории, Сербии, Словении. Отмечу, что в ряде постсоветских стран сама норма о возбуждении ненависти и о языке вражды до сих пор говорит о «действиях», а не о «высказываниях». В тех странах, где появились отдельные нормы о преступлениях ненависти, включая идейный вандализм, использование таких формулировок отягчающих обстоятельств утрачивает смысл, и эти «действия» уже понимаются

именно как высказывания в широком смысле слова, каковые не стоит относить к преступлениям ненависти. А вот в перечисленных странах, кроме Сербии, недавно включившей в УК мотив ненависти как общее отягчающее обстоятельство, именно эти формулировки применимы к актам идейного вандализма.

В законах многих стран особо говорится о вандализме на кладбищах. Конечно, такой вандализм далеко не всегда мотивирован чем-то, кроме хулиганских побуждений, поэтому имеет смысл отмечать только нормы, явно отсылающие к идейной мотивации. Таковые нормы присутствуют в Армении, Бельгии, Франции, Казахстане, Лихтенштейне, Грузии, Литве, Люксембурге, Македонии, Черногории, Молдове, Сербии, Словакии, Таджикистане, Словении.

Примечательно, что в России соответствующая ст. 244 УК дополнена словами: *«а равно в отношении скульптурного, архитектурного сооружения, посвященного борьбе с фашизмом или жертвам фашизма, либо мест захоронения участников борьбы с фашизмом»*, что добавляет этой норме особый смысл. Такая же норма действует в Таджикистане.

Наконец, стоит отметить, что, например, в Бельгии закон специально оговаривает, что вандализмом считается не только повреждение объекта, но и изображение на нем (граффити). Такое понимание вандализма само по себе достаточно спорно. Как язык вражды граффити, конечно, может быть не менее эффективно, чем многие другие медиа, но вот ущерб имуществу при этом, как правило, невелик, так что можно усомниться, что это преступление ненависти. И все же применение законов о вандализме часто включает граффити, даже если это в законе не сказано, как, например, в России.

И в заключение этой главки можно указать на три страны, в которых есть нормы об идейном вандализме, но нет никаких иных норм о преступлениях ненависти. Это Люксембург, Турция и Черногория. И это снова возвращает нас к вопросу о том, точно ли идейный вандализм является преступлением ненависти или он может рассматриваться отдельно, видимо, как разновидность криминального высказывания. Можно сказать, что эта дилемма еще ждем какого-то системного разрешения.

Глава III. Возбуждение ненависти и язык вражды

Законодательство о противодействии высказываниям (в широком смысле этого слова, включая какие-то символические действия), которые могут быть квалифицированы как возбуждение ненависти или язык вражды, пожалуй, еще разнообразнее по используемым подходам и формулировкам, чем законодательство о преступлениях ненависти.

Основные принципиальные разногласия в этой сфере были уже так или иначе упомянуты в главе о международном праве, так что здесь я лишь перечислю их, чтобы затем перейти к тому, как эти разногласия отражаются в национальных законодательствах.

1. Закон может считать или не считать, что слова сами по себе криминальны. В первом случае может быть криминализовано само высказывание негативного отношения в той или иной форме (язык вражды), во втором — только такие высказывания, которые реально или потенциально чреватые последствиями и направлены на это (возбуждение ненависти). Разумеется, в каких-то случаях не так просто отличить одно от другого, но это не отменяет принципиального различия. (Корректно будет сказать, что так сформулированное понятие языка вражды поглощает понятие возбуждение ненависти, а не является альтернативой ему, но для простоты изложения я буду эти понятия рассматривать именно как альтернативные.)

2. Последствия могут тоже учитываться разные, реальные и/или потенциальные. В большинстве случаев таковым последствием считается сам факт, в том числе потенциальный, возбужденной в какой-то группе враждебности по отношению к другой группе. Но критерий может быть и жестче, когда реальным или потенциальным последствием, достаточным для уголовного преследования, считаются акты насилия и/или дискриминации и/или еще какие-то действия.

3. Высказывания могут быть криминализованы по такому законодательству только постольку, поскольку они прямо или косвенно направлены против каких-то групп населения, а не против кого-то лично. Соответственно, возможны самые разные списки таких групп и вообще все виды различий, которые мы уже видели в главе о преступлениях ненависти.

4. Формулировки, в которых описываются в законе язык вражды и возбуждение ненависти, могут также сильно розниться, в том числе по степени детализации. Сами по себе используемые термины сужают или расширяют действие нормы и могут увязывать ее с другими нормами, например, о дискриминации, преступлениях ненависти или о защите религиозных чувств.

5. Но важно различать нормы, явно основанные на целеполагании, которое можно считать политическим, — предотвращении межэтнических и иных групповых конфликтов, ограничении или запрете определенного рода идеологической пропаганды, и нормы, свободные от такого рода формулировок.

Конечно, есть действия, сходные с теми, которые рассматриваются в этой главе, но все же отличные от них.

Самую важную категорию образуют призывы к каким-то преступным действиям против той или иной группы, в ситуации, когда эти действия (или хотя бы попытка их совершить) имели место. Если связь преступления и призыва к нему, вне зависимости от того, насколько публичным был этот призыв, установлена, автор призыва становится, в терминологии российского УК, просто подстрекателем, то есть еще одним соучастником этого преступления. Эта ситуация описывается общей уголовной нормой и не является тем, что характеризуется как возбуждение ненависти. Последнее, если уж подбирать аналогию, могло бы быть названо «публичным подстрекательством», что тоже неплохо, на мой взгляд, передает смысл понятия *incitement to hatred*.

Зато в некоторых странах, например, в Румынии или Финляндии, есть отдельные статьи УК, предусматривающие наказание за публичные призывы к совершению любого преступления, даже если эту ситуацию нельзя рассматривать как соучастие, так как даже попытки совершить само преступление не было. Конечно, такие статьи могут быть использованы и против возбуждения ненависти, если инкриминируемые высказывания настолько конкретны⁸², но все же их не стоит рассматривать

⁸² В Румынии сложилась особая ситуация. Помимо указанной нормы, в законодательстве есть еще две. Собственно возбуждение ненависти является не уголовным преступлением, а административным правонарушением. Уголовным же преступлением является «*систематическое распространение с помощью каких-либо средств идей, концепций или доктрин, призывающих к созданию тоталитарного государства, в том числе подстрекающих к убийству лиц, которые объявляются принадлежащими к низшей расе*», а также организационная деятельность такого толка и «*популяризация убеждений лиц, виновных в совершении преступлений против мира и человечности*». С одной стороны, легко себе представить популяризацию, например, германского нацизма, не упоминаящую о его расистской составляющей, с другой стороны, современная расистская пропаганда часто легко обходится без прямых отсылок к известным тоталитаристским концепциям и режимам. Таким образом, «антитоталитаристские» нормы могут использоваться против возбуждения ненависти, но не менее, а даже более эффективной представляется пара из уголовно наказуемого публичного подстрекательства к преступлениям и административно наказуемого прочего возбуждения ненависти.

в одном ряду с интересующими нас нормами, и далее они сами по себе не будут рассматриваться при классификации по различным признакам.

Другую важную категорию образуют публичные угрозы, основанные на тех или иных групповых, то есть дискриминационных критериях. Достаточно серьезная угроза (как минимум, угроза убийством) криминализована сама по себе в любой стране. Публичность этой угрозы может быть или не быть учтена как отягчающее обстоятельство. Но важным критерием криминальности деяния является при этом адресность угрозы: она должна быть адресована в достаточно ясной форме каким-то конкретным людям, а не расовой, этнической и т.п. группе.

Именно так сейчас понимается в США концепция «прямой и непосредственной угрозы». Целый ряд штатов — Алабама, Аризона, Калифорния, Коннектикут, округ Колумбия, Делавэр, Флорида, Джорджия, Айдахо, Иллинойс, Оклахома, Северная Каролина, Южная Дакота, Виргиния, Вашингтон — криминализировали такую акцию, как сжигание креста, типичное для практики Ку-клукс-клана, но преступлением является не любое публичное сжигание креста, а только такое, которое кем-то конкретным может быть воспринято как угроза лично ему. В одних штатах это прописано в самом тексте закона, в других нет, но общий современный подход, сформулированный выше, зафиксирован в решении Верховного суда по делу *Virginia v. Black* в 2003 году⁸³. В остальном Первая поправка к Конституции не позволяет США принимать законы, криминализующие возбуждение ненависти и тем более язык вражды.

Наконец, в другой главе будут рассмотрены специальные законы, касающиеся защиты религии, религиозных чувств и т.п. Они близки к законам о языке вражды, но явным образом отличаются, что и будет там показано.

Впрочем, за пределы данной главы вынесена и категория высказываний, которые преследуются в зависимости от их политического или идеологического целеполагания. Они будут рассматриваться отдельно.

Как будет видно ниже, национальные законы сильно рознятся по степени детальности определений. Но в любом случае в таких делах большая ответственность ложится на суд. Именно он должен применить те шесть критериев, о которых говорится в Рабатском плане действий (см. в конце главы о международном праве), если, конечно, национальное правосудие согласно с этими рекомендациями. Лишь некоторые из этих

⁸³ Решение доступно на сайте Legal Information Institute (<http://www.law.cornell.edu/supct/html/01-1107.ZO.html>).

критериев регулируются законом, да и то далеко не во всех странах (см. ниже). Правда, закон может и должен быть дополнен официальными комментариями к нему, в том числе разъяснениями верховных судов⁸⁴, прецедентными решениями, в первую очередь решениями ЕСПЧ. Наконец, суд не глух и к доминирующему общественному мнению, если тема языка вражды и возбуждения ненависти обсуждается на уровне заметных персон, будь то чиновники, политические лидеры, ученые-правоведы или общественные деятели. А поскольку вся эта тематика — относительно новая и часто политически чувствительная, дебаты по ней ведутся в течение последних десятилетий во многих странах, и, следовательно, законы и правоприменительная практика в этой сфере довольно изменчивы.

Наконец, следует отметить, что лишь в трех странах язык вражды и возбуждение ненависти не криминализованы вовсе. Это уже упомянутые США, Сан-Марино (имеющая зато развитые нормы о богохульстве и т.п.) и Ватикан (не имеющий ни одного из интересующих нас в этой книге законов).

1. Форма и объект

Как уже было сказано, национальные законодательства в рассматриваемой сфере весьма многообразны, поэтому анализировать их можно по самым разным параметрам. Начну с того, что можно счесть фундаментальными свойствами такого рода криминальных деяний. У высказывания есть две основные характеристики — что именно говорится и в чей адрес. Обе эти характеристики тоже можно анализировать не по одному параметру, и потому важно начать с систематизации высказываний по типу того, что говорится, вне зависимости от конкретизации содержания

⁸⁴ В России такое разъяснение было дано в 2011 году в Постановлении Пленума Верховного суда РФ № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности».

Одно из ключевых его положений звучит так:

«Под действиями, направленными на возбуждение ненависти либо вражды, следует понимать, в частности, высказывания, обосновывающие и (или) утверждающие необходимость геноцида, массовых репрессий, депортаций, совершения иных противоправных действий, в том числе применения насилия, в отношении представителей какой-либо нации, расы, приверженцев той или иной религии и других групп лиц. Критика политических организаций, идеологических и религиозных объединений, политических, идеологических или религиозных убеждений, национальных или религиозных обычаев сама по себе не должна рассматриваться как действие, направленное на возбуждение ненависти или вражды».

(которая может присутствовать в законе или нет), и с систематизации того, как описывается объект высказывания, вне зависимости от конкретного перечня защищаемых признаков, к анализу которых можно будет перейти потом.

Начнем с формы высказывания. Вероятно, самый важный различительный параметр здесь — «интенсивность» высказывания или степень его радикальности. В целом, понятно, что законодательство должно как-то различать оттенки в диапазоне между слегка неприязненным высказыванием в адрес какой-то группы и призывом к ее поголовному истреблению. Проблема в том, как это сформулировать так, чтобы формулировки укладывались в национальную правовую традицию и в требования международного права, чтобы они были применимы полицией и судами и чтобы они отвечали запросам общества (не сиюминутным, конечно, но в сравнительно длительный период).

§ 1. Учет последствий и тема предотвращения конфликта

Последний критерий, хотя и не является правовым, важен политически.

С одной стороны, именно этот критерий во многом является причиной самого появления законов такого типа, так как исторически государства заботились в первую очередь о государственной безопасности и политической стабильности и лишь потом — о защите своих граждан (подданных) от оскорблений и тому подобных не столь опасных посягательств (многие государства и до сих пор расставляют приоритеты точно так же).

С другой стороны, в обществах, высоко ставящих ценность свободы слова, широко распространена идея, что ограничивать эту свободу допустимо только при наличии риска серьезных последствий (в пределе это и дает концепцию «прямой и непосредственной угрозы»), поэтому законы могут прямо предусматривать «ограниченность ограничений».

Первый тип мотивации был определенно представлен в советском законодательстве, в котором криминальным было «разжигание розни» по национальному и т.п. признакам. Само слово «рознь» из советских уголовных кодексов перешло в Конституцию России, а отсюда — в российский закон «О противодействии экстремистской деятельности» и в некоторые его аналоги на постсоветском пространстве (см. главу о антиэкстремизме). Несомненно, «рознь» не тождественна «ненависти», по крайней мере потому, что ненависть — чувство, которое вполне может быть и не взаимным, а вот в розни всегда участвуют две стороны. Собственно говоря, подразумевалась и подразумевается рознь как конфликт той или иной степени

напряженности между какими-то группами, обычно этническими или религиозными. Но это не единственное отличие: слово «рознь» может обозначать гораздо менее интенсивные в своей негативности эмоциональные состояния, чем «ненависть». Например, между католиками и православными, несомненно, существует рознь, но вполне может и не быть ненависти. Иначе говоря, такая норма закона стоит на страже предотвращения любых групповых трений, не говоря уже о серьезных конфликтах. А заодно норма фактически криминализовала любые негативные высказывания в адрес групп, так как негативные высказывания, несомненно, чреватые «разжиганием розни». Поскольку вовсе не допускать негативных высказываний невозможно, то только в практике правоприменения становится ясно, насколько избирательно применяется столь широко сформулированная норма. И эта неизбежная, изначально заложенная избирательность применения лишней раз доказывает политический характер самой нормы.

В России термин «рознь» ушел из уголовного права, хотя остался в гражданском. Но этот советский термин сохранился в Беларуси в сочетании «возбуждение ... вражды или розни», Казахстане, Туркменистане, Таджикистане. Такова же терминология в УК Боснии и Герцеговины. В Молдове формулировка дополнена словом «дифференциация», а в Узбекистане – словом «нетерпимость». Македония и Черногория формулируют так же, как Узбекистан. Как видим, все эти страны несколько по-разному описывают криминальные высказывания, так что нельзя сказать, что в них использован один и тот же правовой подход. Но общим в них является то, что используемые термины в какой-то степени ориентированы на предотвращение конфликтов в зародыше и ориентированы, в том числе, на высказывания, которые можно счесть сравнительно «слабыми», то есть уголовный закон призван выполнять и функцию профилактики конфликта.

В постсоветских странах терминология могла сохраниться и просто по инерции, хотя Молдова и Таджикистан в постсоветский период пережили гражданские войны, Узбекистан и Казахстан в позднесоветские годы также сталкивались со значительными этническими конфликтами, так что у этих стран есть серьезные основания думать о предотвращении конфликтов. А уж Босния и Герцеговина, родившаяся как государство в ситуации гражданской войны, думает о предотвращении конфликта в первую очередь. В Боснии и Герцеговине нет понятия преступлений ненависти, есть только провоцирование конфликта, подробно описанное в ст. 150 УК (включая осквернение могил как отягчающее обстоятельство к возбуждению ненависти, а не наоборот, как в большинстве стран).

В Македонии возбуждение ненависти и язык вражды криминализованы двояко – и в рамках концепции защиты граждан, и в рамках

концепции предотвращения конфликта. Предусмотрено наказание за призывы к расовой дискриминации и связанные с этим высказывания (ст. 417 УК). Но криминализованы и различные действия, включая вандализм и осквернение религиозных символов, направленные на возбуждение «ненависти, розни и интолерантности» (ст. 319 УК), причем квалифицирующим признаком этого преступления является именно наступление последствий в виде насилия, беспорядков, масштабного повреждения имущества. А вот в Черногории в ст. 370 УК представлен только аналог македонской ст. 319.

Впрочем, не все страны бывшей Югославии имеют такие или подобные формулировки в своих кодексах. Рефлексия гражданской войны может давать разные результаты. В Сербии идея противодействия конфликту заложена в ст. 317 УК не вполне прямо. «Возбуждение ненависти» в языке этой статьи понимается как возбуждение ненависти не против каких-то людей, а между «народами и этническими общинами, живущими в Сербии». Впрочем, надо полагать, эта формулировка не ограничивает реальное правоприменение.

На Кипре, также пережившем гражданскую войну, преступлением является возбуждение розни и вражды между «общинами», религиозными группами или классами. В еще одной статье того же кодекса криминализовано и оскорбление по расовому, этническому и религиозному признакам, а также создание организаций, занимающихся пропагандой расовой дискриминации. И лишь позже была добавлена более стандартная статья о призывах к ненависти и насилию.

В Албании криминализовано просто «возбуждение конфликта», без уточнений. В Грузии криминализуется «подстрекательство к ненависти или конфликту».

Та же идея может встречаться в не столь прямой форме. Могут быть криминализованы высказывания определенного толка, если они могут повлечь беспорядки, нарушение общественного порядка, столкновения и т.п. В Канаде это является одним из вариантов определения возбуждения ненависти в ст. 319 УК, но не обязательным: ч. 1, в которой говорится о «подстрекательстве к ненависти», включает слова «когда такое подстрекательство может повлечь нарушение мира», а ч. 2, в которой говорится о «продвижении ненависти» (promoting hatred), не включает этих слов. Можно сказать, что в данном случае возможные последствия не являются необходимым свойством криминализуемой речи.

Аналогичный подход принят в законодательстве Германии. Возбуждение ненависти, посягательство на человеческое достоинство, призывы к насилию, отрицание Холокоста и т.д. криминализованы только в том

случае, если эти высказывания делаются *«способом, могущим нарушить общественное спокойствие»*. Соответствующий § 130 даже называется «конфликтологически»: «Натравливание одной части народа на другую». Закон содержит также отдельные параграфы для распространения материалов и иных выступлений, которые служат руководством к совершению преступления (§ 130а), и для нарушения общественного спокойствия путем угрозы тем или иным преступным покушением (§ 126).

В Турции формулировки даже жестче: возбуждение ненависти является преступлением, только если эти действия *«подвергают общественность однозначной и непосредственной опасности»*. Аналогично, диффамация групп преступна, *«если правонарушение может вызвать общественное беспокойство»*.

В Португалии связь с возможными «нарушениями мира» указана только по отношению к специфическим действиям, касающимся религии — как к незаконному вмешательству в богослужение, так и к оскорблению человека на основе его религии или религиозной функции. Квалифицирующий признак в виде риска нарушения общественного порядка в ст. 216 УК Турции тоже относится к диффамации именно в связи с религиозными ценностями потерпевшего.

В Австрии *«разжигание конфликтов»* упоминается в ряду целого ряда других форм возбуждения ненависти и языка вражды. В Канаде высказывания, которые *«могут привести к нарушению мира»*, упоминаются отдельно от прочих, но влекут те же санкции. В Финляндии одним из квалифицирующих признаков возбуждения ненависти являются именно призывы к насилию в диапазоне от геноцида до серьезных актов насилия, но призывы к последним, если речь не шла об убийстве, являются квалифицирующим признаком, только если эти акты насилия могли «представлять серьезную угрозу общественным порядкам и безопасности».

В Англии законодательство о возбуждении ненависти и языке вражды достаточно многообразно. В нем есть «обычное» для континентального права «возбуждение ненависти» (ст. 18 части III Акта об общественном порядке 1986 года (дополненного Актом о расовой и религиозной ненависти 2006 года)), но есть и применение мотива ненависти к частным и публичным угрозам, которые криминальны как таковые (ст.ст. 4, 4а и 5 Акта об общественном порядке). В сущности, последняя норма — типовая норма преступления ненависти, именно потому что угрозы криминальны и сами по себе. Но язык соответствующих статей позволяет применять их шире, так как речь идет о высказываниях, причиняющих *«ощущение преследования, страх или страдание»* и создающих у жертвы представление, что сейчас будет применено насилие, причем с любой стороны

сложившейся конфликтной ситуации. В результате дебатов о возможных злоупотреблениях уже в 2013 году из этого списка было исключено понятие «оскорбленность». Похоже, эти нормы должны быть отнесены скорее к провоцированию конфликта, чем к подстрекательству к насилию.

В некоторых странах наступление серьезных криминальных последствий высказывания является необходимым условием его криминализации. В Эстонии публичное подстрекательство к ненависти, насилию и дискриминации считается преступным, только если *«это привело к созданию угрозы для жизни, здоровья или собственности какой-то персоны»*.

Возможна конструкция, когда совершение последствий в виде насилия, погромов и т.п., является не обязательным, но квалифицирующим признаком возбуждения вражды. Так это описано в кодексах Македонии, Черногории, Сербии и Таджикистана.

§ 2. Призывы к насилию или дискриминации

Критерий правовой определенности, очень важный для эффективности правоприменения и для соблюдения прав граждан, в том числе потенциальных обвиняемых, в наибольшей степени соблюдается, видимо, в случае, если закон криминализует не «возбуждение» или «разжигание», а прямо «призывы» к тем или иным действиям, чаще всего — к насилию в отношении каких-то групп или к дискриминации каких-то групп. С другой стороны, очевидно, что возможны и не столь редко встречаются высказывания, которые не содержат, собственно, никакого призыва, но обладают значительной мощью в плане мобилизации агрессивного поведения или просто ненависти к определенным группам. Это зависит от нескольких параметров, а не только от собственно текста высказывания (см. краткую формулировку этих параметров в конце главы о международном праве), так что правоприменение с учетом всех этих параметров становится потенциально более эффективным, но одновременно и более чреватым разного рода ошибками и нарушениями.

В этом параграфе я остановлюсь на тех странах, которые выбрали путь более узкого понимания возбуждения ненависти — как публичных призывов к агрессивным или дискриминирующим действиям⁸⁵.

⁸⁵ Для сравнения можно обратиться к сравнительному обзору законов стран ЕС по сходным, но несколько отличающимся признакам, предпринятому в: Report from the Commission to the European Parliament and the Council on the implementation of Council Framework Decision 2008/913/JHA on combating certain forms and expressions of racism and xenophobia by means of criminal law. P. 3–8

В прямом виде призывы к насилию по дискриминационным основаниям в законах встречаются сравнительно часто. Они упомянуты в кодексах Бельгии, Эстонии, Лихтенштейна, Литвы, Люксембурга, Португалии, Словакии, Испании, Нидерландов, Австрии, Хорватии, Кипра, Франции, Германии, Греции, Италии, Монако, Узбекистана, Польши, Словении и Финляндии. В Чехии в развернутой ст. 355 УК нет буквально таких формулировок, зато состав статьи включает любую поддержку организации, которая пропагандирует насилие, ненависть и т.д.

В странах, в которых существует антиэкстремистское законодательство (см. главу о нем), может быть и статья УК о призывах к экстремистской деятельности, которой криминализовано тем самым и публичное подстрекательство к преступлениям ненависти, включая, естественно, насильственные. Но таких стран почти нет — это Россия и частично Таджикистан (частично, потому что в его определении экстремизма фигурируют не все преступления ненависти, а только беспорядки, хулиганство и вандализм). Впрочем, публичное подстрекательство к преступлениям ненависти прямо криминализовано в Польше.

В Италии высказывания, прямо призывающие к расистскому насилию, криминализованы наравне с высказываниями, которые могут повлечь таковое. В этом случае не вполне понятно, должны ли такие высказывания вообще содержать какой-то негативный посыл, так что уместно обеспокоиться, не может ли быть наказан некто, не имевший никакого виновного умысла. А вот норма Дании, где речь идет о высказываниях, которые могут лишь повлечь угрозы в адрес какой-то группы, видимо, ничем не отличается от того, что обычно понимается как возбуждение ненависти, и потому Дания в этот список не попадает.

Таким образом, призывы к насилию фигурируют в законах о публичном подстрекательстве в 25 странах.

Использование насилия или угроза насилием могут быть квалифицирующим признаком в статье УК, касающейся возбуждения ненависти и языка вражды, или даже просто одним из упомянутых в законе средств возбуждения ненависти. Этот признак может относиться к разным ситуациям (например, к совмещению насильственной акции и агитации свидетелей), но, в частности, и к включению конкретной угрозы насилием в само инкриминируемое высказывание. В этом последнем случае такая норма фактически тоже криминализует публичные призывы к насилию. Эта схема применяется в Швеции, Англии, Исландии, а также в некоторых постюгославских (в Македонии, Черногории, Словении, Боснии и Герцеговине) и постсоветских (в России, Армении, Азербайджане, Кыргызстане, Латвии, Таджикистане, Украине) странах.

Призывы к дискриминации фигурируют в законах Бельгии, Болгарии, Кипра, Чехии, Эстонии, Италии, Франции, Грузии, Греции, Лихтенштейна, Литвы, Люксембурга, Македонии, Молдовы, Сербии, Словакии, Словении, Швейцарии и Нидерландов.

Стоит отметить, что публичные призывы к дискриминации могут быть представлены в УК не в статьях о возбуждении ненависти, а в статьях о дискриминации, которые сами по себе в этой книге не рассматриваются. А могут — и там, и там, как сделано, например, в Молдове. В Монголии же, напротив, возбуждение ненависти включено в статью о дискриминации, но сами эти составы фактически разделены.

Опосредованно криминализованы такие призывы также в России, так как преступлением являются публичные призывы к экстремистской деятельности, а определение последней включает дискриминацию.

Всего, публичные призывы к дискриминации криминализованы таким образом в 19 государствах.

Важно подчеркнуть, что только призывами к насилию и дискриминации закон не ограничивается нигде.

Возможны и не прямые конструкции. Так, уголовный закон Греции вроде бы увязывает высказывания с насилием и дискриминацией, но в форме опосредованного призыва: *«призывать к действиям, которые могут привести к дискриминации, ненависти и насилию»*. Такая формулировка не может считаться именно криминализацией призывов к насилию или дискриминации, так как она явно гораздо шире.

§ 3. Различение «сильных» и «слабых» форм интолерантности

Очевидно, что прямые призывы к насилию и дискриминации, публичные угрозы являются сильными формами манифестации интолерантности. Возникает вопрос, как классифицировать оставшиеся формы. Например, ясно вроде бы, что формулировка «возбуждение ненависти» предполагает более жесткую, «сильную», форму высказывания, чем «унижение достоинства» по групповому признаку. Но наверняка найдутся люди, которые сочтут, что унижение достоинства задевает некий групповой адресат и даже угрожает общественной безопасности не меньше, чем возбуждение ненависти к тому же адресату. К тому же многое зависит от интерпретаций норм в судебной практике, особенно если закон сформулирован лаконично.

И все же я попробую далее классифицировать нормы соответствующих национальных законов, исходя из представлений, доминирующих, как мне представляется, у авторов, пишущих на эти темы.

Начнем со стран, формулирующих свои законодательные нормы максимально лаконично, и будем продвигаться к более сложным формулировкам (имея в виду, что нормы, описанные в предыдущих двух параграфах, уже более не обсуждаются).

Во многих странах используются обороты типа «возбуждение национальной, расовой или религиозной ненависти» или «вражды», и больше никаких пояснений не дается. Такие формулировки можно отнести к «сильным формам». Слово «возбуждение», конечно, в разных языках и в разных правовых традициях имеет свои оттенки смысла, но я не обнаружил значимых различий. Также не видно особой разницы в юридическом словоупотреблении между словами «ненависть» и «вражда» (*hatred* и *hostility* в англоязычных переводах европейских кодексов и в международно-правовых документах и комментариях к ним); складывается впечатление, что законодатели в разных странах стремились просто пошире описать интересующий их феномен, но на практике это мало отразилось⁸⁶. Случаи, когда законодатель хотел выделить не только или не столько мотивацию преступника, сколько конфликтные отношения между какими-то группами, уже были рассмотрены выше в параграфе о претотвращении конфликтов.

Максимально лаконичны Албания, Канада, Латвия, Монголия и Ирландия (но в этой стране есть также статья о религиозной диффамации). Болгария дополняет «ненависть» и «враждебность» «дискриминацией», Хорватия и Монако — «насилием», Эстония и Люксембург — и тем, и другим (призывы к повреждению собственности я везде рассматриваю как разновидность призыва к насильственным действиям).

Во многих странах встречаются формулировки, описывающие в той или иной форме язык вражды, то есть выражение негативного или пренебрежительного отношения к каким-то группам. К ним же следует отнести утверждение исключительности и/или превосходства каких-то групп, так как это предполагает их превосходство над какими-то другими. В том же ряду «слабых форм» находятся и унижение достоинства или диффамация людей по каким-то групповым признакам. Эти варианты могут встречаться как по отдельности, так и в разных сочетаниях.

⁸⁶ В русском языке, строго говоря, слово *hostility* должно бы переводиться как «враждебность», так как речь идет об эмоции одного человека, а не о взаимоотношениях двоих, которые могут быть описаны как «вражда». Как уже говорилось, в 2011 году обсуждался вариант отказа от термина «вражда» в УК именно по этой причине, но решение принято не было.

Есть страны, в законах которых предусмотрены только «слабые формы» манифестации интолерантности. Это Андорра (оскорбительные выражения), Австрия (публичные оскорбления и унижение достоинства), Дания (высказывания, «*в результате которой группа людей становится объектом угроз, презрения или унижения*»).

Но чаще всего бывает, что предусмотрены и «сильные», и «слабые» формы, и здесь разнообразие сочетаний довольно велико.

Для постсоветского пространства характерны довольно простые формулировки. Армения сочетает стандартную «сильную» формулировку и «*пропаганду расового превосходства и унижение национального достоинства*». Аналогично в смысле форм интолерантности звучит соответствующая статья в Азербайджане, Таджикистане и Туркменистане. В Беларуси — то же, но без понятия «превосходство». Аналогично — в Грузии и Молдове, но с добавлением «дискриминации». В России есть и «*возбуждение ненависти либо вражды, а также унижение достоинства человека либо группы лиц*», и призывы к экстремистской деятельности (включая преступления ненависти и дискриминацию). В Украине криминализованы «*разжигание национальной, расовой или религиозной вражды и ненависти, унижение национальной чести и достоинства или оскорбление чувств граждан в связи с их религиозными убеждениями*».

Казахстан дает пример максимально широкого определения в постсоветской традиции. Оно включает возбуждение вражды и розни, «*пропаганду исключительности, превосходства либо неполноценности граждан*», а также «*оскорбление национальной чести и достоинства либо религиозных чувств граждан*». Кыргызстан отличается только отсутствием ссылки на религиозные чувства, а Узбекистан, напротив, дополняет их «атеистическими убеждениями», но по форме законы этих стран оказываются такими же, как в Казахстане.

В Боснии и Герцеговине, Черногории, а также в целом ряде постсоветских стран слово «вражда» дополнено словом «рознь» или его близкими синонимами, о чем уже говорилось выше. Это слово может пониматься очень широко, включая, видимо, и не столь уж острые и эмоционально насыщенные противоречия. Поэтому я склонен думать, что такая формулировка закона совмещает «сильные», и «слабые» формы интолерантности. То же можно сказать про законы Кипра, но там вместо «розни» используется слово «недоброжелательность».

В Чехии есть «сильная» статья о возбуждении ненависти и призывах к дискриминации и есть «слабая» статья о диффамации. Почти аналогично, во Франции криминализованы и «*действия, ведущие к дискриминации, ненависти и насилию*», и диффамация. Практически то же самое напи-

сано в УК Греции, Испании, Нидерландов, только вместо диффамации фигурируют, соответственно, «оскорбительные идеи», клеветнические высказывания о группах, оскорбления по групповому признаку. В Словакии же в трех статьях УК к списку действий, используемому во Франции, добавлены угрозы. В Польше, кроме собственно возбуждения ненависти, криминализованы призывы к совершению преступлений ненависти и оскорбления по групповому признаку. В Сербии речь идет о возбуждении ненависти и нетерпимости, что, видимо, различает «сильные» и «слабые» формы, а также о подстрекательстве к дискриминации. В Норвегии предусмотрено несколько форм высказываний, от угрозы до «призывов к презрению», а в Швеции — только «угрозы» и «презрение». В Словении спектр шире, он включает *«разжигание ненависти, вражды и нетерпимости»*, *«провоцирование неравенства»* и *«распространение идеи о превосходстве одной расы над другой»*. В Литве, аналогично, используется формулировка *«высмеивает, выражает презрение»*; при этом все формы высказываний собраны в одной статье, зато ранжированы по степени общественной опасности.

В Македонии в одной статье говорится о подстрекательстве к ненависти и дискриминации, а в другой — о возбуждении *«ненависти, розни или нетерпимости»*, но в качестве методов указывается широкий спектр действий — от насилия до *«насмешки над национальными, этническими или религиозными символами»*, так что, видимо, эта вторая статья включает де-факто и «сильные», и «слабые» формы нетерпимости.

Тот же результат из-за совместного описания целей и средств высказывания, видимо, достигается в УК Мальты. Преступник в нем описывается так: *«кто использует какие-либо угрозы, оскорбления или оскорбительные слова или поведение, или демонстрирует письменные или печатные материалы, содержащие угрозы, брань или оскорбления, или иным образом проявляет поведение, направленное на разжигание расовой ненависти, или поведение, которое, с учетом всех обстоятельств, с большой вероятностью может возбудить расовую ненависть»*. Законодательство Англии, как было показано выше, устроено сложнее, но принцип в том смысле, который нас интересует в этом параграфе, там заложен точно такой же.

Наверное, в этом же ряду следует упомянуть Финляндию. В ст. 10 главы 11 УК перечисляются *«угрозы, диффамация или оскорбления»*, и угрозы можно считать скорее «сильной» формой интолерантности, а ст. 10(а) УК говорит уже о призывах к насилию. При этом в самих названиях статей, в отличие от их состава, используется словосочетание «возбуждение вражды».

В Турции соответствующая статья включает унижение групп населения, унижение отдельных граждан в связи с их или своими религиозными представлениями, а также в связи с их политическими и иными взглядами, а вот состав возбуждения ненависти сформулирован довольно ограниченно: *«кто публично подстрекает часть населения к ненависти и враждебности по отношению к другой части населения посредством дискриминации по признаку...»*

В ряде стран вообще нет понятий типа «ненависть», «враждебность» и т.п., например, в Италии (см. ниже). В Португалии говорится именно о провоцировании насилия и поощрении дискриминации, а также об оскорблении и порочении группы. Сходным образом, в Исландии речь идет о «публичном нападении» *«посредством насмешек, клеветы, оскорблений, угроз или любым иным способом»*.

Законодатель Бельгии подходит к проблеме двумя разными способами. С одной стороны, криминализованы призывы к дискриминации, ненависти, насилию, а также публичное заявление о намерении дискриминировать. С другой стороны, мотив ненависти по широчайшему списку признаков является отягчающим обстоятельством для таких преступлений, как клевета и оскорбление (а также осквернение могил и т.п., но это как раз типично для многих стран; см. гл. 5 УК Бельгии).

В Германии криминальны публичные призывы к целому ряду преступлений вне зависимости от дискриминационного характера этих преступлений. Кроме того, криминальны возбуждение ненависти, призывы к насилию и «акты произвола», что, возможно, может быть отнесено и к актам дискриминации. Криминально также *«посягать на человеческое достоинство другого таким образом, что этим подвергается поруганию, пренебрежительно представляется или очерняется часть населения»*.

В ряде стран, например, в Исландии, в законах упоминается и такая форма языка вражды, как «насмешка» над людьми. «Насмешка над символами» упоминается как инструмент языка вражды в законах Македонии, Черногории, Боснии и Герцеговины и Сербии. Насмешки над религиозными догмами или обрядами и иными убеждениями криминализованы в Испании и Исландии, Лихтенштейне и Швейцарии. Это не значит, конечно, что насмешки не могут быть элементом преступления в других странах.

Я здесь не рассматриваю специальные нормы против национал-социализма, тоталитаризма и т.п. (о них речь пойдет в другой главе), но и в интересующих нас здесь составах преступления может встречаться идеологическое расширение. В Италии не упоминается «возбуждение ненависти», вместо этого используется формулировка *«распространение идей»*,

основанных на расовом или этническом превосходстве или ненависти», и она дополняется подстрекательством к насилию и дискриминации. Можно предположить, что такая формулировка шире, чем обычные, так как криминализует также и высказывания, не пропагандирующие нетерпимость прямо, но лишь связанные с ней идеологически.

Идеологические расширения могут не заменять, а дополнять «обычные» нормы. Например, в Швейцарии и Лихтенштейне, помимо ненависти, дискриминации и публичного унижения, в УК фигурирует также формулировка: «*публично распространяет идеологию, направленную на систематическое унижение или диффамацию*». В Венгрии норма о возбуждении ненависти ограничена самим понятием «ненависть». Зато криминализована также демонстрация символики тоталитарных режимов, если это может оскорбить достоинство жертв этих режимов.

Видимо, здесь же стоит отметить соотношение клеветы и языка вражды. Одним из обычных возражений против любого законодательства о языке вражды является то, что опасное высказывание является либо правдой, либо ложью, и если ложью, то достаточно применить (или расширить) законодательство о клевете или диффамации, если же правдой, то за правду осуждать нельзя.

И все же законодательство почти всех стран, в которых понятия «клевета» и/или «диффамация» включены в нормы о языке вражды или возбуждении ненависти, не рассматривает эту коллизию, так как исходит не из того, правду или ложь говорит обвиняемый, а из того, каковы были его намерения и каковы возможные последствия его высказывания и как они соотносятся с формулировками закона (множество примеров которых приведены выше), то есть слова судятся в точности по тем же основаниям, что и любые другие поступки.

В нескольких странах клевета (такие понятия, как богохульная или кощунственная клевета, рассматриваются в другой главе) является одним из средств возбуждения ненависти и тому подобных действий. Но она перечисляется наряду с другими типами высказываний, не предполагающих фактическую ложность (тем более заведомую). Так выстроены составы преступлений в Исландии, Монако и Узбекистане.

Лишь в некоторых странах данная коллизия получила отражение в законе. Уже говорилось об опыте Бельгии, где мотив ненависти является отягчающим обстоятельством для обычной клеветы. В Испании подстрекательство к насилию, дискриминации и ненависти криминализовано вне зависимости от истинности высказываний, а вот «распространение оскорбительной информации» о различных группах наказуемо, только

если она – «*заведомо ложная или с безответственным презрением к истине*». Аналогично устроено законодательство Нидерландов: для языка вражды, в отличие от возбуждения ненависти, сделаны два исключения: если целью высказывания было просто предоставление информации и если человеку не было известно или могло быть неизвестно, что высказывание оскорбительно для определенной группы.

Обстоятельно подходит к этой проблеме УК Канады. В ст. 319 ряд высказываний выводится из-под действия статьи, если речь идет не о публичном подстрекательстве с опасными последствиями, а «просто» о возбуждении ненависти обвиняемым:

- а) если он докажет, что его высказывание было истинным;*
- б) если он добросовестно выражал или стремился обосновать свой тезис в религиозной сфере или само его мнение было основано на верованиях или религиозном тексте;*
- с) если высказывание было релевантным для общественного интереса, дискуссия о котором велась для блага общества, и он имел разумные основания считать свое высказывание истинным;*
- д) если он добросовестно стремился указать на обстоятельства, которые могут вызывать ненависть к одной из «идентифицируемых групп»⁸⁷ Канады, с целью устранения этих обстоятельств».*

Стоит особо обратить внимание на п. б, который явно призван декриминализовать религиозную полемику и отвержение гомосексуальности по религиозным причинам.

§ 4. Другие аспекты, касающиеся формы высказывания

А. Публичность

Одним из важнейших аспектов такого рода является публичность высказывания. Иногда в национальном законодательстве не написано ясно, что речь идет именно о публичных высказываниях. Таково, например, законодательство Италии. Но, как правило, это подразумевается. Однако в некоторых странах действуют крайне жесткие нормы, криминализующие и непубличные высказывания. Это может быть понятно, например, из того, что публичность прямо в тексте статьи УК указывается как квалифицирующий признак (как мы видим это в ст. 3971 УК Армении или в

⁸⁷ Этот термин обозначает в ст. 319 УК Канады группы людей по признаку расы, цвета кожи, религии, этнического происхождения или сексуальной ориентации.

ряде статей УК Словакии), или прямо из текста закона (как на Кипре). В перечисленных случаях следует признать, что закон криминализует бытовые (возможно, даже семейные) конфликты, окрашенные этническими, религиозными или иными подобными разногласиями, что, по сути, не соответствует понятиям возбуждения ненависти или языка вражды, как они сложились в международном праве, в академических и общественных дискуссиях на эту тему.

Некоторые сомнения вызывает состав ст. 319 УК Македонии, в котором определение дается так:

«Кто с помощью силы, жестокого обращения, угроз безопасности, насмешки над национальными, этническими или религиозными символами, нанесения ущерба объектам в собственности других людей, осквернения памятников или могил или каким-либо другим образом вызывает или возбуждает национальную, расовую или религиозную ненависть, рознь или нетерпимость...»

Вполне можно представить, что, например, жестокое обращение вызывает в каких-то людях ненависть, в том числе и в том случае, если оно осуществляется приватно. Такие же формулировки встречаются в Черногории и Сербии. А вот в Словении, например, такие формулировки тоже есть, но они сочетаются с упоминанием фактора публичности, так что сомнения снимаются.

Публичность высказывания редко определяется прямо в тексте закона и должна оцениваться судом. Важно понимать, что критерий публичности носит не бинарный характер: у публичности много форм и, если так можно выразиться, степеней. При прочих равных условиях, чем шире и при этом прицельнее выбрана аудитория публичного подстрекательства, тем оно опаснее, и это должно отражаться на наказании и вообще на наличии такового, ведь общественная опасность может оказаться слишком мала для уголовного преследования.

Российский закон, например, не содержит определения публичности высказывания. Комментарии к УК почти единодушно утверждают, что публичное высказывание — это высказывание, адресованное «неопределенному кругу лиц», то есть не высказанное в узком кругу адресного общения. Но нельзя сказать, что это определение вполне ясно. Например, можно разослать письмо нескольким тысячам вполне определенных людей по своей адресной книге, а можно обращаться в баре к неопределенному, но очень узкому кругу рядом сидящих собутыльников, и, по крайней мере, неочевидно, какое из этих обращений общественно опаснее.

Увы, зачастую законодатель понимает публичность как параметр не с множеством значений, а как бинарный. На ту же мысль наводит и анти-

расистская Седьмая рекомендация Комиссии Совета Европы по борьбе с расизмом и нетерпимостью (ЕКРП), в которой дается такое пояснение:

«Законодательства государств-членов должны определять понятие “публичности” в отношении расистских деяний таким образом, чтобы можно было без труда доказать, что они совершены публично. Так, например, соответствующие речи, произнесенные на собраниях неонацистских организаций или во время дискуссии в сети Интернет, должны рассматриваться как произнесенные публично»⁸⁸.

И все же ряд стран пытается дать более операциональное определение публичности.

УК Бельгии дает очень подробное определение публичности в отдельной ст. 444 УК. Публичным является высказывание, сделанное

«на собраниях или в общественных местах;

или в присутствии нескольких лиц в месте, не общественном, но предоставленном для собрания или участия в собрании; или в любом месте в присутствии пострадавшего и при свидетелях;

или с помощью рукописного или печатного текста, фотографий или эмблем, размещенных, распространяемых или продаваемых, предлагаемых для продажи или выставленных на общее обозрение;

не являющееся публичным, но разосланное или распространенное среди большой группы людей».

Не менее детально определение в Люксембурге:

«...путем высказываний, выкриков или угроз, произнесенных в общественных местах или собраниях, или с помощью рукописных или печатных материалов, рисунков, гравюр, картин, эмблем, текстов или изображений в средствах массовой информации, продаваемых или распространяемых, выставленных на продажу или выставленных в общественных местах или на открытых заседаниях, или публично демонстрируемых плакатов, или с помощью любых средств аудиовизуальной коммуникации».

И надо признать, что последний пункт в этом списке вызывает определенные сомнения: ведь аудиовизуальная коммуникация может происходить и между двумя людьми.

УК Канады (ст. 319) определяет публичность очень широко: публичное место — это любое место, открытое для публики по праву или

⁸⁸ Общеполитическая рекомендация ЕКРП No. 7...

по явному или неявному приглашению. То есть наличие публики вообще не является обязательным, не говоря уж о ее количестве, важно именно ее потенциальное присутствие. Публичным является распространение высказывания, если оно сделано не в частной беседе.

Ирландский Акт о запрете возбуждения ненависти считает криминальным даже действие, которое происходит в приватном помещении, если его видно или слышно за его пределами, и обвиняемый осознает это. Соответственно, любое высказывание и действие вне приватного помещения уже считается публичным. Аналогично сформулирован закон и в Англии.

УК Финляндии упоминает наряду с публичным распространением противозаконных заявлений, некие действия, которые описываются как хранение таких заявлений доступным для публики образом.

В Хорватии публичным считается высказывание, сделанное «*через прессу, радио, телевидение, компьютерную систему или сеть, на публичном собрании или как-то иначе публично*». Последние слова определения, по сути, указывают на бесполезность такого рода перечня в определении. Тем не менее, целый ряд стран считает нужным указывать на разные методы осуществления высказывания, не пытаясь создать закрытый исчерпывающий список, а другие вносят фразы типа «*с помощью каких-либо средств*» (Италия).

В некоторых странах предпринимаются попытки ранжировать степени публичности прямо в законе. Можно считать, что выступления в массовой медиа «публичнее», чем другие публичные выступления, то есть в каком-то смысле представляют большую общественную опасность, и рассматривать такую форму выступления как квалифицирующий признак. В какой-то степени в том, что касается печатных СМИ, такое представление стало анахронизмом: на ином митинге бывает больше народу, чем читателей у конкретного выпуска иной газеты. С другой стороны, есть блоги или сайты, которые куда популярнее некоторых газет. Учитывая это последнее соображение, закон может приравнивать публикацию в интернете к публикации в СМИ, хотя бесспорно и то, что многие блоги и сайты имеют аудиторию, наоборот, меньшую, чем у речи, произнесенной в пивном баре.

Так или иначе, использование средств массовой информации и интернета (хотя эти две категории пересекаются, их всегда упоминают отдельно) и иногда других медиа является квалифицирующим признаком в ряде стран. Чехия использует такую формулировку: «*с использованием прессы, кино, радиовещания, телевизионного вещания, размещения публично доступной компьютерной сети или других аналогичных по эффективности способов*». В Латвии квалифицирующим признаком является распро-

странение высказывания «*с помощью автоматизированной системы обработки данных*».

В Молдове возбуждение «вражды, дифференциации или розни» криминально вне зависимости от используемой медиа, а вот «поощрение или поддержка» дискриминации — только если происходит в средствах массовой информации. Но в этом случае речь идет не о более и менее тяжких преступлениях, а просто о двух разных составах, так что нельзя исключать, что это отличие является в значительной степени случайным. Все-таки уголовные кодексы формируются постепенно, в разные периоды времени могут учитываться разные законотворческие идеи, и не всегда эти идеи применяются ко всему кодексу.

В России использование средств массовой информации и интернета является квалифицирующим признаком в двух статьях — о призывах к экстремистской деятельности, что включает призывы к совершению преступлений ненависти, терроризму, дискриминации, возбуждению ненависти, языку вражды и т.д., а также о призывах к сепаратизму, а для собственно возбуждения ненависти и для публичного оправдания терроризма использование тех или иных медиа квалифицирующим признаком не является.

Б. Мотив, цель и средства

Как и всякое преступление, за исключением специально оговоренных в кодексе случаев, преступление посредством высказывания является умышленным, и суд призван установить — пусть не в деталях — умысел обвиняемого. Формулировки статей УК, как правило, сами по себе предполагают содержание этого умысла: возбуждал ненависть к такой-то группе — с целью возбудить такую ненависть, а уж какие именно идейные, политические или иные соображения стояли за этим, не столь существенно для правосудия. В этом смысле ситуация прямо противоположна той, которая описана выше применительно к преступлениям ненависти.

В частности, не так принципиально, испытывал ли обвиняемый ненависть по отношению к той группе, против которой выступал. Хотя в ходе судебного разбирательства эта субъективная сторона преступления, скорее всего, также будет анализироваться. Мотив ненависти как таковой очень редко упоминается в законах о высказываниях. В Словакии в ст. 424а, состав которой включает подстрекательство к насилию и ненависти, порочение группы и «исторический ревизионизм», мотив ненависти по ряду групповых признаков является квалифицирующим признаком, то есть предполагается возможность совершения такого преступления и без

мотива ненависти. В двух других статьях, посвященных угрозам и дискриминации (ст. 424) и диффамации (ст. 423) по групповым признакам, такого различия нет. Видимо, это означает, что наличие именно мотива ненависти по этим статьям также не является обязательным. То же мы видим при сопоставлении ст.ст. 10 и 10(а) главы 11 УК Финляндии.

В некоторых странах, как уже было видно на примерах выше, формулировки статей оговаривают целеполагание через действия, которые сами по себе могут рассматриваться как преступление. То есть некоторое действие, которое в одной стране криминально само по себе, в другой является криминальным только при определенном целеполагании. На Мальте в составе ст. 82А УК *«угрозы, оскорбления или оскорбительные слова или поведение»* преступны постольку, поскольку *«направлены на разжигание расовой ненависти»*, хотя во многих странах все или часть таких действий образуют составы преступлений и сами по себе. А вот в Турции состав ст. 216 формулируется так: *«кто публично подстрекает часть населения к ненависти и враждебности по отношению к другой части населения посредством дискриминации»* (по ряду признаков).

Как уже говорилось, в ряде стран закон включает перечисление используемых действий в техническом смысле (как, например, в Люксембурге, см. выше), но такие списки никак не являются исчерпывающими и потому, в общем-то, не создают никакой новой правовой ситуации по сравнению с их отсутствием. Но есть два особых типа действия, которые могут встречаться как методы возбуждения ненависти, но являются, по сути, особыми преступлениями. Это, во-первых, участие в «экстремистских группировках» или еще каких-то противоправных объединениях и поддержка соответствующих идеологических воззрений и, во-вторых, отрицание признанных исторических преступлений. Этим двум типам действий посвящены отдельные главки в следующей главе.

Наконец, законодательство ряда стран считает необходимым предусмотреть оговорки и/или исключения, чтобы не криминализовать высказывания, не являющиеся языком вражды, хотя формально и похожие на него. Отличаться высказывания могут как по мотивации, так и по каким-то формальным признакам. Оговорки бывают более или менее сложно сконструированные.

В Андорре прямо оговорена необходимость «вредоносных намерений».

В Канаде нет оговорок для возбуждения ненависти, которое может привести к «нарушению мира», а в прочих случаях оговорки сформулированы весьма развернуто (см. цитату в предыдущем параграфе).

В Лихтенштейне распространение расистских и т.п. материалов не является преступлением, *«в случае если агитационный материал или*

действие предпринято в целях искусства или науки, научных исследований или образования, адекватного отчета о текущих событиях или истории или в аналогичных целях».

Очень редко страны явно вводят в закон представление о языке вражды «по халатности». Об этом говорится в законодательстве Ирландии, но предполагается, что незнание об оскорбительном, подстрекательском и т.п. содержании распространяемого материала освобождает от ответственности, если не доказано, что распространение производилось с умыслом возбудить ненависть. Эта последняя оговорка важна: человек может с таким именно умыслом распространять книгу, которую сам не читал.

В Англии оговорки в законе кажутся даже излишними, так как призваны гарантировать отсутствие злоупотреблений в плане ограничения свободы слова. Оскорбительные высказывания или действия с какими-то письменными и иными материалами декриминализованы, если не доказана цель возбуждения ненависти, хотя таковая цель является признаком самого преступления, и если при этом обвиняемый не имел намерения оскорблять или не знал, что высказывание или текст оскорбительны. Особо оговорено, что не преступно использование оскорбительных материалов в радио- или телепрограмме. Высказывания, касающиеся религиозности или сексуальной ориентации, включают дополнительные оговорки:

«Ничто в настоящей части не подлежит интерпретации или применению в манере, запрещающей или ограничивающей обсуждение, критику или выражение антипатии, неприязни, насмешек, или оскорбления каких-либо религий или убеждений или практик их приверженцев, или любой другой системы убеждений или практик ее приверженцев, или обращение в свою веру, или призывы к приверженцам другой религии или системы убеждений прекратить практиковать свою религию или систему убеждений» (ст. 29J).

«В настоящей части, во избежание сомнений, обсуждение или критика сексуального поведения или практики или призывы к воздержанию или изменению подобного поведения или практики не должны сами по себе рассматриваться как угрожающие» (ст. 29JA).

Все не перечисленные выше страны обходятся в своем законодательстве без конструкций, включающих цели и средства.

В. Различные методы сделать высказывание

Следует лишний раз оговорить, что в данном исследовании понятие «высказывание» понимается максимально широко. Есть страны, которые

считают необходимым перечислять прямо в законе разновидности высказываний и даже разные технические средства их передачи, но вряд ли подобные списки могут быть исчерпывающими. Не всегда «высказывание» вообще подразумевает лишь то, что это слово описывает в разговорном языке. Например, человек, издавший книгу другого автора, ничего сам не говорил и не писал, но он сделал тем самым некое публичное высказывание. В законах целого ряда стран, во избежание недоразумений, такие неочевидные формы высказываний называются «действиями». Но, на самом деле, это не столь существенно, так как эти «действия» все равно включают в себе «высказывания» в более узком смысле: издатель издает текст, организатор концерта дает прозвучать песням и т.д., и именно от содержания этих текстов, песен и т.д. зависит правовая оценка «действия». Поэтому далее я на этом различии останавливаться не буду.

Самое распространенное в национальных законодательствах, да и в реальной практике, средство публичного высказывания — распространение письменных и иных материалов, содержание которых соответствует составу статьи УК, а также их изготовление, хранение с целью распространения и т.д. С теми или иными вариациями это средство специально упоминается в законах Албании, Германии, Ирландии, Кипра, Кыргызстана, Лихтенштейна, Литвы, Люксембурга, Словакии, Нидерландов, Украины, Хорватии, Англии и Узбекистана (видимо, так же надо понимать и УК Финляндии).

В России соответствующее правонарушение содержится не в уголовном, а в административном кодексе, причем предполагается массовое распространение запрещенных материалов. В Беларуси есть аналогичное правонарушение, но критерий массовости распространения отсутствует.

Другое достаточно распространенное средство возбуждения ненависти и языка вражды — оправдание, прославление или отрицание исторических преступлений — рассматривается далее в отдельной главе.

§ 5. Объект высказывания — человек или социальная группа

Очень важно, как именно обозначается объект такого преступления, как возбуждение ненависти или язык вражды. И в этом смысле ситуация в целом сходна с той, которая была рассмотрена выше применительно к преступлениям ненависти. Но есть и два важных отличия. Первое: при преступлении ненависти жертвами являются конкретные индивидуумы, а высказывание такого типа, напротив, чаще всего никого конкретно не

упоминает, оперируя обобщающими характеристиками. Так что определение «защищаемой группы» приобретает большее значение. Второе: криминализация высказывания, хотя и учитывает, по общему правилу, мотив преступника, но сфокусирована в первую очередь на понимании того, кто стал объектом высказывания. В этом смысле понятия «защищаемый признак» и «защищаемая группа» для возбуждения ненависти фактически совпадают. Хотя законы о возбуждении ненависти и о языке вражды могут в явном виде защищать не только группы, но и все общество, как было видно выше в случаях законов, важным или обязательным критерием в которых являются нарушение общественного порядка, «общественного мира» и т.п.

Состав соответствующих статей базируется на групповых признаках (их многообразие будет подробно рассмотрено в следующей главе), но в качестве объекта преступления могут пониматься или группы, или ассоциируемые с ними люди, или и то, и другое. Здесь возникает немало сложностей. В качестве жертвы преступления гораздо проще рассматривать человека или совокупность людей, чем некую социальную группу, так как границы этнических и прочих групп, описываемых признаками, упоминаемыми в таких законах, всегда достаточно размыты, и дискуссии об этих границах — это уже далеко не вопрос права. Выражения типа «члены группы» являются просто упрощенными формами, так как никаких процедур установления «членства» законодательство не предполагает (здесь возможны исключения, касающиеся фиксированного членства, но они являются именно исключениями). Содержание высказывания связано с умыслом говорящего, а также с конвенциональными представлениями в данном обществе или в его части, к которым он вольно или невольно апеллирует.

Если закон указывает, что объектом криминального высказывания является какая-то группа, это может и не означать, что закон эту группу объективирует. Он все равно может пониматься так, что объектом являются люди, конвенционально или как-то иначе ассоциируемые с этой группой. Поэтому классифицировать национальные законы по критерию «люди или группы» не так просто. Далее я выделю только те страны, в законах которых в явном виде подчеркивается, что речь идет именно о группах, а не о людях.

Таков уголовный закон Венгрии, в котором речь идет о возбуждении ненависти именно к группам — национальным, расовым и другим. В принципе, можно было бы понимать закон так, что речь идет о людях из этих групп, но другой пункт той же ст. 332 УК упоминает в качестве объекта возбуждения ненависти «венгерскую нацию» в целом, что явно следует понимать как норму о защите общенационального достоинства, и, следовательно, другие группы, видимо, тоже защищаются законом именно как целое.

В Боснии и Герцеговине можно возбуждать «национальную, расовую или религиозную вражду или рознь», а можно — «вражду между конституционными нациями и другими жителями Боснии и Герцеговины или Федерации»; таким образом «конституционные нации» рассматриваются как реальные общности. Впрочем, возникновение именно такой нормы в стране, едва собранной из этих «конституционных наций», понятно.

Если в законах речь идет о людях, возникает уже обсуждавшаяся применительно к преступлениям ненависти дилемма «реальности» групп и «принадлежности» к ним.

Страны, в которых просто упомянуты группы, этой дилеммы в тексте закона избегают. Таковы Андорра, Канада, Германия, Испания (кроме групп, упоминаются еще и ассоциации, то есть формальные образования), Швеция.

То же можно сказать про страны, где основой закона являются просто защищаемые признаки. При этом группы могут в законе не упоминаться, что не исключает, разумеется, рассмотрения нападок именно на группы. Так делается в 24 странах: Албании, Армении, Азербайджане, Беларуси, Бельгии, Болгарии, Эстонии, Грузии, Ирландии, Италии, Казахстане, Кыргызстане (в этом случае в законе фигурирует бессмысленное по сути словосочетание «расовая принадлежность», но его следует считать скорее небрежностью законодателя, чем умышленным утверждением реального «членства» в расе; такие оговорки встречаются, но сами по себе, я полагаю, не так важны), Латвии, Мальте, Македонии, Молдове, Монголии, Норвегии, Словении, Таджикистане, Туркменистане, Украине, Финляндии, Англии.

Но могут упоминаться и люди, и группы, и это случается чаще всего. В достаточно простых формулировках это сказано в законах Исландии, Дании, Лихтенштейна, Литвы, Люксембурга, Польши, Португалии, Румынии, России, Швейцарии, Узбекистана, Нидерландов (здесь наблюдается интересное различие: возбуждение ненависти относится к людям, а язык вражды — к группам), Турции (здесь проводится то же различие, но строго наоборот: возбуждение ненависти предполагается «части населения ... по отношению к другой части населения», а довольно узко определяемая диффамация относится только к индивидуумам).

Есть ряд стран, в которых социальные группы в законе явно важнее, чем отдельные граждане, или хотя бы столь же важны, но при этом вопрос об их соотношении обходится. Босния и Герцеговина, как уже было сказано, даже не рассматривает дилемму реальности членства, так как рассматривает и «конституционные нации», и отдельных граждан. УК Черногории упоминает в том же контексте «людей, национальные меньшинства и этнические группы, проживающие в Черногории». Анало-

гично поступает и Кипр, но там, кроме граждан, упоминаются общины, религиозные группы и классы; позже, впрочем, была добавлена норма, упоминающая и группы, и их членов. В УК Сербии есть две статьи: в одной речь идет о «вражде или нетерпимости среди народов и этнических общностей, проживающих в Сербии», а в другой — о подстрекательстве к расовой дискриминации и расистских выступлениях в достаточно широком смысле.

В некоторых странах «принадлежность» к группе сформулирована как некая реальность. Такими «реалистами» выступают Австрия, Хорватия, Греция и Словакия, там как объект высказывания рассматриваются и группы (в Австрии — даже и организации), и их члены.

Впрочем, есть и способы определенно избежать ложного «реализма» прямо в тексте закона. Например, законодательство Франции говорит о «членстве или нечленстве» в той или иной группе, и это является весьма разумной формулировкой, так как отнюдь не редко высказывание направлено не на конкретную группу, а, напротив, на всех, кто не входит в конкретную группу (к которой обычно относит себя обвиняемый). А в Монако к этому добавлены слова о «реальной или предполагаемой сексуальной ориентации» объекта. В Чехии в качестве объекта высказывания рассматриваются и большие группы (расовые и т.д.), и просто группы людей, объединенных реальным или предполагаемым признаком.

2. Типы предрассудков

Типы предрассудков, которые лежат в основе состава соответствующих статей уголовных законов, варьируют для языка вражды по крайней мере не меньше, чем для насильственных преступлений ненависти. В соответствующей главе эта тема была уже достаточно подробно освещена, так что здесь изложение строить проще. Но вовсе избежать этого нельзя, так как списки предрассудков применительно к преступлениям ненависти и к криминальным высказываниям во многих странах не совпадают (см. в большой сравнительной таблице в конце книги).

§ 1. Основные — раса, этничность, национальность и религия

Почти тотально встречаются различные термины, имеющие отношение к расе, этничности, национальности или религии (эти четыре категории могут очень по-разному пониматься в разных странах и пред-

полагать разные взаимосвязи, включая возможный признак языка; см. подробнее в главе о классификации преступлений ненависти).

Только эти защищаемые признаки есть в УК в Азербайджане, Беларуси, Боснии и Герцеговине, Болгарии, Греции, Италии, Казахстане, Латвии, Лихтенштейне, Македонии, Мальте, Молдове, Монголии, Сербии, Швеции, Швейцарии, Украине, Узбекистане. При этом я считал те страны, где есть хоть один из признаков, относящихся к этничности/национальности, а также раса и что-то, связанное с религией (формулировки, повторяюсь, немного рознятся).

Стран, где не было бы этих признаков, если вообще есть такие законы, сейчас не существует. Но какой-то один признак может все же отсутствовать: в Андорре и Германии не используется понятие «раса», а на Мальте отсутствует преследование за возбуждение вражды, связанной с религией.

Надо учитывать, что в некоторых странах обычная терминология может расширяться в силу местных особенностей. Это относится к упоминавшимся выше терминам типа «общины» или «конституционные нации».

Как правило, расовые, этнические/национальные и религиозные категории перечисляются в одной статье кодекса через запятую, но бывают и исключения, как в Болгарии, где пропаганде религиозной ненависти посвящена отдельная статья УК (и в ней почему-то отсутствуют призывы к дискриминации, в отличие от расовой дискриминации), но есть и случаи, когда религиозный язык вражды предусмотрен и совместно с другими видами, и в отдельной статье, как, например, в Португалии. Вероятно, такие сочетания норм просто сложились исторически, и на правовой режим это реально не влияет.

Хотя бывают и действительно странные сочетания, возникающие из-за включения термина «расовая дискриминация», понимаемого как дискриминация по целому ряду признаков, связанных с расой, этничностью и т.д., в текст закона, в котором слово «раса» встречается также и в более узком значении. Например, ст. 319 УК Македонии криминализует возбуждение ненависти по признакам расы, этничности, религии и даже национальности, видимо, понимаемой как гражданство, судя по упоминанию «национальных символов». А вот ч. 3 ст. 417 отдельно подробно криминализует именно расистские язык вражды и пропаганду ненависти дискриминации. В точности такая же коллизия наблюдается в Сербии между ст. 317 и ч. 2 ст. 387 УК.

§ 2. Религия, политика, мировоззрение

Враждебность по признаку религиозных убеждений или религиозной идентичности — не столь однозначно понимаемый феномен еще и по причине неопределенности самого понятия «религия». Если, например, некая религия признана в государстве А и не признана в государстве Б (например, ее адепты пытались зарегистрировать именно религиозную организацию, и им было отказано, так как их система убеждений не была признана религиозной), означает ли это, что пропаганда вражды именно к таким людям криминальна в стране А и не криминальна в стране Б? И в некоторых странах пришли к выводу, что защищаемый признак должен быть сформулирован шире, то есть включать отношение не только к религии, но и к любой мировоззренческой системе.

Правда, такой подход при достаточно последовательном применении быстро приводит к тому, что и политические взгляды или политическая самоидентификация должны быть приравнены к мировоззренческим и религиозным: ведь они часто не в меньшей степени определяют самоидентификацию людей и целых групп и вызывают не меньшую враждебность. К тому же политическая вражда уж точно не реже бывает причиной нападения и не в меньшей степени чревата дестабилизацией в обществе, чем вражда религиозная или этническая. (Высказывания, квалифицируемые взглядами субъекта, а не объекта высказывания, будут рассмотрены в другой главе.)

Собственно говоря, порой не менее значительную роль могут играть и какие-то другие взгляды, например, на искусство, но это все же относится к небольшим группам людей. А главное, законодательство не может предусмотреть все многообразие мировоззренческих, идейных и тому подобных идентичностей, значимых для тех или иных людей, и, соответственно, все многообразие конфликтов на этой почве. Так что можно либо игнорировать непривычные для законодательства различия, либо пытаться сформулировать соответствующий защищаемый признак максимально широко. На практике используется не так много вариантов.

Возможен преимущественно политический угол зрения. Чехия и Эстония связывают защищаемые признаки с религией и политическими убеждениями. Молдова криминализует призывы к дискриминации по «взглядам и политической принадлежности». Люксембург «политические мнения» дополняет «профсоюзной деятельностью». Андорра упоминает «трудовые группы», которые по контексту обозначают не классы, а скорее профсоюзы.

Возможно также расширение понятия религии в таких нормах до более широких мировоззренческих формулировок: Испания — идеология, религия или убеждения, Нидерланды и Финляндия — религия

или убеждения. Люксембург дополняет религию такими признаками, как нравственность (здесь, вероятно, имеется в виду не только мнение, но и поведение), политические или философские мнения. Андорра определяет защищаемый признак через группы, в том числе религиозные, но дополняет его фразой *«лица, которые высказывают отличные убеждения или идеологии»*.

Шире всего это сформулировано в Турции — но в том, что касается высказываний не о группе, а о персоне. В равной мере наказуемы унижение части населения на основе религиозных различий и унижение одного человека в связи с его или ее ценностями. Еще более строгому наказанию подлежит диффамация лица, если она происходит *«в результате выражения, изменения или попытки распространения собственных религиозных, политических, социальных, философских убеждений, мыслей и мнений и свое соблюдение правил и запретов своей религии»* или *«с упоминанием святых той религии, к которой принадлежит потерпевший»*.

А вообще, возбуждение ненависти и/или язык вражды в той или иной связи с религией криминализованы во всех странах ОБСЕ, кроме США, Ватикана, Мальты и Сан-Марино (где зато криминализовано богохульство).

§ 3. Прочие признаки

Защищаемые признаки, относящиеся к социальному статусу, полу, сексуальной ориентации, состоянию здоровья и т.д., не являются, в принципе, проблемой для формулирования норм, касающихся публичных высказываний, в отличие от преступлений ненависти, так как все эти признаки образуют вполне реальные и более или менее изученные варианты агрессивных и неприязненных дискурсов.

Многообразие формулировок здесь не отличается от того, что уже было рассмотрено применительно к преступлениям ненависти, так что достаточно будет ограничиться списками стран, в которых те или иные защищаемые признаки включены в законодательство о возбуждении ненависти и о языке вражды.

Различия в социальных статусах встречаются в законах не так часто и формулируются в разных странах по-разному. Защищаемый признак называется «благополучием» в Бельгии, «классом» на Кипре, «имущественным или социальным положением» в Эстонии, «социальным статусом» в Грузии и Испании, «сословным превосходством» в Казахстане, «социальным положением» в Литве, «уровнем доходов, социальным происхождением» в Румынии, «социальным классом» в Турции. В некоторых постсоветских странах фигурирует понятие «социальная вражда», которое

первоначально имело только классовый смысл, но и сейчас сохраняет его в значительной степени; оно встречается в уголовном праве в Казахстане, Молдове и Туркменистане.

Сексуальная ориентация встречается в национальных законодательствах все чаще. Иногда формулировки варьируют, что далее указывается в скобках. По собранным данным, сейчас она присутствует в законах 21 страны: Албании («сексуальная ориентация»), Австрии, Бельгии, Канады, Хорватии, Франции, Венгрии («сексуальная ориентация, гендерная идентичность»), Дании, Эстонии, Исландии, Ирландии, Литвы, Люксембурга, Монако, Норвегии («гомосексуальность, образ жизни или ориентация»), Румынии, Словении, Испании, Нидерландов («гетеросексуальная или гомосексуальная ориентация»), Финляндии и Англии (здесь сочли нужным сделать такое уточнение: «по отношению к лицам того же пола, противоположного пола или обоих»).

Такой защищаемый признак, как пол, встречается несколько реже — в 15 странах: Австрии, Бельгии, Хорватии, Эстонии, Франции, Венгрии (нет термина «пол», но есть термин «гендерная идентичность», перечисленный вместе с сексуальной ориентацией), Литве, Люксембурге, Молдове (пол фигурирует в статье о призывах к дискриминации, но не в статье о возбуждении ненависти), Румынии, России, Словакии, Испании, Нидерландах и Турции.

Группа более или менее сходных защищаемых признаков, относимых к состоянию здоровья, представлена в законодательстве девяти стран. Далее в скобках указываются используемые термины: Австрия, Франция, Венгрия, Финляндия («инвалидность»), Бельгия («текущее и будущее состояние здоровья, инвалидность или физическая характеристика»), Люксембург («состояние здоровья, инвалидность»), Испания («болезнь или инвалидность»), Словения («физические или психические недостатки»), Нидерланды («ограниченные физические, ментальные или интеллектуальные возможности»⁸⁹).

Как и в случае с законами о преступлениях ненависти, в законах о возбуждении ненависти и о языке вражды встречаются и более экзотические защищаемые признаки. Иногда по той же причине: они присутствуют в нормах о дискриминации, и, соответственно, оказывается криминально призывать к дискриминации по всем этим признакам. Такая конструкция нормы представляется естественной. Но следует рассмотреть вопрос шире: не переходят ли такие защищаемые признаки в

⁸⁹ Это словосочетание должно пониматься, естественно, в медицинском смысле. Выражать взгляды, оскорбительные для дураков, — не преступление.

более широко сформулированные нормы о возбуждении ненависти и тем более о языке вражды? Ведь унижительные высказывания по признаку матримониального статуса, например, не являются столь уж опасным действием, чтобы их криминализовать.

Стран, криминализующих именно призывы к дискриминации по нетипичным признакам, всего две. В Бельгии список защищаемых признаков — самый длинный, и при этом эти признаки применимы и к призывам к дискриминации, и к возбуждению ненависти. Здесь надо отметить такие признаки, как возраст, благосостояние, матримониальный статус, но также «рождение» (то есть особенности статуса при рождении, например, в зависимости от того, состояли ли в браке родители) и «происхождение», то есть любые характеристики родителей и прочих предков. Аналогично учитываются происхождение, возраст и матримониальный статус в Люксембурге.

Далее редко встречающиеся признаки будут рассортированы в первую очередь по типам высказываний.

Возбуждение ненависти может быть отнесено к:

- происхождению⁹⁰ (Хорватия, Эстония, Литва, Люксембург, Россия, Словакия, Финляндия),
- региону проживания или происхождения (Кыргызстан, Таджикистан, Турция⁹¹),
- возрасту (Литва, Люксембург, Румыния),
- матримониальному статусу (Люксембург).

Язык вражды относится к:

- возрасту (Австрия, Литва, Румыния),
- происхождению (Литва, Россия, Словакия, Финляндия),
- региону проживания или происхождения (Кыргызстан, Таджикистан, Турция).

Криминализация унижающих и тому подобных высказываний, то есть языка вражды, по отношению к некоторым признакам вызывает сомнения. Если, например, в пережившем гражданскую войну Таджикистане понятны жесткие меры по недопущению любых негативных выступлений по региональному признаку, то негативные высказывания по признаку благосостояния, как в Бельгии, точно не стоило бы крими-

⁹⁰ Амбивалентность этого термина уже обсуждалась в главе о преступлениях ненависти.

⁹¹ Не исключено, что в Турции таким образом завуалированы этнические различия: курды, например, не называются в Турции курдами, но горными турками. Таким образом в духе последовательных республиканских принципов подчеркивается, что различие носит не национальный, а региональный характер.

нализовать. В случае Бельгии и Люксембурга можно сказать, что не стоит автоматически переносить в нормы о публичных высказываниях список защищаемых признаков для дискриминации. Но стоит задуматься и некоторым другим странам: точно ли язык вражды применительно к возрасту должен быть криминален (и к каким именно возрастным категориям).

Наконец, список защищаемых признаков может быть в законе открытым, хотя это и вызывает сомнения в отношении правовой неопределенности, создаваемой такими нормами. Применительно к высказываниям многообразии формулировок и подходов в этом плане напоминает то, что мы анализировали применительно к преступлениям ненависти, но оно все же меньше, так как в этом случае законодатель фокусируется не на мотиве преступника, а именно на защищаемых признаках.

Далее я сгруппирую национальные законы по типу формулировок, используемых для того, чтобы сделать список признаков открытым.

Хорватия просто использует формулировку «любые другие характеристики», делая список максимально безразмерным, аналогично сформулировано это и в Молдове, только без слова «любая». В Чехии и Литве упоминается «иная группа людей», а в Германии — «часть населения».

В Финляндии говорится все же о «сходном основании», что предполагает, что новые защищаемые признаки должны быть определяемы как-то сравнимо с теми, что уже перечислены в законе.

Венгрия использует термин «определенные социальные группы», что дает достаточный простор для правоприменения, но предполагает все же некоторую устойчивость этих самых «социальных групп», это не произвольная «группа людей». Конечно, понятие «социальная группа» при этом не имеет однозначного правового понимания, как не имеет оно и однозначного понимания в академической среде, так что «определенность» может значить тут не так много. Соответственно, вероятно, венгерский закон не так уж отличается от российского и румынского, в которых тоже есть «социальные группы», но без этого словечка.

3. Наказания

Наказания за язык вражды тоже сильно варьируют в регионе ОБСЕ. Иногда соответствующие статьи уголовных кодексов предусматривают в разных частях разные степени тяжести деяния (как ст. 282 УК РФ), иногда просто устанавливается достаточно широкий диапазон наказаний, и вопрос о степени тяжести деяния полностью оставляется на усмотрение суда. Типичные квалифицирующие признаки — использование служеб-

ного положения, тяжкие последствия, применение насилия или угроза применения такового.

Максимальные наказания также предусмотрены весьма различные. В некоторых странах эти максимальные наказания очень велики. В Албании, Боснии и Герцеговине, Македонии, Монголии, Черногории, Сербии, Латвии, Узбекистане потолок установлен в 10 лет лишения свободы, а в Таджикистане — 12 лет. Конечно, максимальное наказание предполагает серьезные отягчающие обстоятельства.

Но в ряде стран максимальные сроки, напротив, малы. В Бельгии и Нидерландах максимальное наказание за возбуждение ненависти или язык вражды — один год лишения свободы. На Мальте — полтора года. В Канаде, Дании, Греции, Исландии, Люксембурге, Лихтенштейне, Швеции и Ирландии⁹² потолок — два года лишения свободы.

Можно было бы предположить, что наказания за язык вражды должны быть предусмотрены более мягкие, чем за возбуждение ненависти, публичные призывы к дискриминации и тем более к насильственным действиям. Но в значительном большинстве случаев, когда закон включает формулировки, относимые и к возбуждению ненависти, и к языку вражды (см. таблицу в приложении), дифференциация в плане наказаний не проводится, и вопрос о ее реализации оставлен на усмотрение суда. Исключений не так много, и потому стоит разобраться, какие варианты проведения различия выбирают разные страны.

В княжестве Монако публичное подстрекательство к ненависти и насилию влечет наказание до пяти лет лишения свободы, а клевета в адрес социальной группы — до года. В Турции это соотношение — три года и год. В Нидерландах призывы к насилию, дискриминации и ненависти могут повлечь лишение свободы до года, а оскорбительные высказывания в адрес групп — до полугода. В Польше публичные призывы к совершению преступлений ненависти тоже влекут наказание до пяти лет, публичное оскорбление группы — до трех, а вот возбуждение ненависти — почему-то до двух. В Латвии язык вражды в УК присутствует только религиозный, и по нему максимальное наказание — два года лишения свободы, в то время за возбуждение ненависти — десять.

В некоторых странах распределение максимумов наказания по разным типам высказываний вызывает недоумение. УК Австрии прямо говорит, что наказание за оскорбительные высказывания должно быть аналогичным тому, которое полагается за нападения дискриминацион-

⁹² За исключением богохульной клеветы, за которую можно лишиться свободы до семи лет.

ного характера. На Кипре же прямо подстрекательские высказывания предполагают более мягкое наказание, чем высказывания, которые могут возбудить межобщинную и тому подобную рознь. Во Франции «исторический ревизионизм» (см. в соответствующей главке) влечет наказание до пяти лет лишения свободы, а все иные формы публичного проявления интолерантности — до года.

Конечно, всегда могут применяться и иные наказания — штрафы, принудительные работы и т.д., чаще всего, похоже, они и применяются, хотя полномасштабного исследования правоприменения в этой сфере никто пока не проводил.

Полезными могут быть дополнительные наказания. Например, в Италии за язык вражды и преступления ненависти предусмотрены такие дополнительные наказания, как коммунальные работы и временные ограничения в избирательных правах и в доступе на спортивные мероприятия. Сходные возможности дает и российское законодательство.

Во всех странах, где есть законы, криминализирующие высказывания (а если учитывать американские законы о сжигании крестов, то это все страны ОБСЕ, кроме Ватикана), лишение свободы предусмотрено как одно из возможных наказаний.

Можно также наблюдать разделение деяний на более и менее опасные, и при этом какие-то действия могут быть предусмотрены в законодательстве, касающемся не уголовных, а менее значительных правонарушений, в российской терминологии — административных. Например, в России именно административным правонарушением является массовое распространение запрещенных «экстремистских материалов», если не будет установлен умысел на возбуждение ненависти. Другим примером может служить упоминавшееся в начале главы необычное сочетание уголовной и административной ответственности в Румынии.

Глава IV. Специальные законы

1. Криминализация «исторического ревизионизма»

Конкретное содержание высказывания, которое квалифицируется как возбуждение ненависти или язык вражды, может быть очень разным. Разумеется, закон не может и не должен перечислять разновидности высказываний. Но есть некоторые разновидности, которые законодатель считает нужным отметить. Причин здесь можно назвать несколько:

- нормы о высказываниях сами по себе трудны в применении, а именно эта разновидность является распространенной, и, указав на нее, законодатель облегчает правоприменение;

- именно эта разновидность вызывает особенно значительное возмущение в обществе или в его части, и законодатель считает нужным солидаризоваться — по актуальным или связанным с новейшей историей политическим соображениям — с этим возмущением;

- именно эта разновидность ускользает от правоприменения, и законодатель стремится устранить это.

Зачастую имеются в виду идеологические коннотации высказывания, и об этом речь пойдет в следующих главах. Предметом же этой является то, что обычно называется «историческим ревизионизмом», основным примером которого является «отрицание Холокоста» (кавычки означают, что значения слов «отрицание» и «Холокост» могут слегка варьировать). Можно спорить, насколько высказывания такого рода важны в плане пропаганды ненависти в странах ОБСЕ, но отрицание Холокоста постепенно стало одним из самых распространенных сюжетов этой пропаганды, и оно, естественно, болезненно переживается во многих обществах, переживших Вторую мировую войну, воспринимается многими как одна из наиболее циничных форм продвижения расизма и как деяние, ассоциируемое с самим гитлеровским нацизмом⁹³. В конце концов, современная система защиты прав человека, да и современная демократия, во многом выросли именно из опыта Второй мировой войны, так что отрицание Холокоста может пониматься и как косвенное покушение на основы установившегося порядка.

Не менее существенно, тем более — для данного исследования, что преследование «отрицателей» оказалось на грани между стремлением общества

защититься от языка вражды и необходимостью сохранять свободу высказываний и особенно свободу научного исследования, так как «отрицатели» выступали как историки, пусть и любители. Соответственно, основной аргумент в их защиту таков: исследователь имеет право на ошибку и на то, чтобы ставить под сомнение общепризнанное. Но есть и контраргументы: их писания — не ошибка, а сознательная подтасовка фактов, и что они таким способом сознательно возбуждали ненависть (см. в предыдущей главе о соотношении понятий «клевета» и «язык вражды»). Эти дебаты, таким образом, в большей степени вовлекали мотив предполагаемого преступника, чем обычный подход к криминализации высказываний, когда на первом месте — объективное деяние, а мотивация рассматривается лишь в той же мере, что и при обычных преступлениях⁹⁴.

Процесс соответствующего пополнения уголовных кодексов в странах ОБСЕ начался с самого начала 90-х годов, когда многие правовые аспекты проблемы уже были обсуждены. Соответственно, уже самые ранние законы могли быть тематически гораздо шире темы Холокоста. По состоянию на начало 2014 года в регионе ОБСЕ 23 страны в том или ином виде криминализовали «исторический ревизионизм»⁹⁵. Кстати, криминализуется не только «отрицание», но также восхваление или оправдание исторических преступлений, то есть фактически использование их как референтной ссылки для призывов к совершению подобных же деяний. Так что эти законы нельзя рассматривать только как «законы об историках».

Рамочное решение Совета ЕС 2008 года (о котором речь шла в главке о праве Европейского Союза) в явном виде потребовало от членов ЕС непременно иметь уголовные нормы, посвященные «ревизионизму», хотя — только если он сопряжен с возбуждением ненависти. И тем не менее, еще к 2014 году восемь членов ЕС не имело никаких таких норм⁹⁶.

Впрочем, некоторые страны сознательно отказываются принимать «антиревизионистские» законы, мотивируя это тем, что подобные действия, как правило, и так покрываются действующим законодательством о возбуждении ненависти и языке вражды. В конце концов, соответствующим

⁹⁴ О спорах вокруг криминализации «исторического ревизионизма» см.: Frazer David. On the Internet Nobody Knows You're a Nazi // *Extreme speech and Democracy*. P. 511–537; Whine Michael. Expanding Holocaust Denial and Legislation Against It // *Ibidem*. P. 538–556.

⁹⁵ Противодействие «историческому ревизионизму» может вестись и без вовлечения уголовно-правовых инструментов. Например, в Украине отрицание Голодомора запрещено, но не криминализовано.

⁹⁶ Report from the Commission to the European Parliament and the Council on the implementation of Council Framework Decision 2008/913/JHA on combating certain forms and expressions of racism and xenophobia by means of criminal law. P. 5, 6.

⁹³ Atkins Stephen. Holocaust denial as an international movement. Westport, CT: Praeger, 2009; сборник *Genocide Denials and the Law* / Ed. by Ludovic Hennebel and Thomas Hochmann. Oxford: Oxford Univ. Press, 2011.

щее разъяснение может дать Верховный суд, как это сделано, например, в Нидерландах⁹⁷.

В Австрии тема «исторического ревизионизма» органически вытекает из задачи денацификации. Подробнейший антинацистский закон 1947 года был в 1992 году дополнен пунктом, который можно рассматривать как удачную отправную точку в этой главке. Состав преступления сформулирован так:

«подлежит наказанию также тот, кто в публикации, по радио или другому средству информации или иным способом публично отрицает, грубо преуменьшает, восхваляет или пытается оправдать национал-социалистические преступления против человечности».

Таким образом, во-первых, речь идет только о преступлениях национал-социалистов и только о тех преступлениях, которые относятся к преступлениям против человечности, что исключает из рассмотрения, например, многие военные преступления и прочие специфические преступления нацистского режима. Нацистские преступления против человечности нельзя не только пропагандировать или пытаться оправдать (что может считаться формой их одобрения), но также отрицать и преуменьшать, но не как угодно, а именно «грубо», так что дискуссия о конкретных деяниях и о количестве жертв все же остается возможной.

Аналогично, французский Акт о свободе прессы криминализует отрицание, одобрение и оправдание преступлений против человечности, как они были определены в уставе Нюрнбергского трибунала.

В Бельгии предмет сформулирован уже: не преступления против человечности, а геноцид, осуществленный Германией в ходе Второй мировой войны.

В Германии состав преступления еще уже. Виновен тот, кто

«руководствуясь идеями национал-социализма, публично или на собрании одобряет, оспаривает или преуменьшает серьезность совершенного деяния, указанного в § 220а, абз. 1 (где дано определение геноцида. — А.В.), вида, способом, могущим нарушить мирное состояние общества».

Таким образом, в Германии вроде бы криминализовано отрицание или одобрение любого геноцида, но поскольку предполагается мотивированность преступника идеями национал-социализма, лишь в исключительных случаях речь может пойти об оправдании какого-либо иного реального

⁹⁷ ECRI Report on Netherlands (fourth monitoring cycle) // ECRI web-site. 2013. October 15 (<http://www.coe.int/t/dghl/monitoring/ecri/Country-by-country/Netherlands/NLD-CьC-IV-2013-039-ENG.pdf>). P. 12.

геноцида, кроме учиненного властями Третьего рейха. Та же оговорка резко сужает состав преступления, так как нацистский мотив у такого преступника может и отсутствовать, и чем дальше отдаляется немецкое общество от реалий Третьего рейха, тем больше в нем может возникать (и возникает) расистских представлений, не связанных прямо с «идеями национал-социализма».

Заметно также отсутствие какого-то эпитета к слову «преуменьшает». Но здесь важнее последние слова формулировки: высказывание становится криминальным, только если оно представляет угрозу гражданскому миру и безопасности общества. Понятно, что такую угрозу не представляют споры об уточнении количества жертв Холокоста, но оговорка о последствиях в целом призвана отделить подстрекательские по сути публичные выступления на исторические темы от пусть и вредной или даже злонамеренной, но неопасной болтовни на те же темы.

Некоторые страны Центральной и Восточной Европы по понятным причинам рассматривают в одном ряду преступления фашистских и коммунистических режимов, и соответствующим образом формулируют законы об «историческом ревизионизме», если они у них есть.

В Чехии виновен тот, кто *«публично отрицает, ставит под сомнение, одобряет или пытается оправдать нацистский, коммунистический или иной геноцид или иные преступления нацистов и коммунистов против человечности».* Аналогичная норма принята в Венгрии, но сформулирована она проще: *«кто отрицает геноциды, созданные национал-социалистической или коммунистической системами».*

А вот Литва существенно видоизменяет состав того же, по сути, преступления в связи с его объектом. Во-первых, рассматривается отношение к преступлениям, признанным авторитетными инстанциями, но и к тем, которые таковыми не были признаны, но были совершены на территории Литвы или по отношению к литовским гражданам. Стоит привести эту формулировку целиком:

«Кто публично одобряет преступления геноцида и другие преступления против человечности или военные преступления, установленные законодательством Литовской Республики, актами Европейского Союза, заключительными (вошедшими в силу) решениями литовских судов или решениями международных судов, отрицает или грубо преуменьшает подобные преступления, если действие совершено в угрожающей, бранной или оскорбительной форме или послужило причиной нарушения общественного порядка; также если он или она публично одобряет агрессию СССР или нацистской Германии против Литвы, а также преступление

геноцида или другие преступления против человечности и военные преступления, совершенные СССР или нацистской Германией на территории Литовской Республики или по отношению к жителям Литовской Республики, или одобряет серьезные или тяжкие преступления, совершенные в 1990–1991 годы, отрицает или грубо преуменьшает их, в случае если это было совершено в угрожающей, бранной или оскорбительной форме или послужило причиной нарушения общественного порядка».

Во-вторых, как видим, политическая специфика тут проявилась в том, что наряду с традиционными в этой главке историческими преступлениями перечисляются агрессия СССР и нацистской Германии против Литвы и даже преступления, совершенные в период борьбы за независимость в 1990–1991 годы, хотя они, конечно, не идут в сравнение с преступлениями 40-х годов или иными преступлениями против человечности, «удостоившимися» решений международных судов.

В-третьих, литовский закон заметно расширил сферу по сравнению с перечисленными выше. К геноциду и преступлениям против человечности добавлены военные преступления. А главное, закон радикально выходит за хронологические и географические пределы Второй мировой войны, апеллирует к более глобальной идее — недопущения высказываний в поддержку любых официально признанных масштабных «политических» преступлений, а не только тех, в идейном противостоянии которым строилась современная Европа.

Подход Польши в двух из трех указанных аспектов очень похож на литовский, но зато радикально отличается в третьем: польский закон не только не глобален, но обладает даже определенной этноцентричностью: он рассматривает только исторические преступления против граждан Польши и этнических поляков.

Словакия, напротив, «проскочив» добавление коммунистических преступлений к нацистским, определяет деяния, которые нельзя отрицать, оправдывать или преуменьшать, следующим образом:

«Действия, признанные геноцидом, преступлениями против человечности или военными преступлениями согласно статьям 6, 7 и 8 Римского статута Международного уголовного суда, или преступление, подпадающее под статью 6 Устава Международного военного суда, прилагающегося к Соглашению от 8 августа 1945 года о преследовании и наказании главных военных преступников Европы за преступления против мира, военные преступления или преступления против человечности, в случае если эти пре-

ступления были совершены в отношении подобной группы лиц или отдельного лица, или преступник или соучастник преступления был осужден международным судом и приговор не был отменен в установленном порядке».

Таким образом, УК Словакии апеллирует к решениям и даже уставам не только Нюрнбергского трибунала, но и ныне действующего Международного уголовного суда, если соответствующие преступления были совершены против категорий лиц, упоминаемых в словацком законе о возбуждении ненависти. Заметим, такая позиция соответствует рекомендациям Рамочного решения 2008 года Комиссии ЕС по этому вопросу, и тех пор ссылки на статут Международного уголовного суда (МУС) или просто аналогичные формулировки распространяются в странах ЕС все шире.

Указание прямо в законе решений определенных международных судов как источника определения того, какие именно преступления нельзя отрицать, восхвалять и т.д., нетипично. Обычно определения даются в самом общем виде. Например, в Румынии говорится о *«публичном отрицании Холокоста, геноцидов или преступлений против человечности или их последствий»*. Вопрос о том, являлись ли те или иные действия, например, именно геноцидом, остается тем самым на усмотрение суда. Можно, однако, предположить, что местные суды все же, скорее всего, будут опираться в таких случаях на ранее принятые решения, а не давать историко-правовые оценки столь масштабных явлений самостоятельно.

УК Словении перечисляет *«отрицание, умаление значимости, одобрение, игнорирование, превращение в шутку или защиту геноцида, Холокоста, преступлений против человечности, военных преступлений, агрессии или иных уголовных деяний против человечности»* в числе вариантов криминализованного языка вражды.

Один из новейших законов об историческом ревизионизме представлен в ст. 4573 УК Люксембурга, принятой в 2012 году. Она предполагает наказания до двух лет лишения свободы тем, кто *«оспаривает, минимизирует, оправдывает или отрицает»* преступления, предусмотренные Уставом Нюрнбергского трибунала, но также и все прочие преступления в сфере международного гуманитарного права, которым посвящена целая глава, одновременно внесенная в люксембургский УК.

Кипр последовал рекомендациям Рамочного решения, буквально воспроизведя его формулировки в своем законодательстве. Тем самым на Кипре криминализован «ревизионизм» по отношению к преступлениям, относящимся к юрисдикции и Нюрнбергского трибунала, и МУС, если вменяемые высказывания могли призывать к ненависти и насилию.

Законы Швейцарии и Лихтенштейна просто говорят о любых преступлениях против человечности и о геноциде, а УК Латвии дополняет список преступлениями против мира и военными преступлениями.

В Хорватии во вступившем в силу с 2013 года УК формулировка столь же широка, но дополнена оговоркой: «если это сделано способом, могущим способствовать насилию или ненависти против такой группы или членов такой группы». То же самое мы читаем в УК Болгарии применительно к преступлениям против мира и человечности.

На Мальте аналогичная оговорка дополнена другим возможным последствием — нарушением общественного порядка, но криминальным высказывание является и в случае, если оно просто угрожающее или оскорбительное. В УК Мальты есть и две другие важные особенности. В статье, посвященной отрицанию, прославлению или тривиализации геноцида, преступлений против человечности и военных преступлений, прямо перечисляются типы групп, против которых эти преступления были направлены. Есть и отдельная статья, посвященная «ревизионизму» в отношении развязывания незаконной войны, но в ней почему-то список типов групп существенно отличается.

Интересно, что в Армении, при всей значимости вопроса о геноциде армян 1915 года для национальной политической культуры, соответствующая статья УК сформулирована практически так же, как в Хорватии.

Несколько сужена тема соответствующей статьи в Испании. В ней речь идет только об актах геноцида, и нет оговорок о способах высказывания. Соответственно, лишиться свободы можно за отрицание или оправдание любого геноцида.

В Португалии тема «исторического ревизионизма» не заслужила отдельного состава преступления в УК, она вплетена в тему языка вражды и дискриминации как отягчающее обстоятельство. Соответствующее действие определяется так:

«...порочит и оскорбляет человека или группу лиц по причине их расы или этнического или национального происхождения или религии, особенно отрицая военные преступления или преступления против мира и человечности, намереваясь способствовать расовой или религиозной дискриминации или поощрять таковую».

Хронологически выходит за рамки этой книги ст. 3541 УК России «Реабилитация нацизма», вступившая в силу в мае 2014 года. Состав ее части 1:

«Отрицание фактов, установленных приговором Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси, одобрение преступлений,

установленных указанным приговором, а равно распространение заведомо ложных сведений о деятельности СССР в годы Второй мировой войны, совершенные публично».

Первая часть этой формулировки вполне типична, как видим, и явно узко сформулирована по сравнению с законами других стран, принятыми в последние годы. Вторая же часть является весьма сомнительной, так как криминализует всего лишь критику истории собственной страны, пусть и на предположительно ложных основаниях.

Суммируя изложенные выше нормы, можно сделать несколько наблюдений. Во-первых, все эти законы принимаются только в европейских странах, более того — почти исключительно в странах ЕС. В Канаде и тем более в США таких законов нет. В странах Азии, входящих в ОБСЕ — тоже. Исключением является Армения, в которой странно было бы не увидеть закона такого рода.

Во-вторых, европейские страны принимали эти законы в значительной степени по политическим причинам, но явная политизация норм все же со временем преодолевается, и хотя новые законы тоже могут сохранять узкие исторические формулировки, в среднем законы становятся со временем более универсалистскими. Законы, отсылающие только к определенным историческим преступлениям, остались на сегодняшний день в 7 (не считая России) из 23 перечисленных стран. В остальных речь идет, в тех или иных формулировках, не о конкретных преступлениях, а о типах преступлений.

В-третьих, 8 из 23 стран озаботились тем, чтобы криминализовать не любые высказывания рассматриваемого типа, но только те, что включают оскорбительные высказывания, направлены на возбуждение ненависти и т.п. или угрожают нарушением гражданского мира.

2. Противоречия при защите религии

Законодательство всех стран региона ОБСЕ включает нормы о защите свободы вероисповедания или свободы совести. Очень часто общие декларации дополняются нормами о защите религиозной деятельности от неправомерного вмешательства.

Сами по себе эти нормы не являются предметом нашего исследования (и они достаточно полно проанализированы на примере стран — членов Совета Европы⁹⁸). Законы, криминализирующие религиозный вандализм по

⁹⁸ Blasphemy, insult and hatred: finding answers in a democratic society. P. 11–33.

отношению к культовым местам или священным предметам, вмешательство в богослужение, препятствование тем или иным церемониям, не ограничивают свободу выражения неправомерно, так как они защищают физическую неприкосновенность верующих и их имущества, а такая причина для ограничений чьих-то действий общепризнанно является правомерной, хотя ограничение как таковое несомненно.

Но целый ряд стран региона имеет в своем уголовном законодательстве нормы, не столь беспроблемные. О них и пойдет речь в этой главке — о законодательстве о высказываниях, задевающих собственно Бога, догматы веры, религиозные организации, их атрибуты и т.д. Баланс в этой сфере обсуждался теоретиками права много раз; в последние два десятилетия большая дискуссия о «диффамации религии» идет в рамках ООН⁹⁹. И до сих пор нельзя сказать, что баланс устоялся.

ПАСЕ в 2007 году выступила за то, чтобы государства, с учетом исторического опыта правоприменения, пересмотрели законы, касающиеся богохульства. Резолюция ПАСЕ при этом понимала богохульство и «диффамацию религии» как синонимы:

«Богохульство как оскорбление религии не должно преследоваться в уголовном порядке. Должно проводиться различие между тем, что относится к нравственности, и тем, что относится к законности, а также между тем, что является общественно значимым и что относится к частной сфере»¹⁰⁰.

И авторитетнейший совет европейских юристов — Венецианская комиссия Совета Европы — согласился с этой позицией ПАСЕ¹⁰¹.

В практике ЕСПЧ, наиболее масштабной и значимой для региона ОБСЕ, наблюдаются противоречивые тенденции. С одной стороны, ЕСПЧ критически высказывался в адрес концепций богохульства и защиты религиозных убеждений:

⁹⁹ Leo Leonard, Gaer Felice, Cassidy Elizabeth. Protecting religions from “defamation”: a threat to universal human rights standards // Harvard Journal of Law & Public Policy. 2011. Vol. 34. No. 2. P. 769–784.

¹⁰⁰ Recommendation 1805 (2007). Blasphemy, religious insults and hate speech against persons on grounds of their religion // Сайт ПАСЕ. 2007 (<http://assembly.coe.int/main.asp?Link=/documents/adoptedtext/ta07/errec1805.htm>); неофициальный русский перевод: Свято-татство, религиозные оскорбления и враждебные высказывания в адрес лиц в связи с их религией // Религия и СМИ. 2007. 2 октября (http://www.religare.ru/2_45851.html).

¹⁰¹ Аналитический подход Венецианской комиссии представлен в: Blasphemy, insult and hatred. P. 22–33.

«Понятие богохульства широко и изменчиво. Всегда существует риск произвольного или чрезмерного вмешательства в осуществление свободы слова под прикрытием действий, направленных якобы против богохульства»¹⁰².

«У тех, кто открыто выражает свою религиозную веру, независимо от принадлежности к религиозному большинству или меньшинству, нет разумных оснований ожидать, что они останутся вне критики. Они должны проявлять терпимость и мириться с тем, что другие отрицают их религиозные убеждения и даже распространяют учения, враждебные их вере»¹⁰³.

Но при этом в своей практике по делам, предполагающим коллизии свободы слова и свободы религии, ЕСПЧ, с учетом всех обстоятельств, включая определение пределов собственной компетенции, обычно не выступал в защиту свободы слова от государств, ограничивающих ее в связи с различными соображениями, касающимися религии. Джерон Темперман считает, что ЕСПЧ ошибочно развил концепцию «права не быть оскорбленным в своих религиозных чувствах», и хотя постепенно стал сам от нее отходить, де-факто просто использует вместо нее предусмотренные в Конвенции «права других лиц», хотя такая замена весьма проблематична¹⁰⁴. Практика ЕСПЧ в основном оставляет спорные вопросы на усмотрение государств.

Большинство стран региона ОБСЕ сейчас не криминализуют нападки на сами верования. Никаких норм такого рода нет в 29 странах. Это Азербайджан, Албания, Англия, Армения, Беларусь, Бельгия, Болгария, Босния и Герцеговина, Ватикан, Венгрия, Грузия, Кыргызстан, Литва, Македония, Мальта, Молдова, Монголия, Португалия, Румыния, Сербия, США, Таджикистан, Туркменистан, Франция, Хорватия, Черногория, Чехия, Швеция и Эстония.

¹⁰² Из решения по делу Уингроу против Соединенного королевства. Цит. по: Де Сальвиа Микеле. Прецеденты Европейского суда по правам человека. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. С. 672.

¹⁰³ Из решения по делу Института Отто Премингера против Австрии. Впрочем, решение было принято не в пользу критики, так как она была сочтена чрезмерной. Цит. по: Там же. С. 611–612.

¹⁰⁴ Темперман Джерон. Свобода выражения и религиозные чувства в плюралистических обществах: проблема экстремальных высказываний // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2013. № 2. С. 15–24.

§ 1. Богохульство

Исторически самые древние, почти везде отмирающие — это нормы, криминализирующие богохульство в точном смысле, то есть нападки на Бога. Правда, само слово «богохульство» часто используется расширительно, как синоним или частичный синоним любого оскорбления чего-то (предмета или феномена), имеющего религиозный смысл (см., например, выше в резолюции ПАСЕ). Так что, строго говоря, присутствие слова «богохульство» в законе не означает, что речь идет именно о хуле на Бога.

В Финляндии можно потерять свободу за «публичную хулу против Бога», в Греции — за «оскорбление Бога» (наличие злого умысла является не необходимым условием, а отягчающим обстоятельством).

Уголовный кодекс Сан-Марино упоминает «богохульство» без пояснения. В Нидерландах речь идет об оскорблении религиозных чувств посредством злого богохульства. В этих случаях нет уверенности, что богохульство понимается в узком смысле.

Наличие государственной Церкви и особенно наличие конституционной нормы о господствующей религии (как это наблюдается в Греции¹⁰⁵) делает эти формулировки более определенными: речь, очевидно, идет не о любом божестве, но именно о Боге в понимании господствующей Церкви. В Греции это различие ясно подчеркнуто тем, что ст. 198 УК о богохульстве упоминает просто «Бога», а ст. 199 об оскорблении религии — «*Восточную Христианскую Церковь и иные религии, признанные в Греции*» (тем самым, кстати, «религии» однозначно идентифицируются с соответствующими религиозными организациями).

§ 2. Диффамация религии как таковая

Термин «диффамация религии» здесь не будет рассматриваться как синоним богохульства, хотя многие его так и понимают. Термины «диффамация религии», а также «унижение», «оскорбление» и т.п., используются, если надо осудить высказывания против конкретной религии как института или как вероучения или против отдельных их элементов, которые воспринимаются верующими как священные, включая собственно богослужение (но не священные предметы как таковые, об этом см. ниже).

¹⁰⁵ Есть и другие страны, конституционные основы которых выделяют какую-то религию или даже религиозную организацию, но они уже избавились от уголовных норм, касающихся богохульства как такового. Основными примерами здесь являются Англия и Италия.

В законодательной практике «диффамация религии» может встречаться в разных контекстах. Например, в Австрии одна и та же статья УК запрещает оскорблять верующих, религиозные институты, священные предметы, обряды и собственно религиозные убеждения или доктрины. Даже само название статьи можно перевести как «Унижение религиозных доктрин», что дает представление о приоритетах законодателя. Все это относится к должным образом зарегистрированным религиям, то есть незарегистрированные религиозные организации и группы не имеют защиты от богохульства и кощунства. Аналогично устроена ст. 188 УК Лихтенштейна «Пренебрежительное отношение к религиозным предписаниям», в которой в аналогичном ряду перечислены люди, священные предметы, догмы, законные ритуалы и узаконенные церкви и религиозные общества.

Надо сказать, что лишь четыре страны, включая эти две, криминализуют диффамацию в адрес собственно религиозных организаций (в других странах это считается частью допустимой полемики и может быть разве что предметом гражданского иска). В Греции является преступлением «*на публице и с вредоносными намерениями, в любой форме оскорблять Православную Церковь или любую другую религию, признанную в Греции*». А в Германии оскорбление религиозной организации или группы, придерживающейся какой-то «жизненной философии», как и собственно их убеждений (это относится только к организациям в Германии), влечет до трех лет лишения свободы, если оно может привести к нарушению общественного порядка.

В Исландии криминализовано «*насмехательство или оскорбление догм или богослужения признанных законом религиозных общин страны*» (ст. 125 УК). В Дании формулировка практически аналогична.

На Кипре речь идет о печатных выступлениях, «*воспринимаемых какой-либо категорией людей в качестве публичного оскорбления их религии, с намерением очернить данную религию...*»

В Словакии диффамация религии (именно в таких словах) криминализована наравне с диффамацией нации или расы в ч. 1 ст. 423 УК. Ч. 2 той же статьи говорит уже о диффамации в адрес собственно людей или групп людей, причем по более широкому кругу признаков (что является типичной криминализацией языка вражды). Таким образом, разделение статьи на части в явном виде показывает различие «диффамации религии» и высказываний в адрес верующих.

В Ирландии же в рамках одной статьи криминализованы «*богохульная и непристойная клевета*» в форме публикации (ст. 13.1 Акта о диффамации 1961 года). Предполагается заодно изъятие богохульных материалов (а старый акт о цензуре фильмов 1923 года по-прежнему предписывает изымать у богохульных фильмов прокатную лицензию).

УК Канады также знает такое преступление, как публичная «богосудьяная клевета». Речь, очевидно, не идет о клевете на Бога, но на что-то сакральное. Поскольку клеветническое высказывание по сути своей заведомо ложно, от ответственности освобождаются те, кто добросовестно полагал, что говорит правду. Но освобождаются также и те, кто, не прибегая к недостойным выражениям, вел религиозную полемику.

В Норвегии оскорбление доктрин и богослужения существующих в стране религий перечисляется в ст. 142 УК вместе с выражением презрения «в оскорбительной или ранищей манере» в адрес доктрин и богослужения. Однако в статье есть оговорка, что эти деяния преследуются только в том случае, если этого требует общественный интерес.

Оскорбление богослужения как такового, в том числе посредством профанации предметов культа во время богослужения, отдельно криминализовано также в Швейцарии и Испании (см. в следующем параграфе).

Диффамация религии может иметь форму диффамации священнослужителя, когда он выступает в этом качестве. Такая правовая норма особенно проблематична: во-первых, защита именно такой группы людей может считаться необоснованной, а во-вторых, создается значительная неопределенность, так как непросто отличить нападки на священнослужителя как такового от нападков на него же как на верующего, или просто человека, или сотрудника религиозной организации. Речь также не идет об оскорблении священнослужителей в ходе незаконного вмешательства в ход богослужения или иного обряда: как было сказано в самом начале главки, криминализация такого вмешательства не вызывает сомнений, широко распространена и здесь не рассматривается.

Диффамации священнослужителя сохранилась в четырех странах, и это является реликтом традиционных отношений государства и Церкви. В Монако диффамация священнослужителей криминализована и касается всех религий, хотя Католическая церковь упоминается в УК особо в смежных статьях. Италия исторически относится к тем европейским странам, чья связь с католицизмом — одна из самых прочных, но и история конфликтов светских правительств с Ватиканом тоже очень богата. Послевоенное устройство Италии предполагало наличие государственной религии, но эта конструкция была почти разрушена в 90-е и 2000-е годы, в том числе целым рядом изменений в УК. Однако оскорбление религии посредством оскорбления отдельных верующих и особенно клириков или покушений на собственность по-прежнему наказуемо. То же мы видим в Сан-Марино.

В Люксембурге норма о священнослужителях носит явно смешанный характер: ст. 145 УК говорит об оскорблении священнослужителя в момент

совершения им обряда «путем утверждения фактов, высказываний, выкриков или угроз, текстов или изображений», а часть второй статьи упоминает еще и насилие. В этой статье явно соединены защита священника как человека, защита богослужения от неправомерного вмешательства и защита священнослужителя просто от неприятных ему высказываний.

Наконец, может быть рассмотрена такая форма выступлений против конкретной религии, как «переманивание» ее adeptов, то есть прозелитизм. Поскольку ограничение прозелитизма противоречит праву человека выбирать, в том числе менять, свою религию, это ограничение на законодательном уровне сохранилось сейчас в регионе ОБСЕ только в Узбекистане. Запрет прозелитизма и миссионерской деятельности до сих пор существует в ст. 5 закона «О свободе совести и религиозных организациях» и рядоположен запретам на разжигание «религиозного и иного фанатизма и экстремизма» или «вражды между различными конфессиями», то есть вписан в конфликтологическую парадигму противодействия языку вражды и одновременно явно призван защищать религиозную идентичность граждан от упомянутых «фанатизма и экстремизма». Прозелитизм и миссионерская деятельность уголовно наказуемы (ч. 2 ст. 261² УК Узбекистана), равно как незаконные ввоз и распространение религиозных материалов (ст. 244³)¹⁰⁶. Эти меры явно направлены против радикальных форм политического ислама, предположительно «импортируемых» в страну, но они касаются также и многих других религиозных течений.

§ 3. Глумление над значимыми объектами

В ряде стран криминализовано глумление (или иное дурное обращение, термины могут быть разные) над религиозными символами или иными религиозными объектами. Речь идет не о вандализме как таковом, то есть не о разрушении или повреждении культурных и материальных ценностей. Выше уже приводились такие примеры в составе более широких запретов, в частности, оскорбление богослужения, но здесь нас интересует уже не богослужение в целом, а объекты физические.

В Финляндии виновен тот, кто «с целью нанести оскорбление, публично порочит и оскверняет то, что признано священным с точки зрения церкви или религиозной общины», и по контексту статьи имеются в виду скорее не догматы, а предметы и символы.

¹⁰⁶ При этом любые религиозные группы должны регистрироваться, а деятельность без регистрации также уголовно наказуема согласно ч. 1 той же статьи.

В Италии криминализовано оскорбление религии посредством покушений на различные объекты, в том числе на предметы, сакральные для этой религии или просто необходимые в богослужении, если это покушение произведено публично или даже в частном пространстве, но в присутствии священнослужителя.

Сан-Марино рассматривает как «оскорбление религии» именно десакрализацию культовых объектов и места богослужения, а также глумление над произведениями религиозного искусства и, как уже говорилось, покушение на честь и престиж священника, выполняющего свои функции.

Ст. 144 УК Бельгии считает преступлением *«действия, слова, жесты и угрозы»*, адресованные объекту поклонения, если эти действия были произведены в месте, предназначенном (постоянно или нет) для богослужения. Аналогичная норма содержится в статье с тем же номером в УК Люксембурга. В Монако эта норма также присутствует в очень сходных выражениях.

Ст. 261 УК Швейцарии криминализует глумление над культом, над местами поклонения и профанацию объектов поклонения.

Ст. 524 УК Испании тоже сформулирована достаточно широко: лишение свободы до полугода грозит за *«акт профанации, оскорбительный для зарегистрированной религии»*, если этот акт совершен в месте богослужения или во время религиозной церемонии, но без уточнения, каким он может быть.

В Исландии *«непристойное обращение с церковными предметами, предназначенными для церковных церемоний»* помещено в ст. 124 УК, основной состав которой — надругательство над кладбищами и телами умерших.

Примечательно, что в Греции в УК не существует аналогичных статей. Это не означает, конечно, что какое-либо покушение на церковь или священные предметы останется в Греции безнаказанным. Это просто означает, что эти деяния будут рассматриваться как одна из форм богохульства или оскорбления религии.

Ряд стран, которые имеют, как Россия, отдельный Кодекс об административных правонарушениях или его аналог, рассматривают подобные действия именно в рамках этого кодекса, что в целом выходит за рамки данного исследования.

Например, в Венгрии правонарушением (не преступлением) является *«десакрализация объекта религиозного поклонения» или объекта, «используемого для религиозных церемоний внутри или вне помещения, предназначенного для таких церемоний»*.

В России современная формулировка ч. 2 ст. 5.26 КоАП звучит так:

«Умышленное публичное осквернение религиозной или богослужебной литературы, предметов религиозного почитания, знаков или эмблем мировоззренческой символики и атрибутики либо их порча или уничтожение».

Некоторые другие постсоветские страны тоже имеют подобные формулировки составов административных правонарушений.

Во многих перечисленных выше составах проблематичными стоит считать сами термины «десакрализация», «осквернение», «профанация», так как они могут быть поняты только по правилам, определяемым самой религиозной организацией (разумеется, у этих слов есть общее разговорное значение, но оно неточно и также зависит от мнения религиозных организаций). Логично считать, что в «помещениях, предназначенных для религиозных церемоний», могут действовать свои правила, которые следует уважать. Возможно также неумышленное осквернение, но умысел в любом случае должен быть определен при расследовании инцидента, и неумышленное действие не будет, видимо, сочтено правонарушением. А вот вне особой территории, на которой действуют особые правила поддержания порядка, уже не так ясны основания, на которых противозаконным будет такое действие, как «десакрализация». Впрочем, на практике правила поддержания сакральности предметов обычно таковы, что осквернить — с точки зрения самих верующих — тот или иной предмет, не нарушив общественный порядок, затруднительно. Возможно, поэтому такого рода нормы не вызывают особых протестов.

Наконец, есть спорные случаи, которые я скорее отнес бы к обычным запретам, лишь сформулированным похоже на «диффамацию религии». Ст. 137 УК Македонии и ст. 297 УК Словении, среди прочих действий, которые направлены на возбуждение ненависти, розни и интолерантности, упоминает и глумление над религиозными символами. Здесь важно понимать, что криминализовано не глумление само по себе, а только если оно направлено на указанные цели, то есть фактически это просто детализированная формулировка, касающаяся религиозного языка вражды.

§ 4. Оскорбление религиозных чувств

Унизительные высказывания в адрес группы людей, объединяемой по признаку их отношения к религии — это весьма распространенный элемент определения языка вражды. При этом речь идет об унижении

самих этих людей, а не их взглядов на религию. Весьма спорным является вопрос, насколько оскорбительная или иная враждебная речь по отношению к религиозным убеждениям, к основам веры и т.п. может рассматриваться как язык вражды по отношению к самим верующим. Несомненно, что для многих верующих их убеждения являются частью их религиозной самоидентификации (как для других верующих не менее или даже более значимыми могут быть определенные обряды, факт совпадения их религии с религией предков и т.д.), и нападки на эти элементы самоидентификации субъективно воспринимаются верующими как нападки на них самих. Но восприятие объекта высказывания может здесь радикально расходиться с восприятием субъекта, а ведь с точки зрения уголовного права большее значение имеет мотив преступника, чем представления жертвы. И, конечно, следует взвешивать защиту верующих и защиту свободы выражения.

Выше уже были рассмотрены высказывания против Бога, религии, религиозных институтов, священнослужителей, профанация священных ритуалов и предметов. Все эти действия могут пониматься как косвенно задевающие чувства верующих. Но в секулярных обществах, каковыми можно считать все страны ОБСЕ (кроме Ватикана и отчасти Греции), все же более естественно формулировать закон так, чтобы объектом защиты выступали люди, а не какие-то иные сущности, в том числе перечисленные выше. Если при этом законодатель все же не хочет ограничиться обычными законами о языке вражды (возбуждение ненависти и призывы к каким-то противоправным действиям — это гораздо более радикальные высказывания, и в этой главке ни о чем подобном речь не идет), он прибегает к понятию «религиозные чувства». Таким образом, объектом защиты становятся люди в связи с их специфическими потребностями; в данном случае предполагается, что у религиозных людей есть специфическая потребность в защите их чувств, связанных с религией.

Лишь в нескольких странах такой состав преступления, как «оскорбление/унижение религиозных убеждений/чувств», сформулирован прямо и без оговорок — в Швейцарии, Андорре, Латвии, Украине, Казахстане, на Кипре (здесь одна статья УК посвящена устным, а другая — печатным высказываниям) и в Узбекистане (здесь закон равно защищает «чувства граждан в связи с их религиозным или атеистическим убеждением»).

В Австрии и Лихтенштейне предусмотрено оскорбление чувств верующих через оскорбление их убеждений. А в Италии ст. 403 УК, наоборот, криминализует оскорбление религии посредством публичного

оскорбления ее верующих (и клириков как таковых). Но смысл закона в обоих вариантах, видимо, один и тот же, так как различить чувства и убеждения в данном случае непросто.

В Польше криминализовано оскорбление чувств верующих, но не всякое, а то, которое произведено путем некоего публичного поругания объекта или места поклонения. Ст. 525 УК Испании криминализует насмешки над догмами, верованиями, ритуалами и церемониями верующих, но только если таковые были предприняты с целью оскорбить верующих. Ч. 2 той же статьи защищает неверующих, а поскольку у них нет ни догм, ни ритуалов, статья криминализует насмешки над ними самими, что фактически создает им большую защиту, чем верующим. Можно, таким образом, предположить, что вся эта статья относится скорее к защите чувств людей, а не собственно догм и ритуалов.

Необычным является состав преступления, добавленный в УК России уже в 2013 году: «*публичные действия, выражающие явное неуважение к обществу и совершенные в целях оскорбления религиозных чувств верующих*». Формулировка «*действия, выражающие явное неуважение к обществу*», взята из определения хулиганства в соответствующей статье УК. Таким образом, новое преступление предполагает некие никак не очерченные хулиганские действия, но именно «*совершенные в целях оскорбления религиозных чувств верующих*».

Следует повториться, что упоминание оскорбления верований, ритуалов и т.д. как способов унижить и оскорбить людей в зависимости от их вероисповедания, является «в чистом виде» нормой о языке вражды и не относится к законодательству о чувствах верующих. Такие упоминания встречаются во многих странах, о чем уже говорилось выше.

С другой стороны, кое-где в законах о языке вражды на постсоветском пространстве сохранились формулировки типа «*пропаганды исключительности, превосходства либо неполноценности граждан по признаку их отношения к религии*». Они в явном виде присутствуют в Казахстане и Кыргызстане. В России такие действия криминализованы лишь частично и опосредованно, так как входят в определение экстремистской деятельности, призывы к которой сами по себе преступны. Между тем приведенная формулировка выглядит в секулярном обществе довольно двусмысленно, так как ее значение явно шире запрета пропаганды дискриминации. Именно в рамках религиозных доктрин, даже признающих принципиальное равенство людей перед Богом, утверждается неравенство в религиозном смысле — между правильно и неправильно верующими, праведными и грешными и т.п. Соответствующие высказы-

вания в религиозной риторике могут быть и являются весьма жесткими по тону. Может ли такая риторика, не имеющая других признаков языка вражды, рассматриваться, тем не менее, в качестве такового — этот вопрос оставлен на усмотрение судов¹⁰⁷.

А еще в некоторых странах встречаются нормы, которые формально нельзя отнести к категории защиты религиозных чувств, но они сформулированы с использованием понятия осмеяния религиозных ценностей, символов или объектов. Вероятно, такие формулировки сами по себе относимы именно к категории защиты чувств. Они встречаются в Австрии, Испании, Исландии, Лихтенштейне и Швейцарии. Но вот «*высмеивание священнослужителя в ходе законного исполнения им своих обязанностей*», криминализованное в Нидерландах, является скорее неправомерным вмешательством в богослужение.

Сравнивая законы о религиозных чувствах со смежными, можно заметить, что о чувствах говорят законы 13 стран, в то время как в предыдущих параграфах было перечислено 20 стран, имеющих законы, сформулированные менее секулярно, причем из указанных 13 стран семь в список из 20 не входят.

3. Антиэкстремизм

Противодействие преступлениям ненависти и языку вражды может рассматриваться, в частности, в контексте сохранения общественной безопасности и предотвращения антиконституционных покушений на существующую власть (мятеж, терроризм, формирование партизанских отрядов, подстрекательство к таким действиям и т.п.). Этот контекст когда-то назывался противодействием политическим преступлениям, но такая терминология была дискредитирована и более не используется. Однако сам по себе контекст не исчез от того, что для него нет больше общепринятого термина. И именно в послевоенной Европе политическая необходимость подавить возможное возрождение фашистских

¹⁰⁷ Например, Верховный суд России, как уже отмечалось, отвергает возможность такого толкования закона. А в качестве крайнего примера использования такого толкования можно привести случай в Казахстане, когда миссионер «Церкви объединения» Елизавета Дреничева была осуждена за пропаганду неполноценности людей по признаку принадлежности к роду человеческому, так как согласно учению «Церкви объединения», почти все люди несовершенны (и надо признать, в этом могут согласиться многие религиозные учения). См. текст приговора: Без названия // Блог Боголюба. 2009. 6 февраля (<http://blogs.privet.ru/user/bogolyub/53814218>).

течений была тесно взаимосвязана с противодействием пропаганде ненависти, а затем и преступлениям ненависти.

В целом политически мотивированное законодательство в этом духе будет рассматриваться в следующей главке, а эта посвящена попыткам заново концептуализировать политические преступления как «экстремистские», так как эта тема особенно важна в России. Эта главка также отличается от других по структуре: мне показалось более удобным упорядочить ее не по типам юридическим формулировок, а просто по странам.

Термин «экстремизм» обычно не фигурирует в законах ввиду его полисемантической и политизированности¹⁰⁸. Послевоенные антифашистские законы были в ряде стран со временем расширены в политическом смысле или просто были приняты новые, направленные против разных течений, покушающихся на установленные конституциями основы демократии (см. об этом подробнее в следующей главке), но единая терминология (в том числе с использованием термина «экстремизм») отсутствует.

§ 1. Язык международных организаций

Слово «экстремизм» встречается в международно-правовых документах, например, в ряде документов ООН¹⁰⁹. Но в наиболее явном виде термин «экстремизм» увязан с понятием организованной угрозы демократии в резолюции 1344 Парламентской ассамблеи Совета Европы «Об угрозе для демократии со стороны экстремистских партий и движений в Европе»¹¹⁰. В этом документе ключевое понятие получает сравнительно узкое определение, относящееся только к праворадикальной и фундаменталистской частям всего спектра радикальных общественных и политических течений:

¹⁰⁸ См. например, обзор: Coleman Peter T.; Bartoli Andrea. Addressing Extremism. The International Center for Cooperation and Conflict Resolution (ICCCR), Teachers College, Columbia University // The Institute for Conflict Analysis and Resolution (ICAR), George Mason University. 2003 (http://www.tc.columbia.edu/i/a/document/9386_WhitePaper_2_Extremism_030809.pdf).

¹⁰⁹ Бикеев И., Никитин А. Экстремизм: междисциплинарное правовое исследование. С. 268.

¹¹⁰ Резолюция доступна на сайте ПАСЕ (http://www.coe.int/t/r/parliamentary_assembly/%5Bussian_documents%5D/%5B2003%5D/%5BSept_2003%5D/Res%201344%20Rus.asp).

«3. Независимо от своей природы экстремизм представляет собой форму политической деятельности, явно или исподволь отрицающую принципы парламентской демократии и основанную на идеологии и практике нетерпимости, отчуждения, ксенофобии, антисемитизма и ультрационализма.

4. Ассамблея отмечает, что некоторые экстремистские движения стремятся найти обоснование своих действий в религии. Такая тенденция таит в себе двойную опасность: с одной стороны, это способствует разжиганию нетерпимости, религиозного фанатизма и фундаментализма, а с другой — ведет к изоляции целых религиозных общин из-за отдельных лиц, злоупотребляющих общечеловеческими ценностями религии».

Трудно понять, намекает ли следующий пункт на различные ультраевые течения или на те же, что и предыдущие пункты.

«5. Экстремизм находит питательную почву в социальном недовольстве населения и исповедует упрощенные, стереотипные решения в ответ на чувства обеспокоенности и неопределенности, бытующие у ряда социальных групп в условиях перемен, охвативших наше общество. Экстремисты перекладывают ответственность за эти трудности на представительную демократию, способную принять вызовы современности, и на выборных представителей и государственные институты, которые не могут удовлетворить чаяния граждан, или объявляют ту или иную группу населения виновной в переживаемых трудностях или источником потенциальной угрозы».

Угроза, исходящая от экстремистских движений, описывается так:

«Даже если сами они не проповедуют насилия, они создают климат, благоприятствующий росту насилия. Это создает непосредственную угрозу конституционному порядку и свободам, представляет косвенную опасность искажения норм политической жизни».

Для противодействия угрозе ПАСЕ призывает государства, в частности:

а. предусмотреть в своем законодательстве возможность ограничения свободы выражения мнений, собраний и объединений для целей борьбы с экстремизмом. Однако любые такие меры должны соответствовать требованиям Европейской конвенции о правах человека;

б. применять, а если их нет — ввести:

- действенные наказания при наличии доказанных фактов нанесения ущерба экстремистскими политическими партиями или их членами;

- соразмерные и выполняющие роль сдерживающего фактора наказания за публичные призывы к насилию, расовой дискриминации и нетерпимости;

- меры по приостановлению или прекращению государственного финансирования организаций, потворствующих экстремизму;

- в чрезвычайных случаях — меры по роспуску экстремистских партий и движений. Они применяются лишь при наличии угрозы конституционному порядку страны и обязательно в соответствии с конституцией и законодательством страны;

с. контролировать, а при необходимости — предотвращать возобновление деятельности распущенных партий и движений под другим названием или в другой организационной форме;

...

h. принять национальное законодательство, внедрить административные процедуры и активизировать международное сотрудничество, препятствующие распространению экстремистской идеологии при помощи новых информационных технологий».

Как видим, ПАСЕ не рекомендует создавать какое-то специальное антиэкстремистское законодательство, но призывает принять комплексные меры против угрозы экстремизма, разумеется, при соблюдении прав и свобод, гарантированных в Совете Европы. Как можно видеть в этой книге, разные страны в разной степени последовали этим рекомендациям. Страны, о которых речь пойдет ниже, то есть пошедшие по пути создания рамочного антиэкстремистского законодательства, в целом следуют рекомендациям ПАСЕ, хотя гарантии прав и свобод граждан в их законодательствах явно недостаточны (злоупотребления при правоприменении не являются сами по себе предметом этого исследования).

Несколько стран СНГ, то есть Россия, Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан и Узбекистан, а также Китай, подписали в 2001 году Шанхайскую конвенцию по борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом¹¹¹. Эта конвенция стала реальной основой для сотрудничества правительств этих стран в противодействии разного рода течениям, относимым к террористическим, сепаратистским или экстремистским (преимущественно — связанным

¹¹¹ Шанхайская конвенция // Сайт Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). 2001. (<http://infoshos.ru/ru/?id=86>).

с политическим исламом), причем страны фактически признают решения друг друга о признании тех или иных организаций экстремистскими или террористическими.

В конвенции даны достаточно ясные определения. В частности, экстремизм определяется (в п. 2 ст. 1 Конвенции) так:

«какое-либо деяние, направленное на насильственный захват власти или насильственное удержание власти, а также на насильственное изменение конституционного строя государства, а равно насильственное посягательство на общественную безопасность, в том числе организация в вышеуказанных целях незаконных вооруженных формирований или участие в них, и преследуемые в уголовном порядке в соответствии с национальным законодательством Сторон».

Правда, как будет ясно ниже, определение в таком виде не проникло в национальные законодательства, и некоторые юристы понимают это так, что Конвенция будто бы и не создала правовой нормы, а лишь сформулировала политическую декларацию¹¹².

В России дискуссии о правовой рамке для противодействия покушениям на общественную и государственную безопасность, которая довольно активно велась в 90-е годы, вылилась (довольно неожиданно) в ныне действующее законодательство, сформировавшееся вокруг закона «О противодействии экстремистской деятельности», принятого в 2002 году¹¹³.

Это законодательство было в последующие годы в значительной степени заимствовано целым рядом стран Содружества независимых государств, так что теперь можно сказать, что в значительной части региона ОБСЕ сформировался более или менее единый подход к противодействию преступлениям ненависти, возбуждению ненависти и языку вражды, а также ко многим другим действиям, которые описываются при этом подходе как экстремистские. Впрочем, между странами СНГ, усвоившими этот подход, обнаружились и отличия. Соответственно, в этой главке будет сперва описано российское антиэкстремистское законодательство как прототип остальных (в части, относящейся к предмету этой книги), а далее будут отмечены отличия антиэкстремистских законодательств других стран.

¹¹² Кирсанов Г.В. Шанхайская организация сотрудничества: правовые аспекты развития региональных антитеррористических институтов // Журнал российского права. 2004. № 3. С. 129–137.

¹¹³ Этот процесс подробно описан мной в: Верховский А. Политика государства по отношению к национал-радикальным объединениям. 1991–2002 гг. М.: Центр «Сова», 2013.

§ 2. Россия

Цель антиэкстремистского законодательства — систематизировать меры противодействия определенному набору действий, которые рассматриваются как экстремистские, включая терроризм, попытки мятежа, преступления ненависти, язык вражды и т.д. И эти меры, варьирующие от уголовной репрессии до профилактических предостережений, призваны не только пресечь экстремистские действия, но и продемонстрировать обществу, что именно рассматривается как экстремизм и является недопустимым.

Ключевая особенность российского антиэкстремистского законодательства — отсутствие в рамочном законе «О противодействии экстремистской деятельности» (как и где бы то ни было еще) концептуального определения самой экстремистской деятельности; понятие «экстремизм» в законе определяется как синоним такой деятельности.

Подразумевается, очевидно, что такое концептуальное определение существует в обыденном, газетном или научном языке или хотя бы в юриспруденции. Если бы это было так, особых проблем с определением в законе могло бы и не возникнуть: в законодательстве ведь используется множество понятий, которым не дается определение, но есть устойчивое понимание границ этих понятий, а пограничные проблемы немногочисленны и уже могут решаться в судебной практике; наиболее очевидный пример — убийство. Но слово «экстремизм» не обладает никаким сколько-нибудь общепризнанным значением ни в каком широко распространенном дискурсе (хотя в небольших группах такое значение вполне может сформироваться). Общее понимание экстремизма, зафиксированное в Шанхайской конвенции, как ни странно, явно не использовалось при создании закона «О противодействии экстремистской деятельности» и никак не прилагается к применению.

Определение экстремизма дается в ст. 1 этого закона. Это определение не только не увязано с обыденными или политологическими значениями слова «экстремизм», оно не содержит никаких родовых признаков, но дано простым перечнем деяний, так что этот перечень всегда может быть изменен как угодно (и он уже был существенно изменен дважды — в 2006 и 2007 годах). Этот список деяний приходится интерпретировать буквально, так как никакой концептуальной рамки закон не задает.

Приведем его полностью (в редакции, действительной в августе 2014 года), чтобы понять, какое именно место занимают в экстремистской рамке преступления ненависти, язык вражды и связанные с этим деяния. Ниже ст. 1 закона дана для удобства изложения с нумерацией подпунктов, в законе отсутствующей:

«Для целей настоящего Федерального закона применяются следующие основные понятия:

1) экстремистская деятельность (экстремизм):

1. «насилованное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации;
2. публичное оправдание терроризма и иная террористическая деятельность;
3. возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни;
4. пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии;
5. нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в зависимости от его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии;
6. воспрепятствование осуществлению гражданами их избирательных прав и права на участие в референдуме или нарушение тайны голосования, соединенные с насилием либо угрозой его применения;
7. воспрепятствование законной деятельности государственных органов, органов местного самоуправления, избирательных комиссий, общественных и религиозных объединений или иных организаций, соединенное с насилием либо угрозой его применения;
8. совершение преступлений по мотивам, указанным в пункте «е» части первой статьи 63 Уголовного кодекса Российской Федерации;
9. пропаганда и публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения, либо публичное демонстрирование атрибутики или символики экстремистских организаций;
10. публичные призывы к осуществлению указанных деяний либо массовое распространение заведомо экстремистских материалов, а равно их изготовление или хранение в целях массового распространения;
11. публичное заведомо ложное обвинение лица, замещающего государственную должность Российской Федерации или государственную должность субъекта Российской Федерации,

в совершении им в период исполнения своих должностных обязанностей деяний, указанных в настоящей статье и являющихся преступлением;

12. организация и подготовка указанных деяний, а также подстрекательство к их осуществлению;
13. финансирование указанных деяний либо иное содействие в их организации, подготовке и осуществлении, в том числе путем предоставления учебной, полиграфической и материально-технической базы, телефонной и иных видов связи или оказания информационных услуг».

2) экстремистская организация — общественное или религиозное объединение либо иная организация, в отношении которых по основаниям, предусмотренным настоящим Федеральным законом, судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности в связи с осуществлением экстремистской деятельности;

3) экстремистские материалы — предназначенные для обнародования документы либо информация на иных носителях, призывающие к осуществлению экстремистской деятельности либо обосновывающие или оправдывающие необходимость осуществления такой деятельности, в том числе труды руководителей национал-социалистической рабочей партии Германии, фашистской партии Италии, публикации, обосновывающие или оправдывающие национальное и (или) расовое превосходство либо оправдывающие практику совершения военных или иных преступлений, направленных на полное или частичное уничтожение какой-либо этнической, социальной, расовой, национальной или религиозной группы;

4) символика экстремистской организации — официально зарегистрированная символика организации, в отношении которой по основаниям, предусмотренным настоящим Федеральным законом, судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности в связи с осуществлением экстремистской деятельности».

Ключевой для нас п. 8 в ч. 1 этой статьи ссылается на определенный набор мотивов преступления, которые, согласно п. «е» ч. 1 ст. 63 УК, являются отягчающими обстоятельствами любого преступления: «совершение преступления по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы». Надо признать, что на практике мотив ненависти как общее

отягчающее обстоятельство применяется крайне редко, но зато применяются так же сформулированные квалифицирующие признаки, фигурирующие в 11 статьях УК: 105 («Убийство»), 111 («Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью»), 112 («Умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью»), 115 («Умышленное причинение легкого вреда здоровью»), 116 («Побои»), 117 («Истязание»), 119 («Угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью»), 150 («Вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления»), 213 («Хулиганство»)¹¹⁴, 214 («Вандализм»), 244 («Надругательство над телами умерших и местами их захоронения»); в этом случае формулировка дополнена словами: *«а равно в отношении скульптурного, архитектурного сооружения, посвященного борьбе с фашизмом или жертвам фашизма, либо мест захоронения участников борьбы с фашизмом»*.

Таким образом, преступления ненависти являются одной из разновидностей экстремизма, как и публичные призывы к ним, содействие им, организационная деятельность, направленная на их совершение. То же относится и к возбуждению ненависти (так может быть, пусть отчасти, понято содержание пп. 2, 3 и 10) и языку вражды (пп. 3, 4, 9, 10), и к дискриминации, так как п. 5 копирует состав статьи «Дискриминация» в УК (хотя такое определение дискриминации и не является оптимальным¹¹⁵).

Определение преступлений ненависти в российском УК типично для самой конструкции этого понятия, так что особых проблем тут не возникает. Особенностей здесь две, и обе — не уникальные в Европе. Первая — использование фактически открытого списка признаков вражды через не имеющий определения или общепринятого понимания термин «социальная группа». Вторая — включение мотивов политической и иде-

¹¹⁴ Состав ст. 213 УК выглядит сейчас очень проблематично. Он неоднократно менялся с его появления в советские годы. С 2004 и до 2007 года под хулиганством в УК понималось достаточно серьезное насильственное преступление — нападение с использованием оружия или предметов, его заменяющих, вне зависимости от последствий, но выражающих «неуважение к обществу». Это не имеет почти ничего общего с хулиганством в бытовом смысле: таковое выделено в отдельный состав в КоАП.

Но с 2007 года ст. 213 УК как бы раздвоилась. В ней остался старый состав (ч. 1 п. «а»), но добавился новый: «грубое нарушение общественного порядка, выражающее явное неуважение к обществу, совершенное по мотивам» различной (список типовой для УК РФ) ненависти и вражды (ч. 1 п. «б»). Новый состав не предполагает насилия вообще и может пониматься весьма широко, так как язык статьи смешивает хулиганский и экстремистский мотивы преступления, что само по себе весьма странно и названо неприемлемым в уже упоминавшемся Постановлении Пленума Верховного суда 2011 года (насколько широко может интерпретироваться так определенное хулиганство, всем показало дело Pussy Riot).

¹¹⁵ Осипов Александр. Этничность и равенство в России. С. 103—105.

ологической ненависти. Эти мотивы на практике применялись редко, и неясность с их использованием не была снята упоминавшимся решением Пленума Верховного суда 2011 года¹¹⁶.

Понимание экстремистских высказываний имеет более сложную структуру, так как надо иметь в виду, что не всякое экстремистское действие является уголовным преступлением. Спорным остается вопрос, являются ли все некриминальные проявления экстремизма административными правонарушениями, или Кодекс об административных правонарушениях (КоАП) РФ охватывает их не полностью (мы можем не вдаваться в этот вопрос, так как основной предмет этого исследования — уголовное право). Статьи Уголовного кодекса лишь отчасти соответствуют пунктам определения языка вражды в законе «О противодействии экстремистской деятельности», как будет показано ниже.

В первую очередь, к криминализуемым высказываниям относятся такие экстремистские действия, как возбуждение той или иной групповой розни и «пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности» людей по разным групповым признакам. Этим двум пунктам отчасти соответствует ст. 282 УК, но есть и существенные различия. Приведем формулировку основного состава этой статьи: *«Действия, направленные на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе, совершенные публично или с использованием средств массовой информации»*. Квалифицирующими признаками являются применение насилия или угроза его применения, использование служебного положения и действия организованной группой.

Во-первых, любое деяние, описанное в законе, отличном от УК, даже если оно описано сходно с составом преступления, может и не быть криминальным, если не представляет собой особой общественной опасности¹¹⁷.

Во-вторых, термин «рознь» (взятый из Конституции, а туда попавший из советского еще УК) определенно шире терминов «ненависть» или «вражда», фигурирующих в ст. 282. «Рознь» может быть возбуждена как косвенное следствие каких-то действий или высказываний, которые, быть может, не

¹¹⁶ Постановление Пленума Верховного суда РФ № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности».

¹¹⁷ Ч. 2 ст. 14 УК гласит: *«Не является преступлением действие (бездействие), хотя формально и содержащее признаки какого-либо деяния, предусмотренного настоящим Кодексом, но в силу малозначительности не представляющее общественной опасности»*. И эта норма является общепринятой в уголовном праве.

были на нее направлены и вообще не имели антиобщественной направленности, в то время как состав ст. 282 подразумевает именно умышленную направленность действий. Таким образом, «возбуждение розни» может и не быть преступлением, что соответствует пониманию Европейского суда по правам человека¹¹⁸. Это тем более так, поскольку в отсутствие единого понимания термина «социальный» выражение «возбуждение социальной розни» может относиться к действиям явно не противоправным.

В-третьих, в определении экстремизма и в ст. 282 не совпадают списки признаков возбуждения ненависти или розни. Мы видим, что возбуждение ненависти и вражды, а также унижение людей по признакам пола и происхождения (правда, этот термин неясен сам по себе) криминальны, но не являются экстремистскими, а для такого признака, как язык, это верно лишь наполовину. При этом можно предположить, что термины «социальная рознь» и «ненависть в отношении социальной группы» отсылают к одному и тому же пониманию социальных различий, но это никак не вытекает из закона или комментариев к нему.

В-четвертых, если ст. 282 говорит об «унижении людей», то определение экстремизма — о пропаганде исключительности, превосходства либо неполноценности человека. Остается неясным, почему вообще противоправно любое утверждение исключительности или превосходства людей в связи, например, с их социальным статусом (например, образованием или доходом) или с их верованиями, хотя какие-то формы утверждения превосходства одних, конечно, могут быть эквивалентны унижению других.

В определении экстремизма важное место занимает публичное оправдание терроризма, который, в свою очередь, определяется так: *«идеология насилия и практика воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий»*¹¹⁹. Этому пункту соответствует ст. 2052 УК «Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма», содержащая важное примечание: *«В настоящей статье под публичным оправданием терроризма понимается публичное заявление о признании идеологии и практики терроризма правильными, нуждающимися в поддержке и подражании»*.

¹¹⁸ См., например, дело «Джейлан против Турции», 1999. Доступно на Legislationline (<http://www.legislationline.org/documents/id/4120>).

¹¹⁹ П. 1 ст. 3 закона «О противодействии терроризму».

Но это примечание не распространяется на определение экстремистской деятельности, которое оказывается тем самым гораздо шире.

Наконец, публичные призывы к действиям, описанным в пп. 1–8 определения экстремизма, то есть, в частности, к дискриминации, преступлениям ненависти, терроризму, мятежу, применению насилия к властям, но также и к перечисленным выше проявлениям языка вражды, также являются экстремизмом. Этому пункту определения соответствует ст. 280 УК «Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности» (использование СМИ¹²⁰ является квалифицирующим признаком). Формулировка статьи при ее буквальном понимании означает, что она охватывает публичные призывы к любой экстремистской деятельности, включая и некриминальные, а также включая и сами призывы такого рода (но таким рекурсивным образом¹²¹ статья на практике не применяется).

Не является преступлением массовое распространение экстремистских материалов любого рода (книги, листовки, интернет-страницы, видео и т.д.) с теми же призывами, если в силу дополнительных обстоятельств эти действия не образуют состава преступлений по ст.ст. 280 или 282 УК. Массовое распространение наказуемо по ст. 20.29 КоАП, а не массовое не запрещено вовсе. Сами материалы запрещаются судами по месту обнаружения и впоследствии вносятся в Федеральный список экстремистских материалов. Практика таких запретов давно стала массовой (мы здесь не рассматриваем правомерность самих запретов и разные процессуальные проблемы в этой сфере): в Федеральном списке уже более 2800 пунктов, что делает по меньшей мере проблематичным его применение как источника знания о том, что именно нельзя распространять.

Особое место, как видно в п. 9 ч. 1 (ему соответствует ст. 20.3 КоАП) и в ч. 3 ст. 1 закона «О противодействии экстремистской деятельности», отводится действиям, позитивно связанным с германским нацизмом и итальянским фашизмом. Но уголовно наказуемыми они сами по себе не являются.

Определение экстремистской деятельности включает и организационные усилия, направленные на какие-то экстремистские действия. Основные механизмы закона «О противодействии экстремистской деятельности» являются скорее гражданско-правовыми или административными и сориентированы на недопущение и пресечение такой

¹²⁰ А с 2014 года — и интернета.

¹²¹ Поскольку определение экстремистской деятельности включает публичные призывы к перечисленным в определении деяниям, криминализация призывов к экстремистской деятельности в другом законе означает криминализацию, в том числе, и «призывов к призывам». Но здесь мы имеем дело просто с неряшливостью законодателя.

активности со стороны зарегистрированных организаций и СМИ¹²². Но есть и уголовные санкции. Наказуемы два вида деяний: во-первых, создание группы, направленной на совершение «преступлений экстремистской направленности», то есть преступлений по перечисленным в ст. 63 УК (см. выше) мотивам ненависти, и участие в такой группе (ст. 282¹ «Организация экстремистского сообщества»), во-вторых, попытки продолжения деятельности организации, запрещенной судом за экстремистскую деятельность (ст. 282² «Организация деятельности экстремистской организации»).

Закон «О противодействии экстремистской деятельности» лишь в очень малой степени политизирован: он, как было сказано, выделяет определенные действия предположительно фашистского толка (это является наследием ряда норм, принятых ранее, в частности, закона «Об увековечении победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов», принятого в 1995 году), но и то в ряду других. В частности, закон не выделяет специально такую часто обсуждаемую разновидность экстремистской деятельности, как деятельность, мотивированная религиозно-политическими идеями, хотя понятие «религиозный экстремизм» широко распространено и используется в том числе в языке официальных лиц. Более политизированными оказались дополнения, внесенные в российское законодательство уже в 2013–2014 годах и касающиеся защиты чувств верующих и исторического ревизионизма. Эти нормы, рассмотренные уже в соответствующих главах выше, тоже, пусть и косвенно, могут быть отнесены к корпусу антиэкстремистского законодательства.

Теперь мы можем рассмотреть аналогичные законодательства в других странах СНГ¹²³. Они, несомненно, основаны на российском законода-

¹²² Анализ норм и практики в этой сфере подробнее всего на данный момент описаны в ежегодных докладах Центра «Сова», доступных, в частности, на сайте «Совы»: <http://www.sova-center.ru/racism-xenophobia/publications/> и <http://www.sova-center.ru/misuse/publications/>. См. также: Верховский А.М., Ледовских М.А., Султанов А.Р. Осторожно, экстремизм! Анализ законодательства о противодействии экстремистской деятельности и практики его применения. Воронеж: ООО фирма «Элист», 2013.

¹²³ Ранее такой сравнительный обзор делался в: Бикеев И., Никитин А. Указ соч. С. 275–280. Но он несколько устарел. Зато Бикеев и Никитин обратили внимание на интересный документ, не имеющий нормативной силы и потому не включаемый в данный обзор, — на модельный закон СНГ «О противодействии экстремизму», принятый 14 мая 2009 г. Межпарламентской ассамблеей государств — участников СНГ. Текст закона доступен на сайте Ассамблеи (http://iacis.ru/upload/iblock/857/zakon_14_05_09.pdf). Заметим, что определение «экстремистской деятельности» в этом проекте выгля-

тельстве, и какие-то различия можно объяснить, среди прочего, временем принятия того или иного национального законодательства. Но для целей данного обзора этот исторический аспект не имеет особого значения. Поэтому далее национальные законодательства будут описываться в географическом порядке — с запада на восток.

§ 2. Беларусь

Белорусское законодательство также включает закон «О противодействии экстремизму». И он, несомненно, испытал на себе влияние российского закона: базовое определение объекта противодействия лишь в незначительных деталях отличается от российского, но в версии 2006 года: именно тогда закон первоначально вносился в Беларусь.

Существенных для нас отличий не так много. Во-первых, «возбуждение социальной розни» является экстремистским только если оно «связано с насилием или призывами к насилию», зато в определении присутствует «унижение национальной чести и достоинства». Во-вторых, экстремистской символикой считается только нацистская. В-третьих, и это наиболее существенно, из преступлений ненависти к экстремистским отнесены только «массовые беспорядки, хулиганские действия и акты вандализма».

Зато есть отличия в смежных законах. Основное — отсутствие криминализации членства в «экстремистском сообществе». Собственно, слово «экстремизм» встречается в УК лишь в статье об иностранном финансировании. Очевидно, УК не приводили в соответствие с законом «О противодействии экстремизму».

Возбуждение вражды по языковому признаку вынесено из уголовного законодательства в административное (ст. 9.22 КоАП). В соответствующей ст. 130 УК список затрагиваемых групп уже, чем в российском: «умышленные действия, направленные на возбуждение расовой, национальной, религиозной вражды или розни, на унижение национальной чести и достоинства», и, как видим, он не симметричен по группам между возбуждением вражды и унижением достоинства. Мотив ненависти как квалифицирующий признак используется в белорусском УК лишь в трех

дит как одновременно архаизированная и слегка подправленная версия российского определения. Родовое же понятие «экстремизм» определено довольно своеобразно:

«Экстремизм — посягательство на основы конституционного строя и безопасность государства, а также нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина, осуществляемые вследствие отрицания правовых и (или) иных общепринятых норм и правил социального поведения».

статьях, зато одна из них — о «дедовщине» (ст. 443 «Нарушение уставных правил взаимоотношений между лицами, на которых распространяется статус военнослужащего, при отсутствии отношений подчиненности»).

В КоАП в Беларуси темы преступлений ненависти и языка вражды разработаны основательнее, чем в КоАП России. Во-первых, мотив ненависти являетсяотягчающим обстоятельством и в КоАП, а не только в УК. Во-вторых, ст. 17.11 «Изготовление, распространение и (или) хранение экстремистских материалов» наказывает не только массовое их распространение. В-третьих, ст. 17.10 «Пропаганда и (или) публичное демонстрирование, изготовление и (или) распространение нацистской символики или атрибутики» содержит, в отличие от ст. 20.3 КоАП России оговорку, что не противозаконно использование этой символики в искусстве, в кино, в музеях и т.п.

Надо добавить, что и УК, и КоАП Беларуси содержат нормы, явно сопряженные с этим законодательством, отдельно описывающие получение «незаконного» иностранного финансирования как соответственно преступление (ст. 3692) и правонарушение (ст. 23.24).

§ 3. Молдова

Закон «О противодействии экстремистской деятельности» Молдовы, принятый в 2003 году, несомненно, создан по следам первой редакции российского закона, но подход к определению экстремизма в Молдове другой: здесь российский списочный метод определения дополняется все же некоторым концептуальным определением.

Экстремизм определяется как *«позиция, доктрина некоторых политических течений, которые на основе крайних теорий, идей или взглядов стремятся посредством насильственных или радикальных мер навязать свою программу»*. Это определение трудно признать вполне успешным. Например, непонятно, почему речь идет только о «доктрине политических течений», также в определении фигурируют непонятные «радикальные меры», в отличие от насильственных.

Собственно экстремистская деятельность и методы противодействия ей определяются очень сходно с российским законом в версии 2002 года. Правда, как раз наиболее интересующие нас в этой книге пункты определения экстремистской деятельности сформулированы довольно своеобразно. Обратим внимание на многообразие наборов объектов вражды, используемых в разных пунктах:

«деятельность общественного или религиозного объединения, средства массовой информации либо иной организации,

физического лица по планированию, организации, подготовке или совершению действий, направленных на: ...

- возбуждение расовой, национальной или религиозной розни, а также социальной розни, связанной с насилием или призывами к насилию;

- унижение национального достоинства;

- провоцирование массовых беспорядков, совершение хулиганских действий или актов вандализма по мотивам идеологической, политической, расовой, национальной или религиозной ненависти либо вражды, а равно по мотивам ненависти либо вражды в отношении какой-либо социальной группы;

- пропаганду исключительности, превосходства или неполноценности граждан по признаку их отношения к религии либо расы, национальности, этнического происхождения, языка, религии, пола, взглядов, политической принадлежности, имущественного положения или социального происхождения».

Список «признаков» в последнем пункте — самый широкий и включает такие необычные в контексте утверждения исключительности признаки, как взгляды и политическая принадлежность.

Зато перечень экстремистских отягчающих обстоятельств для преступлений довольно стандартный — *«на почве социальной, национальной, расовой либо религиозной ненависти»*. Социальная ненависть, судя по определению экстремистской деятельности в целом, понимается как относящаяся к различиям в имущественном положении или социальном происхождении.

Примечательно, что иные групповые признаки (по полу, взглядам и т.д.), фигурирующие в определении, не нашли никакого отражения в УК, так что соответствующие нарушения закона «О противодействии экстремистской деятельности» могут влечь санкции для организаций и СМИ, но не для отдельных людей.

§ 4. Казахстан

Украина и постсоветские государства Кавказа не имеют специального антиэкстремистского законодательства. Так что мы географически сразу переходим к странам Центральной Азии, для которых основной мотивацией принятия и использования такого законодательства была угроза радикального политического ислама. Конечно, об этой угрозе отнюдь не забывают и в России, но все же понятие «религиозного экстремизма», как уже говорилось, непосредственно в законодательстве не отражено.

Из стран Центральной Азии только Туркменистан не входит в Шанхайскую организацию сотрудничества и не имеет антиэкстремистского законодательства. Слово «экстремизм» встречается в законах, но во второстепенных фразах¹²⁴.

В Казахстане закон «О противодействии экстремизму» был принят в 2005 году. И он, в отличие от российского закона, не содержит никакого списка, а прямо классифицирует экстремизм по его идейным параметрам. Экстремизм определяется в ч. 5 ст. 1 закона как действия, направленные на следующие цели:

«насильственное изменение конституционного строя, нарушение суверенитета Республики Казахстан, целостности, неприкосновенности и неотчуждаемости ее территории, подрыв национальной безопасности и обороноспособности государства, насильственный захват власти или насильственное удержание власти, создание, руководство и участие в незаконном военизированном формировании, организация вооруженного мятежа и участие в нем, разжигание социальной, сословной розни (политический экстремизм);

разжигание расовой, национальной и родовой розни, в том числе связанной с насилием или призывами к насилию (национальный экстремизм);

разжигание религиозной вражды или розни, в том числе связанной с насилием или призывами к насилию, а также применение любой религиозной практики, вызывающей угрозу безопасности, жизни, здоровью, нравственности или правам и свободам граждан (религиозный экстремизм)».

Стоит добавить, что призывы к террористической деятельности фактически уравниваются с призывами к деятельности экстремистской, то же относится и к содействию (ст. 233-3 «Финансирование террористической или экстремистской деятельности и иное пособничество

¹²⁴ В ст. 5 закона «О свободе вероисповедания и религиозных организациях» говорится, что государство «не допускает проявления религиозного или иного фанатизма и экстремизма», а в подпункте 2.4 ст. 16 закона «О борьбе с терроризмом» говорится, что «не допускается распространение информации ... служащей пропаганде или оправданию терроризма и экстремизма».

Уголовные нормы Туркменистана, касающиеся преступлений ненависти, аналогичны казахстанским (но нет признака родовой вражды), а статья о языке вражды скорее похожа на старую российскую. А вот квалифицированные по мотиву ненависти акты вандализма в УК отсутствуют.

терроризму либо экстремизму»). Имеются и статьи УК об организованной деятельности экстремистского толка и о продолжении деятельности запрещенной организации (см. подробнее в следующей главе). Казахстан, как и Россия, поддерживает список запрещенных информационных материалов, хотя он все же значительно короче.

Обращают на себя внимание несколько аспектов этого определения, особенно если сравнить его с Уголовным кодексом.

Во-первых, конфликтологическая терминология этого определения: речь везде идет о «разжигании розни», а не о «возбуждении ненависти» и тем более не о «публичных призывах». В законе «О национальной безопасности», принятом в начале 2012 года, специально оговорено: запрещены не только призывы к экстремизму, но и призывы к «использованию существующих конфессиональных различий и разных религиозных воззрений в политических, экстремистских и террористических целях» (п. 2.4 ст. 21). Но в ст. 164 УК («Возбуждение социальной, национальной, родовой, расовой или религиозной вражды») речь идет о более конкретных, пусть и не всегда вполне определенных, вещах. Состав этой статьи включает широкий спектр криминализуемых высказываний:

«Умышленные действия, направленные на возбуждение социальной, национальной, родовой, расовой, религиозной вражды или розни, на оскорбление национальной чести и достоинства либо религиозных чувств граждан, а равно пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности граждан по признаку их отношения к религии, сословной, национальной, родовой или расовой принадлежности, если эти деяния совершены публично или с использованием средств массовой информации, а равно путем распространения литературы и иных носителей информации, пропагандирующих социальную, национальную, расовую, религиозную вражду или рознь».

Во-вторых, мы сталкиваемся с актуальной для Казахстана родовой рознью. Она отчасти отражена и в Уголовном кодексе, где ее следует отличать от более узконаправленного мотива кровной мести.

В-третьих, в отличие от формулировки аналогичной российской статьи УК, объектом защиты ст. 164 УК являются не только сами люди в связи с их отношением к той или иной группе, но и такие объективированные законом категории, как «национальная честь и достоинство» и «религиозные чувства».

В-четвертых, в ст. 164 УК упоминаются «социальная рознь», но пропаганда исключительности и т.п. предусмотрена по сословному

признаку. Можно было бы предположить, что слова «социальный» и «сословный» означают в контексте ст. 164 УК одно и то же, но это не так, так как в определении экстремизма они даны через запятую.

В-пятых, понимание религиозного экстремизма включает не только «разжигание религиозной вражды или розни», но и религиозную практику, наносящую тот или иной ущерб гражданам. Для сравнения, в России такие практики также запрещены в законе «О свободе совести и религиозных объединениях» и на риторическом уровне зачастую относятся к «религиозному экстремизму», но не включены в определение экстремистской деятельности. А вот в Казахстане этот пункт, исторически возникший как инструмент противодействия новым религиозным движениям, в определение экстремизма включен.

В-шестых, применение насилия упоминается в определении экстремизма как возможный, но не обязательный признак последнего. Одновременно в ч. 2 ст. 2 закона говорится, что международные договоры имеют приоритет перед текстом закона, что относится, несомненно, и к Шанхайской конвенции. В ней определение экстремизма (см. выше) включает насилие как обязательный признак, но не похоже, чтобы это более узкое понимание как-то сказывалось на правоприменительной практике Казахстана.

В-седьмых, формулировки определения построены таким образом, что нельзя понять, являются ли собственно преступления ненависти экстремистскими деяниями, если они не направлены на разжигание розни. Видимо, законодатель полагает, что такая направленность им имманентна.

§ 5. Узбекистан

В Узбекистане законодательное определение экстремизма отсутствует. Можно было бы предположить, что для Узбекистана действительно определение, данное в Шанхайской конвенции, но скорее следует предполагать, что Узбекистан, как и Россия, понимает экстремизм шире, чем эта декларация.

В силу особенностей политической ситуации в стране для властей актуален именно термин «религиозный экстремизм». В законодательстве он вполне определенно присутствует, хотя и не определяется. Представление о его значении можно почерпнуть из очень жесткой ст. 5 закона «О свободе совести и религиозных организациях»:

«Государство способствует установлению взаимной терпимости и уважения между гражданами, исповедующими различные религии и не исповедующими их, между религиозными организациями различных вероисповеданий, не допускает религиозного и иного

фанатизма и экстремизма, действий, направленных на противопоставление и обострение отношений, разжигание вражды между различными конфессиями.

Государство поддерживает мир и согласие между религиозными конфессиями. Запрещаются действия, направленные на обращение верующих одной конфессии в другие (прозелитизм), а также любая другая миссионерская деятельность. Лица, виновные в нарушении этого правила, несут ответственность, установленную законодательством.

... Недопустимо использование религии в целях антигосударственной, антиконституционной пропаганды, возбуждение вражды, ненависти, межнациональной розни, нарушения нравственных устоев и гражданского согласия, распространения клеветнических, дестабилизирующих обстановку измышлений, создания паники среди населения и совершения иных действий, направленных против государства, общества и личности. Запрещается деятельность религиозных организаций, течений, сект и других, способствующих терроризму, наркобизнесу и организованной преступности, а также преследующих другие корыстные цели.

Любые попытки оказывать давление на органы государственной власти и управления, должностных лиц, а также нелегальная религиозная деятельность пресекаются законом».

При таком особом внимании к «религиозному экстремизму» удивительно, что мотив религиозной ненависти не упомянут ни как общееотягчающее обстоятельство, ни как квалифицирующий признак¹²⁵ в УК; в них имеются только мотивы расовой и этнической ненависти.

Зато ст.ст. 216 и 2161 УК о незаконной деятельности организаций (в том числе, очевидно, и запрещенных как экстремистские) явно охватывают и тему «религиозного экстремизма»; особенно введенная позже ст. 2161, в которой говорится о «общественных объединениях и религиозных организациях, течениях, сектах». Впрочем, существует также отдельная, и более строгая, ст. 244² «Создание, руководство, участие в религиозных экстремистских, сепаратистских, фундаменталистских или иных запрещенных организациях».

Понимание экстремизма в приведенном выше фрагменте получило отражение в ст. 244¹ «Изготовление или распространение материалов, содержащих угрозу общественной безопасности и общественному порядку». Наказуемо

¹²⁵ Встречается квалифицирующий мотив «из религиозных предрассудков», но непонятно, можно ли его считать мотивом ненависти.

«распространение в любой форме сведений и материалов, содержащих идеи религиозного экстремизма, сепаратизма и фундаментализма, призывы к погромам или насильственному выселению граждан либо направленным на создание паники среди населения, а равно использование религии в целях нарушения гражданского согласия, распространения клеветнических, дестабилизирующих обстановку измышлений и совершения иных деяний, направленных против установленных правил поведения в обществе и общественной безопасности».

Изготовление или хранение с целью распространения материалов, содержащих такие идеи, наказывается несколько мягче и только *«после применения административного взыскания за такие же действия»*¹²⁶. Примечателен крайне неопределенный язык этой статьи. Например, непонятно, о каких «установленных правилах поведения в обществе» идет речь. А термин «фундаментализм» не имеет определенного законом значения, зато вокруг него ведутся бурные дискуссии в науке.

Возбуждение ненависти, язык вражды, а также дискриминация охвачены другой статьей — ст. 156, которая в части, относящейся к высказываниям, напоминает соответствующую статью УК Казахстана (см. выше). Основная формулировка:

«Умышленные действия, унижающие национальную честь и достоинство, оскорбляющие чувства граждан в связи с их религиозным или атеистическим убеждением, совершенные с целью возбуждения вражды, нетерпимости или розни к группам населения по национальным, расовым, этническим или религиозным признакам».

Изготовление и хранение материалов, возбуждающих вражду, наказывается мягче и тоже только после административного взыскания. Обращает на себя внимание рядоположение «национального» и «этнического», встречающееся и в Туркменистане. Но главная особенность, не характерная для постсоветского пространства, — равная защита чувств граждан *«в связи с их религиозным или атеистическим убеждением»* (в отличие от составов преступлений возбуждения ненависти: они обычно сформулированы так, что предполагают и вариант неверия, а иногда это и явно оговаривается).

Вандализм по мотиву ненависти в УК Узбекистана не встречается, как и в Туркменистане.

¹²⁶ Такая оговорка присутствует в целом ряде статей УК Узбекистана.

§ 6. Таджикистан

Закон «О борьбе с экстремизмом» действует в Таджикистане с 2003 года, то есть он был принят через шесть лет после того, как кровопролитнейшая гражданская война завершилась формированием коалиционного правительства с участием проигравших ту войну радикальных исламистов. Такой политический бэкграунд совершенно уникален на пространстве ОБСЕ. Но нельзя сказать, что этот уникальный бэкграунд породил какое-то своеобразное законодательство в интересующей нас сфере.

Определения экстремизма и экстремистской деятельности в законе различны. Деятельность определяется списком, очень сходным с тем, что фигурирует в старом российском определении; и в нынешнем белорусском (см выше; только отсутствует понятие экстремистской символики); включено также понятие экстремистских материалов. Но вот собственно экстремизм определяется только как *«крайние формы действий, призывающих к дестабилизации, изменению конституционного строя в стране, захвату власти и присвоению ее полномочий, разжиганию расовой, национальной, социальной и религиозной вражды»*. С одной стороны, здесь можно усмотреть попытку родового определения через понятие «крайности», с другой стороны, это определение экстремизма больше похоже на один из пунктов определения экстремистской деятельности — публичные призывы к прочим видам этой же деятельности.

Специфика таджикской ситуации отразилась в наличии таких редких мотивов ненависти, как «религиозный фанатизм» и «местная вражда», то есть вражда по региональному признаку (п. «е» ст. 62 УК). Интересно, что в качестве квалифицирующего признака «религиозный фанатизм» уже не присутствует, хотя остается «местническая» вражда (что в переводе УК явно означает вражду по признаку региона проживания или рождения, а не вражду за служебные места, согласно исходному значению этого русского слова), и добавляется кровная месть, которая, пожалуй, имеет косвенное отношение и к межрегиональной вражде и вообще к последствиям гражданской войны, но все же является отдельной проблемой. Квалифицирующий признак присутствует в целом ряде статей.

«Местная вражда» присутствует и в определении возбуждения ненависти и языка вражды (ст. 189 УК). Эта статья примечательна также своими квалифицирующими признаками, помимо тех, что аналогичны ст. 282 УК России. Особо серьезное наказание ждет подстрекателей к не-

ненависти, если в результате кто-то погиб (п. «б» ч. 3 статьи) или даже был выселен (п. «в» там же).

Определение «экстремистских материалов» в Таджикистане несколько более функционально, чем российское: к таковым отнесены «официальные материалы запрещенных экстремистских организаций» и «материалы, авторами которых являются лица, осужденные в соответствии с международно-правовыми актами за преступления против мира и человечества и содержащие признаки экстремизма» (что явно адекватнее российской невнятной отсылки к лидерам германской нацистской и итальянской фашистской партий). Конечно, неопределенность таких понятий, как, например, «пропаганда превосходства... по признаку отношения к религии» или «возбуждение национальной розни», остается, но в Таджикистане хотя бы применительно к «возбуждению социальной розни» сохранилась оговорка «связанной с насилием или призывами к насилию», удаленная из российского определения в 2007 году.

Запреты, связанные с материалами, признанными ранее экстремистскими или просто содержащими элементы, относимые к определению экстремистской деятельности, не жесткие, но критерий массовости распространения отсутствует. Состав ст. 374 Кодекса Республики Таджикистан об административных правонарушениях «Изготовление, хранение, ввоз, перевозка и распространение на территории Республики Таджикистан запрещенной продукции средств массовой информации, иной запрещенной печатной продукции» довольно пестрый:

«Изготовление, хранение, ввоз, перевозка и распространение на территории Республики Таджикистан продукции средств массовой информации, содержащей сведения и материалы, направленные на пропаганду или агитацию насильственного изменения конституционного строя, нарушения целостности и государственного суверенитета, подрыва безопасности государства, войны, разжигания социальной, расовой, национальной, религиозной розни, культа жестокости, насилия и порнографии, оправдание терроризма и экстремизма, распространение сведений, представляющих государственную тайну, а также демонстрация кино- и видео продукции порнографического и специального сексуально-эротического характера, а равно иной запрещенной печатной продукции при отсутствии признаков преступления».

В КоАП Таджикистана есть и еще одно правонарушение, по содержанию очень сходное с криминализованным языком вражды. Ч. 2 ст. 462 «Нарушение тишины» неожиданно предусматривает такой состав:

«Воспроизведение дисков, кассет и других технических средств, содержащих записи религиозно-экстремистского и (или) оскорбляющего характера, на улицах и проспектах, площадях, рынках, торговых центрах, в парках и на пляжах, в транспортных средствах и других общественных местах».

Определение «религиозно-экстремистского характера» не дается, но можно понять, что речь идет о связанных с религией высказываниях, относимых к экстремистской деятельности.

Наконец, в УК, кроме статей об «экстремистском сообществе» и о продолжении деятельности запрещенной за экстремизм организации, сходных с российскими, есть и специфическая статья, криминализирующая «экстремистское» религиозное обучение (см. об этом подробнее в главке о запрете организаций).

§ 7. Кыргызстан

Закон Кыргызстана «О противодействии экстремистской деятельности» 2005 года не только в названии, но и в определении этой деятельности, и во всем тексте практически копирует российский закон того времени, и, тем самым, почти совпадает с определением в законе Беларуси (см. выше).

Уголовное законодательство подверглось лишь частичному воздействию антиэкстремистского законодательства по сравнению с законодательством советского времени. Мотив ненависти не является общим отягчающим обстоятельством. Квалифицирующим признаком он является, в формулировке «на почве межнациональной или расовой либо религиозной ненависти или вражды», только для убийства.

Статья УК о возбуждении ненависти и вражды к разновидностям вражды добавляет еще «межрегиональную», весьма актуальную в Кыргызстане. Далее формулировка статьи во всем повторяет формулировку российской ст. 282 УК, но добавляется еще один квалифицирующий признак: совершение преступления человеком, «ранее судимым за преступления экстремистского характера (экстремистскую деятельность)». При этом определения «преступлений экстремистского характера» УК Кыргызстана, в отличие от российского, не дает, но можно предположить, что к ним могут быть отнесены преступления, состав которых сходен с элементами определения экстремистской деятельности, то есть, в интересующей нас сфере — само возбуждение ненависти, распространение соответствующих материалов, убийство по мотиву ненависти, участие в экстремистской организации.

Правда, понятия экстремистской организации УК Кыргызстана не знает, а знает более узкое — «организованная деятельность, направлен-

ная на возбуждение национальной, расовой, религиозной или межрегиональной вражды». Ст. 299¹ УК криминализует создание и руководство организаций, которая возбуждает вражду (ч. 1), а заодно криминализует руководство (ч. 2) и участие (ч. 3) в организации, запрещенной за экстремистскую деятельность (и в Кыргызстане несколько организаций, исключительно исламистских, действительно запрещены¹²⁷).

Ст. 299² УК предполагает весьма суровые санкции за распространение экстремистских материалов (также определяемых аналогично первоначальной версии российского закона) и за публичную демонстрацию символики запрещенных за экстремизм организаций — до пяти лет лишения свободы и даже до десяти лет при наличии целого ряда квалифицирующих признаков, включая *«использование финансовой или иной материальной помощи, полученной от иностранных, общественных объединений и религиозных организаций либо иных организаций, а также иностранных граждан»*.

Законодательство Кыргызстана знает, в отличие от российского, понятие «религиозного экстремизма», хотя определение ему не дается. В ст. 1 закона «О свободе вероисповедания и религиозных организациях» сказано, что власти проводят политику *«для обеспечения защиты общественного порядка, духовной безопасности, территориальной целостности и конституционного строя от религиозного экстремизма»*.

Аналогично, без определений в этом законе вводятся смежные в политологическом смысле термины. В ст. 5 встречается фраза, что государство *«не допускает религиозного радикализма и экстремизма, действий, направленных на противопоставление и обострение отношений, разжигание религиозной вражды»*. «Радикализм», в отличие от «экстремизма», остается вовсе без определения, и отличие их неясно, более того, непонятно, как они соотносятся с теми явлениями, которые в этой фразе перечисляются далее. Весьма неоднозначный термин «фундаментализм» просто возникает через запятую во фразе *«идеи религиозного экстремизма, сепаратизма и фундаментализма»*, которая встречается в пп. 8 и 9 ст. 22 закона, касающихся запрета распространения, ввоза, изготовления соответствующих материалов.

§ 8. За пределами бывшего СССР

В Словакии Уголовный кодекс оперирует термином «экстремистское преступление» следующим образом: в ст. 129 УК о групповой преступности «экстремистская группа» определяется как группа не менее чем из трех

¹²⁷ См. их обновляемый список на сайте Антитеррористического центра (<http://www.atc.kg/doc/zkr/8/>).

лиц, объединившихся для совершения «экстремистского преступления». Членство в такой группе является квалифицирующим признаком для таких преступлений, как поддержка группы, чья деятельность направлена против фундаментальных прав и свобод (ст. 421), и возбуждение ненависти (ст. 424). Криминализовано также производство (ст. 422а), распространение (ст. 422b) и даже хранение (ст. 422с) «экстремистских материалов». Само понятие «экстремизм» в законе не определено, зато в п. 7 ст. 130 УК есть развернутое определение «экстремистских материалов», которое дает ясное представление о том, как следует понимать «экстремизм»: это понятие включает подавление фундаментальных прав и свобод, возбуждение ненависти, призывы к насилию и дискриминации по ряду признаков, отрицание и оправдание преступлений против человечности, как они определены в решениях международных трибуналов. В сущности, аналогично, через отсылки к соответствующим статьям УК, определяется, в ст. 140а, «экстремистское преступление»¹²⁸.

И, разумеется, термин «экстремизм» может использоваться как учетное и аналитическое, а не правовое, понятие — в том числе и при организации работы правоохранительных органов. Этот подход уже не следует относить к категории антиэкстремистского законодательства, так как использование тех или иных аналитических категорий, в том числе политологических, не порождает никакого специфического законодательства.

В Германии существует механизм защиты конституционного строя, включающий запрет организаций, чья деятельность явно направлена на свержение этого строя и наблюдение за другими группами, подозреваемыми в таких же намерениях. Они и учитываются как экстремистские. Можно даже сказать, что Германии политологический термин «экстремизм» в некотором роде подменяет понятие преступлений ненависти, и

¹²⁸ Полное определение: *«Преступления экстремистской направленности»*.

Преступлениями экстремистской направленности являются такие преступления, как поддержка и продвижение групп, деятельность которых направлена на подавление основных прав и свобод в соответствии с §§ 421 и 422, производство экстремистских материалов в соответствии с § 422А, распространение экстремистских материалов в соответствии с § 422В, владение экстремистскими материалами в соответствии с § 422С, одобрение или отрицание Холокоста и преступлений политических режимов в соответствии с § 422D, диффамация нации, расы и убеждений в соответствии с § 423, любое подстрекательство к национальной, расовой и этнической ненависти в соответствии с § 424, подстрекательство, клевета и угрозы в отношении лиц любой расы, гражданства, национальности, цвета кожи, этнического происхождения или пола в соответствии с § 424А, а также преступление, имеющее специальный мотив в соответствии с пп. (D) и (F) § 140».

последнее в законодательстве представлено в очень ослабленной форме¹²⁹ (см. в главе о преступлениях ненависти).

В Чехии законодательство о преступлениях ненависти развито очень хорошо, а понятие «экстремизм» используется только как аналитическое для организации противодействия определенным категориям криминальной деятельности, хотя в Министерстве внутренних дел прекрасно понимают, что не все, что описывается данным политологическим понятием, является преступлением. Под экстремизмом понимается явно идеологическая деятельность, направленная против конституционных основ демократического строя Чехии (включая равноправие и защиту меньшинств) и явно отклоняющаяся от принципов конституционности и верховенства права¹³⁰. Мониторинговый механизм с 2011 года даже больше настроен на группировки, склонные к преступлениям ненависти и тому подобным действиям. Но все равно при этом остается проблема соотношения мониторинга связанных, но различных категорий преступлений — политически мотивированных и расистски мотивированных¹³¹.

4. Законы против группировок

Преступления, описанные в предыдущих главах, могут совершаться в организованных группировках, то есть сами эти группы в той или иной степени нацелены на совершение этих преступлений. Бывает даже, что это не просто группировки, а довольно большие и имеющие официальную регистрацию организации, недавний крупномасштабный пример — парламентская партия «Золотая заря» в Греции.

Несомненно, более существенная угроза, вытекающая из организованного характера преступной деятельности, требует соответствующей реакции, в том числе на уровне законодательства. И такая реакция представлена во всех странах, но в разной форме.

¹²⁹ Glet Alke. The German Hate Crime Concept: An Account of the Classification and Registration of Bias-Motivated Offences and the Implementation of the Hate Crime Model Into Germany's Law Enforcement System // The Internet Journal of Criminology. 2009 (http://www.internetjournalofcriminology.com/Glet_German_Hate_Crime_Concept_Nov_09.pdf).

¹³⁰ Полностью определение можно прочесть, например, в: Extremism and its Development in the Czech Republic in 2001. Resolution of the Government of the Czech Republic // Web-site of the Ministry of Interior of the Czech Republic (<http://www.mvcr.cz/mvcren/file/extremism-and-its-development-in-the-czech-republic-in-2001-pdf.aspx>). P. 1–3.

¹³¹ Kalibova Klara. Zpráva o n sil z nen visti v esk republice pro rok 2011. Prague: In IUSTITIA, 2012. P. 26–27.

Как минимум, любое уголовное законодательство включает, с некоторыми вариациями, две нормы. Первая — совершение преступления в группе является обычноотягчающим обстоятельством. Вторая — создание сообщества, ориентированного на совершение преступлений, и участие в таком преступно само по себе. Правда, вторая норма может относиться не ко всем преступлениям, а к наиболее опасным их категориям. Сюда же, видимо, можно отнести законы против террористических группировок. Все эти нормы лежат вне рамок моего исследования, меня интересуют лишь нормы, прямо или почти прямо ориентированные на противодействие преступлениям ненависти, возбуждению ненависти и языку вражды.

Многие страны запрещают создание организаций, выступающих за насильственное свержение правительства, насильственную сецессию части территории, возбуждение расовой или иной ненависти и т.д. Эти запреты носят гражданско-правовой характер, то есть влекут отказ в регистрации или лишение таковой. Но остается открытым вопрос об уголовном преследовании лидеров и активистов, и решается он в разных странах по-разному, а во многих такие гражданско-правовые запреты вовсе не влекут никаких уголовных санкций.

Законодательство такого рода изначально относилось к категории «политических преступлений» и, соответственно, претерпело весьма значительные метаморфозы за десятилетия утверждения принципов либеральной демократии и прав человека — если не в политической реальности, то хотя бы в законодательной рамке стран ОБСЕ.

В Турции действует принятое еще до Первой мировой войны законодательство, криминализирующее участие в запрещенных организациях, и поправки, прямо относящиеся к интересующим нас аспектам деятельности, в это законодательство не вносились. Турецкое законодательство, в отличие от законов об организованной преступности, явно было изначально ориентировано на те или иные антиправительственные группировки, следовательно, и до сих пор может применяться против различных идеологизированных преступных сообществ. Но случай Турции явно исключительный.

В целом, возможны два основных подхода. Первый формулирует определенную политико-правовую рамку, как это сделано, в частности, в национальных законодательствах о противодействии экстремизму, рассмотренных в предыдущей главе, и в этой рамке легко формулируется состав преступления, касающийся организованной преступной деятельности. То же относится к послевоенным антифашистским законам. Второй подход выделяет какие-то типы преступлений не по

критерию их тяжести, а по содержанию, например, преступления ненависти или дискриминация, рассматривает такие преступления как заслуживающие особо активного противодействия и криминализует в связи с этим соответствующую организованную преступную деятельность. Именно в таком порядке я буду рассматривать далее национальные законодательства.

§ 1. Идеологические законы

Законы против возрождения нацистских и фашистских движений были неотъемлемой частью процесса денацификации. Антифашистский и антимонархический закон был принят в 1947 году в Италии, но с 1993 года идеологическое законодательство было заменено на более современное (см. ниже).

В наиболее чистом виде антинацистское законодательство сохранилось в Австрии. Законом от 8 мая 1945 г. запрещены любые действия, направленные на воссоздание НСДАП. Это законодательство с тех пор несколько раз модифицировалось и расширялось, чтобы избежать воссоздания организованного национал-социализма в любой форме. Формулировки используются весьма широкие: среди прочего, запрещается оправдание преступлений нацизма и любые действия «в духе национал-социализма». Длительный срок лишения свободы грозит тому, кто попытается «создать объединение, целью которого является посредством деятельности в духе национал-социализма ... подрывать общественный порядок», как-либо помогать такому объединению, а также вступит в сговор с целью совершения убийств, взрывов или поджогов, действуя «в духе национал-социализма»¹³². Конечно, определение «духа национал-социализма» остается за судом, но, чем больше времени проходит с 1945 года, тем дальше от исходных гитлеристских идей могут уйти группировки, ориентированные на «подрыв общественного порядка», в том числе и ультраправые. Поэтому антифашистское законодательство в таком виде рискует просто устареть.

В Португалии после падения режима Салазара также возникло антифашистское законодательство, но применительно к этому режиму термин «фашизм» применялся уже как аналитический или оценочный, а не был всем понятным самоопределением, как в Италии (и как «национал-социализм»

в Германии и Австрии). Поэтому потребовалось дать в законе определение. В португальском законе 1978 года сказано:

«... фашистскими считаются организации, которые в своих уставах, манифестах, сообщениях и заявлениях руководящих и ответственных деятелей, а также в своей деятельности открыто придерживаются, защищают, стремятся распространять и действительно распространяют принципы, учения, установки и методы, присущие известным истории фашистским режимам, а именно: ведут пропаганду войны, насилия как формы политической борьбы, колониализма, расизма, корпоративизма и превозносят видных фашистских деятелей»¹³³.

Так, определяемые организации запрещаются Верховным судом, а люди, занимавшие в них руководящие посты, должны быть осуждены на сроки от 2 до 8 лет. Преступными считаются сами по себе любые насильственные действия, осуществляемые в рамках фашистских организаций. Тот же закон криминализует попытки возобновить деятельность организации в любом виде или просто не подчиниться решению Верховного суда о роспуске организации.

К португальскому закону могут быть обращены те же претензии, что и к австрийскому.

Можно было ожидать, что с падением коммунистических режимов в конце 80-х и начале 90-х годов аналогичное законодательство может возникнуть на востоке Европы. Но антикоммунистические нормы проникли в уголовное право лишь в некоторых странах, не сразу и в ином виде, хотя политических деклараций, принципиально уравнивающих коммунистическую и фашистскую опасность, было сделано достаточно.

Центральноевропейские законы криминализуют скорее публичные выступления в пользу фашистских и коммунистических идеологий, а не сами соответствующие идеологии. Отчасти это проявилось в законах об «историческом ревизионизме» (см. выше в соответствующей главе) — в законах Чехии, Литвы, Венгрии, в которых упомянуты преступления коммунистов. В двух странах это проявилось в законах о языке вражды, о чем уже также говорилось выше. Венгерский УК, вступивший в силу в 2013 году, содержит ст. 335, запрещающую публичное использование символики исторически значимых для Венгрии репрессивных режимов — нацистского, коммунистического и режима Хорти, но с некоторыми

¹³² Антифашистские законы Австрии цитируются по главе, написанной И.А. Ледях, в: Зарубежное законодательство против фашизма // Бюллетень Фонда «Антифашист» № 4.

¹³³ Закон 1978 года полностью воспроизведен в: Португалия: Конституция и законодательные акты. М.: Прогресс, 1979. С. 205–209.

ограничениями. В Польше соответствующая статья УК называется «Продвижение фашизма или иной тоталитарной системы» и состав дополнен соответственно.

А вот в Румынии понятие «пропаганда в пользу тоталитарного государства» разворачивается только в сторону фашизма и связанных с ним явлений. Согласно Экстремному ордонансу от 13 марта 2002 г. запрещены могут быть организации (а также распространение символики, если она не используется в образовательных, культурных и т.д. целях), выступающие за идеи фашизма, расизма и ксенофобии, а заодно — направленных на насильственное изменение конституционного строя и демократических институтов, но этот мотив не находит дальнейшего развития. Уголовным преступлением является *«систематическое распространение с помощью каких-либо средств идей, концепций или доктрин, призывающих к созданию тоталитарного государства, в том числе подстрекающих к убийству лиц, которые объявляются принадлежащими к низшей расе»*, а также организационная деятельность такого толка и *«популяризация убеждений лиц, виновных в совершении преступлений против мира и человечности»*.

Сравнительно новая (точнее, хорошо забытая старая) угроза политического радикализма, связанного с религией, дает основания создавать новое идеологизированное законодательство.

Де-факто оно может быть направлено сейчас только против радикального политического ислама, но сформулировать это прямо не позволяют современные представления о недискриминации, поэтому должны использоваться другие термины. Впрочем, и с религиозно нейтральными терминами такого рода нормы появились только на постсоветском пространстве. Речь идет о таких терминах, как «религиозный экстремизм» или «фундаментализм».

Большинство этих норм принято в странах, в которых действует антиэкстремистское законодательство (см. в предыдущей главе и ниже), но не только в них, поэтому прямой связи между этими двумя подходами нет.

Важно, что только Казахстан в своем антиэкстремистском законе дает определение «религиозного экстремизма». Правда, при этом явным образом смешиваются политические и все иные крайности или нежелательные для общества практики, связанные с религией (см. в предыдущей главе). Таким образом, казахстанские статьи против организованной деятельности, соотносимой с «религиозным экстремизмом», далеко выходят за рамки данного исследования.

В других странах этого типа определений в законах просто нет, хотя используются термины, явно не имеющие однозначного понимания.

В Узбекистане в разных законах речь идет о *«религиозном и ином фанатизме и экстремизме»* и об *«идеях религиозного экстремизма, сепаратизма и фундаментализма»* (поскольку сепаратизм может быть и не религиозный, фундаментализм в этой фразе тоже может оказаться не связанным с религией), в Таджикистане группировки и материалы могут быть *«религиозно-экстремистского характера»*, в Кыргызстане предусмотрена защита *«духовной безопасности... от религиозного экстремизма»*.

Иная ситуация — в Армении и Азербайджане. Эти страны не имеют антиэкстремистского законодательства, но также озабочены угрозой радикальной политизации религии. Поэтому одним из общих мотивов, являющихся отягчающими и определяющими преступления ненависти, является мотив религиозного фанатизма. Но никакого аналога этой правовой новелле нет в законах о возбуждении ненависти и языке вражды. В них сохраняются типовые формулировки о религиозной вражде. Из стран с антиэкстремистским законодательством мотив религиозного фанатизма в нормах о преступлениях ненависти представлен только в Таджикистане.

§ 2. Антиэкстремистские законы

Эти законы уже были рассмотрены в предыдущей главе, что позволяет в этом параграфе кратко суммировать то, что относится к уголовному преследованию за участие в соответствующих группировках.

Определения экстремизма в разных странах разнятся, но везде оставляют довольно широкие (во многих случаях — слишком широкие) пределы судебного усмотрения. При этом используются два разных подхода к криминализации экстремистских группировок, и образцом для обоих служит российское законодательство, первое по времени. Ст. 282¹ УК РФ криминализует участие в группе, чья деятельность направлена на совершение преступлений, которые соответствуют определению экстремизма, то есть расширяют на эти преступления тот же подход, который применим к организованным преступным сообществам, то есть группам, нацеленным на совершение тяжких и особо тяжких преступлений. Ст. 282² связана с гражданско-правовой нормой о запрете деятельности организации за экстремистскую деятельность. Сам по себе запрет не влечет никакого уголовного преследования (то есть параллельно оно возможно, но не обязательно для запрета), зато продолжение деятельности запрещенной организации является преступлением. Закон не оговаривает, что именно должно считаться продолжением деятельности организации, а что, например, просто продолжением личной активно-

сти человека, ранее в ней состоявшего (и вряд ли сильно поменявшего взгляды), что создает значительные проблемы при правоприменении (собственно, те же самые, что возникают и при других упоминавшихся выше способах запрета организаций)¹³⁴.

В других странах СНГ, усвоивших этот российский опыт, нормы могут строиться по-разному. В одних есть аналоги и ст. 282¹ и ст. 282² (Казахстан, Таджикистан, в каком-то смысле Узбекистан и Кыргызстан, см. ниже), в других таких норм вовсе нет (Беларусь, Молдова).

В одних странах они, как и в России, прямо отсылают к определению экстремизма, в других — в соответствующих статьях УК дается собственное описание того, какая именно организованная деятельность является криминальной.

В Казахстане статья о продолжении деятельности запрещенной организации отсылает к определению экстремизма, а вот организованная экстремистская деятельность так не называется и добавлена в традиционную для постсоветского пространства статью о деятельности религиозного объединения, наносящего ущерб гражданам или ведущего какую-то иную противозаконную деятельность; при этом перечень видов деятельности в этой статье УК не вполне совпадает с определением экстремизма (см. в предыдущей главке).

В Кыргызстане обе нормы объединены в одной статье, но при этом, на самом деле, вместо нормы об экстремистском сообществе сформулирована гораздо более узкая — криминализовано только участие в группировках, чья деятельность направлена на возбуждение ненависти и распространение языка вражды (нормы такого типа встречаются в ряде других стран, см. ниже).

В Таджикистане обе соответствующие российским статьи УК очень на них похожи, но есть еще и третья, специфичная именно для этой страны, в которой вооруженное противостояние с радикальными исламистами вспыхивало еще не раз и после окончания гражданской войны. Ст. 3074 УК Таджикистана называется «Организация учебы или учебной группы религиозно-экстремистского характера» и предполагает весьма суровые наказания, хотя понятие такой «учебной группы», судя по определению экстремизма, совершенно не обязательно предполагает что-то вроде обучения диверсионной или иной насильственной деятельности¹³⁵.

¹³⁴ Уже в 2014 году УК РФ пополнился ст. 282³ («Финансирование экстремистской деятельности»), но по существу она не привнесла ничего нового, так как финансирование и так могло преследоваться как форма соучастия.

¹³⁵ Сама по себе боевая подготовка с прицелом на совершение тех или иных противоправных действий (в отличие от военно-спортивных клубов) и без специальных норм может преследоваться как форма подготовки к совершению соответствующих преступлений. Но могут быть введены и специальные статьи в УК; так в России уже

В Узбекистане, который обходится без определения экстремизма, криминализовано отдельно участие в незаконных (видимо, в достаточно широком смысле слова) организациях и даже склонение к участию в таковых, а отдельно и гораздо строже — «участие в религиозных экстремистских, сепаратистских, фундаменталистских или иных запрещенных организациях». Формулировки статей звучат так, что предполагают судебный запрет организации как условие преследования ее членов, но де-факто это не требуется, так что эти статьи фактически работают вместо обеих российских.

§ 3. Запреты группировок по видам деятельности

И антиэкстремистские, и антифашистские, и антикоммунистические формулировки и подходы к интересующему нас законодательству являются попытками так или иначе обобщить противоправную деятельность как противостоящую фундаментальным политическим и гражданским ценностям общества. Все страны ОБСЕ хотя бы теоретически полагают при этом, что эти ценности имеют прямое отношение к правам человека, равноправию, демократии, что и зафиксировано в национальных конституциях. Соответственно, напрашивается идея формулировать менее политизированную рамку для преследования организованной противоправной деятельности в интересующей нас сфере.

По этому пути уже давно пошла Германия, формулирующая свое законодательство не как антинацистское, а как направленное против антиконституционных организаций. Верховный суд может запретить организацию за антиконституционную деятельность (и запретил уже некоторое количество, от НСДАП до Blood&Honor, в свое время в ФРГ была запрещена и компартия), и затем продолжение ее деятельности является преступлением согласно § 85 УК. Преступлением являются также пропаганда идей запрещенных организаций (§ 86) и использование их символики (§ 86a).

Надо отметить, что пропаганда идей неких организаций — не очень четкое понятие, так как, во-первых, сходные идеи могут иметь и другие, не запрещенные, организации, а во-вторых, даже простое обсуждение запрещенных идей может считаться их пропагандой. Для первой проблемы германский УК не знает решения, как, впрочем, и законодательство любой другой страны, но делает две важные оговорки. Во-первых, запрещено распространение материалов не только самой запрещенной организа-

в 2014 году появились ст. 205³ («Прохождение обучения в целях осуществления террористической деятельности») и ч. 4 ст. 212 («Подготовка к массовым беспорядкам»).

ции, но и такой, относительно которой установлено, что она заменяет запрещенную. Во-вторых, запрещаемой является только та пропаганда, которая *«направлена против свободного демократического строя или идеи взаимопонимания народов»*. Для решения второй проблемы § 86 содержит оговорку, что запрещена именно пропаганда против свободного демократического порядка или идей международного взаимопонимания, но не выступления, имеющие образовательные цели, развивающие искусство, науку, исследование и преподавание, сообщающие о современных или исторических событиях, и т.д.

Аналогичная оговорка содержится и в § 86а. Однако там отсутствует упоминание об использовании тех же символов в целях контрпропаганды. Это даже привело к преследованию антифашистских групп за изображения, включающие свастику (вроде известной пиктограммы, изображающей человека, выкидывающего свастику в помойку), но в 2007 году Верховный суд постановил, что таким образом § 86а применяться не может.

Германское законодательство принималось в стране с либерально-демократическим режимом. Но, в принципе, и старое законодательство о «политических преступлениях», как в Турции, может применяться сходным образом, если и когда режим в стране станет либерально-демократическим. И из этого можно сделать вывод, что такое законодательство, не будучи сформулированным в политических терминах, все же принципиально зависит от политического режима, так как не описывает конкретно, какого рода организованная деятельность запрещена.

Законодательство Чехии и Словакии в данной сфере тоже сформулировано как защищающее конституционные ценности, хотя буквально эти слова не используются, но формулировки — более определенные.

В Чехии ст. 403 УК криминализует создание и даже пропаганду организации, которая *«стремится к подавлению прав и свобод человека или прокламирует расовую, этническую, национальную, религиозную или классовую ненависть или ненависть к любой другой группе людей»*. Наказание весьма сурово — до 10 лет лишения свободы. Публичное выражение симпатий к такому движению тоже наказуемо, но все же до трех лет лишения свободы. Помимо этого, членство в объединении, которое *«прокламирует дискриминацию, насилие или расовую, этническую, классовую, религиозную и иную ненависть»*, является квалифицирующим признаком для возбуждения ненависти.

В Словакии преступна поддержка, включая пропагандистскую, *«группы или движения, которое, используя насилие, угрозу насилия или угрозу нанесения серьезного вреда, демонстративно стремится к по-*

давлению фундаментальных прав и свобод человека» (ст. 421 УК). Среди квалифицирующих признаков по этой статье — действия в составе экстремистского сообщества (см. об этом в главе об антиэкстремистских законодательствах) или в кризисной ситуации. Уголовно наказуемо также публичное выражение симпатии к таким группам, включая использование их символики или сходной с ней (ст. 422 УК). На мой взгляд, эти формулировки создают некоторую излишнюю сложность в соотношении группировок, описанных в ст. 421, и экстремистских сообществ, описанных в ст. 129 УК. Но в целом, надо сказать, что понимание экстремизма, данное через определение экстремистских материалов (в ст. 130 УК), совпадает с тем определением, которое процитировано выше из ст. 421, так что, наверное, в результате правоприменение оказывается последовательным.

Целый ряд стран определяет группировки, участие в которых уголовно наказуемо, не через широкий набор конституционных ценностей, а через одну такую ценность — равноправие. Соответственно, самый очевидный вариант такой криминализации участия в группировке связан с применением антидискриминационного законодательства.

Этот подход реализован в Греции, в законодательстве которой высказывания криминализованы именно в акте против дискриминации. Соответственно, преступно создавать организации, чья деятельность заключается в *«пропаганде или активности любого рода, включающей расовую дискриминацию»*, а также участвовать в них.

В Лихтенштейне ситуация схожая, так как криминализуется организационная деятельность, направленная на практику дискриминации и подстрекательство к ней, а не на преступления ненависти, и сделано это в рамках статьи УК, которая называется «Расовая дискриминация».

На Кипре в рамках антидискриминационного законодательства криминализовано участие в организации, *«способствующей организованной пропаганде или деятельности в любой форме, направленной на расовую дискриминацию»*.

В Литве формулировки УК очень близки, но список защищаемых признаков дан из определения соответствующего общего отягчающего обстоятельства для преступлений ненависти.

Как видим, уже эти нормы включают не только организованную дискриминацию, но и организованные публичные выступления в пользу дискриминации. Но нормы могут быть сформулированы и шире.

В Испании УК запрещает организации, которые *«продвигают дискриминацию, ненависть и насилие против групп, ассоциаций и индиви-*

дуумов» по ряду защищаемых признаков, «а также призывают к таким действиям». Даже подстрекательство к созданию такой организации и разговор с целью ее создания тоже наказуемы.

В Люксембурге криминализовано только участие в организации, которая публично выступает за дискриминацию, насилие или ненависть по набору защищаемых признаков, определенных в статье о таких выступлениях.

Интересно, что все перечисленные выше страны, чье законодательство против группировок основано на идее антидискриминации, не включают в определение преступной организованной деятельности собственно насильственные преступления.

Это сделано в Болгарии, в которой организация группы, нацеленной на пропаганду ненависти и дискриминации или на совершение насильственных действий по мотиву ненависти, влечет наказание от года до шести лет лишения свободы, а членство в ней — до трех лет.

И только в Грузии присутствует норма, сфокусированная только на насилии. Преступлением является само себе создание политической, религиозной или иной организации, чья деятельность включает насилие; преступно и участие в такой организации (ст. 252 УК). Следует отметить, что участие в такой группировке в других странах, вероятно, тоже сочли бы преступным, но только если это охватывается нормой о преступных сообществах, а такие нормы, как уже отмечалось, могут охватывать не все преступления, в том числе и не все насильственные.

Сравнительный анализ и рекомендации

1. Взаимосвязи по различным параметрам

§ 1. Постановка задачи

Теперь, когда все интересующие нас законы всех 57 стран ОБСЕ рассмотрены, можно попытаться поискать какие-то закономерности в распределении этих законов — как разные нормы сочетаются друг с другом. Разумеется, законы принимаются не случайным образом, поэтому рассмотрение этих сочетаний как корреляции разных параметров является довольно спорным методом. И все же я думаю, что в тех случаях, когда корреляция (этот термин следовало бы ставить в кавычках, но для сохранения читабельности этой главки я этого не делаю) имеет какое-то большое положительное или отрицательное значение, то есть какие-то пары норм или подходов заметно чаще среднего совпадают или наоборот, это может быть интересно.

Законодательства разных стран заметным образом зависят друг от друга: законодатели учитывают опыт релевантных для них стран. Большое значение имеет правовая традиция, что бросается в глаза при сравнении многих постсоветских или постюгославских законодательств. Легко предположить, что бурные потрясения XX века не только сильно повлияли на интересующие нас законы, но и влияние это весьма неравномерно. Но уже из предпринятого обзора очевидно, что события новейшей истории не предопределяют формулировки, используемые в этих законах: скажем, влияние гражданских войн 90-х годов часто очень заметно, но далеко не однородно по странам, затронутым этими войнами. Нередко соответствующие статьи кодексов радикально изменялись за последние 10–15 лет, что хорошо видно на примере переходов от политически сформулированных законов к законам, основанным в первую очередь на идее защиты равноправия, в том числе в рамках принятия комплексного антидискриминационного законодательства (например, в Бельгии). Впрочем, бывали перемены и другого рода: когда законодатель замечал, что законы о криминальных высказываниях, основанные на антидискриминационном законодательстве, оказались слишком широки, и несколько сужал их состав (например, в Хорватии).

Все эти соображения показывают, что интересующие нас законы представляют собой динамическую систему, описание которой в тер-

минах статических корреляций должно считаться лишь сугубо предварительным.

Вот к этим предварительным соображениям я сейчас и перейду.

В первую очередь меня интересуют при этом не законы о преступлениях ненависти, так как их различные параметры, мне кажется, в достаточной степени обсуждены уже в соответствующей главе. Я хотел бы найти существенные корреляции в законах о высказываниях, законах об «экстремистских» или сходно описываемых группировках и иных специальных законах.

Чтобы сделать это, я составил сводную таблицу (см. на стр. 167-169), в которой отражено наличие или отсутствие того или иного элемента в законодательстве. Все эти элементы обсуждались уже выше в двух предыдущих главах, так что здесь будет достаточно их обозначить по номерам столбцов для удобства дальнейшего изложения (в скобках даются краткие обозначения, которые будут далее использоваться).

Типы криминализации высказывания

1. Нормы, в которых видна ориентация на предотвращение конфликта, включая использование терминологии типа «разжигание розни» (конфликтологические нормы).
2. Нормы, в которых призывы к насилию упоминаются в явном или неявном виде или как квалифицирующий признак высказывания (призывы к насилию).
3. Нормы, в которых упоминаются призывы к дискриминации (призывы к дискриминации).
4. Нормы, в которых используются только сильные обозначения криминальных высказываний, которые мы относим к возбуждению ненависти (сильные нормы), только слабые обозначения, которые мы относим к языку вражды (слабые), или нормы, в которых встречаются и те и другие термины (смешанные).
5. Нормы, сфокусированные на защите именно групп населения (групповые нормы), построенные только на обозначении защищаемых признаков (по признакам), или упоминающие и группы, и их «членов», или и группы, и защищаемые признаки (комплексные).

Защищаемые признаки по высказываниям

Мы можем не рассматривать здесь признаки, связанные с расой/этничностью/нацией или с религией, так как они встречаются практически повсеместно. Я решил не рассматривать также очень редко

встречающиеся признаки и случаи, когда список признаков является открытым, так как это не дает нам представления о направленности соответствующих законов.

Рассматриваться здесь будут следующие признаки:

6. Политические взгляды, участие в политических или профсоюзных структурах (политика).
7. Мировоззрение и идеология, понимаемые обычно как расширение религиозного признака (мировоззрение).
8. Социально-классовые признаки во всех их формулировках (социальный статус).
9. Сексуальная ориентация или гендерная самоидентификация (сексуальная ориентация).
10. Пол или, реже, гендер (пол).
11. Разные признаки, связанные с состоянием здоровья (инвалидность).

Основа для криминализации участия в группировке

Здесь мы рассматриваем различные правовые рамки, которые используются для составления законов, криминализующих участие в группировках, чья деятельность включает (как факт или намерение) совершение преступлений ненависти, возбуждение ненависти и/или язык вражды.

12. Законы, порожденные антиэкстремистским законодательством (антиэкстремистская рамка).
13. Законы, прямо апеллирующие к защите конституционных ценностей — демократии, равноправия и/или защиты меньшинств и т.п. (конституционная).
14. Законы, в явном виде упоминающие какие-то идеологии как объект противодействия — фашизм, фундаментализм, коммунизм и т.д. (идеологическая).
15. Законы, явно являющиеся частью антидискриминационной правовой рамки (антидискриминационная).
16. Законы, прямо направленные против применения насилия в политике (антинасильственная).

Особые законы

17. Нормы, в явном виде криминализующие те или иные формы «исторического ревизионизма» (антиревизионизм).
18. Нормы, которые криминализуют высказывания, касающиеся религии, в диапазоне от богохульства до оскорбления религи-

§ 2. Замеченные корреляции

Конфликтологические нормы пересекаются с призывами к насилию в 11 странах, а отсутствие таких норм пересекается с призывами к насилию в 25 странах. Ни того, ни другого нет всего в 11 странах. То есть эти элементы закона можно рассматривать как мягкую альтернативу в подходах к самой, видимо, политически значимой части законодательства о высказываниях — к риску столкновений, беспорядков и тому подобных действий.

Примечательно, что между конфликтологическими нормами и наличием законов о преступлениях ненависти ясной корреляции нет, что наводит на мысль, что последние чаще всего не рассматриваются законодателями именно в таком политическом аспекте.

Не видно существенной корреляции, если сопоставлять конфликтологические нормы и соотношение «сильных» и «слабых» форм криминальных высказываний. Аналогичная картина наблюдается и при сопоставлении конфликтологических норм с тем, к чему апеллируют законы о высказываниях — к социальным группам, «абстрактным» защищаемым признакам или к группам, и к их «членам».

Зато бросается в глаза, что конфликтологические нормы имеют сильную отрицательную корреляцию с антиревизионизмом. В принципе, связи между этими подходами нет. Можно заметить, что антиревизионизм исторически основан, прежде всего, на защите чувств определенных групп населения и стремлении ослабить идеологическую основу для радикальных течений с определенным историческим бэкграундом (хотя впоследствии подходы к законодательству эволюционировали в сторону большего универсализма). Такая установка при формировании законодательства может совпадать со стремлением в первую очередь предотвращать беспорядки и т.п., но, видимо, на практике эти две установки чаще расходятся. В связи с этим можно сразу заметить, что конфликтологические нормы имеют явную отрицательную корреляцию с антидискриминационной рамкой законов о группировках, которая, в свою очередь, имеет столь же явную положительную корреляцию с антиревизионизмом.

Наконец, видимо, ожидаемой является положительная корреляция конфликтологических норм и наличия социально-классовых защищаемых признаков.

Призывы к насилию встречаются в прямом виде или опосредованно, в основном как квалифицирующий признак, в большинстве стран — в 35 из 55. Призывы к дискриминации — заметно реже, в 20 странах. И из

них только пять относятся к тем странам, где не упоминается насилие. Интересно, что ни те, ни другие призывы не коррелируют с наличием законов о преступлениях ненависти.

Призывы к насилию имеют положительную корреляцию со всеми правовыми рамками, относящимися к группировкам, кроме антиэкстремистской; единственная страна, криминализирующая идейные группировки именно по признаку ориентации на насилие (Грузия), как раз не упоминает призывы к насилию в статье о возбуждении ненависти. Таким образом, можно сказать, что законы, криминализующие участие в группировках, в целом дают заметную положительную корреляцию с призывами к насилию, а в Грузии ориентация на насилие криминализована иным способом. Антиэкстремистские же законы представляют принципиально другой подход: как было показано в соответствующей главе, они не делают акцент на насилии как на самой опасной форме деятельности.

Заметна также сильная корреляция призывов к насилию и антиревизионизма. Последний также сильно коррелирует с наличием законов о преступлениях ненависти. И если посмотреть для проверки на корреляции антиревизионизма с правовыми рамками, касающимися группировок, то увидим такую картину: положительная корреляция наблюдается по трем рамкам, полное совпадение у всех трех стран с антиконституционной, антиревизионизм представлен у 6 из 7 стран с антидискриминационной и у 6 из 11 у антиидеологической, зато явно отрицательная корреляция с антиэкстремистской рамкой — у 2 из 8. Видимо, антиэкстремистская рамка, задуманная как универсальная, плохо сочетается с такими законами, хотя в России, где эта рамка родилась, антиревизионистский закон в 2014 году все же появился. Таким образом, мы видим довольно тесную связь сразу трех параметров, хотя в случае стран с антиидеологической рамкой она не столь явная, по ним и призывы к насилию и антиревизионизм не коррелируют.

Если обратиться к призывам к дискриминации, то в первую очередь бросается в глаза, что они ни в одной стране не сочетаются с социальными группами как объектом криминальных высказываний (групповые нормы). Это могут быть либо только защищаемые признаки, либо упоминание и групп, и людей. А вот антидискриминационный подход к группировкам совместим почти исключительно именно со смешанными нормами. К сожалению, я не могу сказать, давно ли сложилось такое соотношение, то есть насколько это отражает именно современные тенденции в развитии законодательства, но само соотношение ожидаемо: ведь современный антидискриминационный подход, хотя и основан скорее

на защите равноправия индивидуумов, чем групп, внимание обращает и на те, и на другие¹³⁶.

Совпадением современных веяний, в том числе в плане ориентации на защиту меньшинств, можно объяснить заметную положительную корреляцию антиревизионизма и призывов к дискриминации. Но современность — вещь не столь однородная, как может показаться по специально отобранным примерам. Те же призывы к дискриминации более или менее положительно коррелируют с такими защищаемыми признаками, как социально-классовый, половой, по состоянию здоровья и почему-то особенно политический, но по сексуальной ориентации корреляция отрицательная: очевидно, признак сексуальной ориентации внедряется в законы географически весьма неоднородно (см. в соответствующей главе).

Призывы к дискриминации, ожидаемо, сильно коррелируют с антидискриминационной рамкой применительно к группировкам. Положительная корреляция есть также с конституционной рамкой, с антиэкстремистской ее нет. А вот в странах с антиидеологической рамкой призывы к дискриминации не встречаются вовсе. Можно ли на примере этих 11 стран сделать вывод, что противодействие определенным идеологиям и ориентация на защиту равноправия являются конкурирующими подходами в интересующем нас законодательстве? В какой-то степени, думаю, да, хотя жесткой альтернативы здесь, разумеется, быть не может.

Различение норм по признаку обозначения объекта защиты — группы, защищаемые признаки или группы и их члены — также дает некоторые корреляции.

Как уже отмечалось, нормы, связанные с дискриминацией, положительно коррелируют с признаками и с комплексными обозначениями. То же можно сказать про антиревизионизм. А вот религиозные нормы совместимы со всеми вариантами (и даже с отсутствием других законов о высказываниях, как в Сан-Марино), но чаще всего — с группами, а реже всего — с признаками. И это выглядит логично, так как религиозные нормы по происхождению и часто даже по формулировкам ориентированы именно на защиту определенных социальных групп, определяемых через религию, или всех таких групп.

Антиэкстремизм же совмещается чаще всего с защищаемыми признаками, еще в нескольких случаях — со смешанными нормами, но ни разу — с группами. Практическое объяснение этой ситуации очевидно: так устроен

¹³⁶ Хотя, конечно, в этой коллизии наблюдается довольно сложная динамика. См.: Осипов Александр. Этничность и равенство в России. С. 8–61.

«порождающий» российский закон, но то, почему такое устройство удержалось почти во всех других странах, нуждается в объяснении. В качестве гипотезы можно предположить, что хотя антиэкстремизм как правовая рамка существует в странах, где значение индивидуума несколько снижено по сравнению со значением больших групп (что заметно, например, по доминирующему дискурсу «межнационального конфликта»), порожден антиэкстремизм режимами более или менее авторитарными, ориентированными в первую очередь на исключение угроз политической стабильности, а не на собственно защиту групп. Но эта правовая рамка сформировалась под определенным влиянием современных тенденций либеральной правовой мысли и не допускает формулировок (или лишь в малой степени допускает), прямо защищающих именно власть, так что в результате она оказалась ориентирована преимущественно на защищаемые признаки.

Как уже говорилось, основные защищаемые признаки встречаются практически повсеместно, так что анализировать содержательные связи можно только на менее распространенных, но все же не совсем редких признаках.

Политические и мировоззренческие признаки примерно в половине случаев встречаются совместно, что само по себе не кажется странным. Но есть немало корреляций, положительных и отрицательных, которые интерпретировать непросто, а без изучения истории становления соответствующих законов, видимо, просто невозможно. Например, у половины политических есть и социально-классовые, но последних вообще больше, так что большинство их приходится на страны, где политических нет. Так же выглядит соотношение мировоззрения и сексуальной ориентации, пола или инвалидности. Корреляция политических и социально-классовых признаков с признаком пола явно положительная, а с признаками сексуальной ориентации и инвалидности — явно отрицательная.

Политические признаки почти не пересекаются с антиэкстремистской и антиидеологической рамками. Видимо, мы имеем дело с альтернативными способами ограничения политической вражды (что бы этот термин ни значил).

Но не все так просто. Почти нет пересечения у политических признаков и с антидискриминационной рамкой, а ведь она не относится к политической вражде. Тогда можно предположить, что на этих примерах мы видим разделение законодательств — условное и, разумеется, лишь частичное — на «политические» и «антидискриминационные». Косвенно эта гипотеза подтверждается тем, что политические и мировоззренческие признаки, в отличие от всех остальных, имеют явную отрицательную корреляцию с наличием законов о преступлениях ненависти.

Не удивляет, что почти во всех тех немногих странах, где признак религии расширен до признака мировоззрения, существуют и специальные законы, касающиеся религии. Но ни одна такая страна не использует антиидеологическую, антиэкстремистскую или конституционную рамки. Очевидно, здесь наблюдается та же альтернативность подхода, что и в случае признака политической вражды, только применительно к сфере, которую можно условно обозначить как «уголовно-мировоззренческая».

Социально-классовый признак жестко расходится с конституционной рамкой и дает явную положительную корреляцию с антидискриминационной (с другими — никакой). Это определенно наводит на мысль о политической — в смысле право-левого деления — мотивированности этих коррелирующих норм, но прямо это утверждать, видимо, преждевременно.

Думаю, что к таким простым политическим гипотезам стоит вообще относиться с определенной осторожностью. К примеру, тот же социально-классовый признак имеет небольшую отрицательную корреляцию с законами о защите религии, что может навести на те же мысли о право-левом делении. Но признак сексуальной ориентации имеет с законами о религии, пусть небольшую, но явно положительную корреляцию.

Последняя корреляция означает, что наличие специальных законов, касающихся религии — не знак особой консервативности страны. Скорее эту положительную корреляцию можно интерпретировать как растущую готовность государств ограничивать свободу высказываний для защиты тех или иных групп, по крайней мере больших, достаточно активно представленных на политической сцене и при этом воспринимаемых как меньшинства (даже когда речь идет о «религии большинства», в большинстве стран ОБСЕ активное ядро верующих довольно невелико).

Косвенным подтверждением этого служит более заметная корреляция признака сексуальной ориентации с наличием законов о ревизионизме. Хотя законы о ревизионизме нельзя рассматривать как инструмент, вполне аналогичный законам о религии, но сходство в указанном смысле просматривается.

Наконец, все тот же признак не очень совместим с антиидеологической рамкой и совсем не совмещается с конституционной и антиэкстремистской, в то время как антидискриминационная показывает положительную корреляцию, но небольшую. Эта положительная корреляция кажется довольно ожидаемой. Не удивляет и полное несовпадение с антиэкстремистской рамкой: она существует только в весьма консервативных в моральном плане странах. А вот несовпадение с конституционной слишком сильно и удивляет применительно к странам в целом вполне прогрессивным в плане либеральных ценностей — Чехии и Германии.

Можно предположить, что дело тут не в либеральности, а может быть, даже не в темпах усвоения новых законодательных идей. Скажем, инвалидность также не пересекается с антиэкстремистской и конституционной рамками. По антиидеологической рамке заметной корреляции нет, а по антидискриминационной есть заметно положительная. Результат отчасти похож на тот, что мы видим с сексуальной ориентацией.

Возникает впечатление, что здесь мы хотя бы в части случаев снова сталкиваемся с какой-то альтернативностью подхода к законодательству в этой сфере. Предварительно можно было предположить, что эта альтернатива имеет отношение к большей подробности норм или большей склонности к формулированию их в более принципиальных, обобщающих категориях, например, — защита прав человека в целом (как в конституционной рамке), а не именно прав сексуальных меньшинств или инвалидов. В подтверждение этой гипотезы можно заметить, что корреляция признака инвалидности с наличием законов о ревизионизме очень сильна (последних нет только в двух странах из девяти), а ведь эти законы — как раз типичный случай частной нормы.

Переходя к различным правовым рамкам криминализации участия в группировках, можно в первую очередь заметить, что деятельность таких группировок может быть направлена на совершение всех типов или только части рассматриваемых в этой книге преступлений. Какая бы то ни было рамка есть не у всех стран, а только у 25. Так вот, все эти страны имеют законы о высказываниях и почти все — о преступлениях ненависти. Последние законы отсутствуют почему-то только в двух странах с антидискриминационной рамкой.

О возможных корреляциях этих правовых рамок уже много говорилось выше. Здесь можно только добавить, что в целом наличие рамки положительно коррелирует с наличием особых норм о религии или о ревизионизме. Возможно, сказывается присущая всем этим сопоставляемым нормам склонность внедрять в интересующий нас сегмент уголовного права некоторые неправовые концепции. Само по себе это нельзя оценить положительно или отрицательно; думаю, оценка должна зависеть от качества такого внедрения.

Также почти все рамки дают положительную корреляцию с законами о религии, а отрицательную в этом случае дает не антиэкстремистская, а антиидеологическая рамка. Причина этого неясна. Кстати, сами законы о религии и о ревизионизме имеют лишь слабую отрицательную корреляцию.

§ 3. Попытка обобщения

Если в начале этой главки говорилось о том, с какой осторожностью следует относиться к установлению корреляционных связей между правовыми нормами разных стран, то тем более осторожным надо быть при попытках обобщить замеченные связи. Поэтому здесь я выскажу лишь некоторые гипотезы, которые возникли у меня в ходе таких попыток.

Рассматриваемые в этой книге законы имеют несколько общепринятых целей, которые могут в разной степени цениться в разных обществах. Первая цель — политическая безопасность существующей власти, в том числе защита от угрозы агрессивной этнической, религиозной или еще какой-то групповой мобилизации и/или массовых столкновений разного рода. Вторая цель — защита общественной безопасности, то есть безопасности граждан и существующих в обществе институтов от тех же угроз. Третья — защита безопасности (физической, эмоциональной и т.д.) определенных социальных групп (наиболее угрожаемых, например) или любых групп по определенным признакам, в том числе — от серьезно задевающих эту группу публичных выступлений. Четвертая — защита такой фундаментальной ценности, как равноправие, и, соответственно, противодействие дискриминации и дискриминационно направленным преступлениям и высказываниям. Все или часть эти целей могут восприниматься теми или иными людьми, в том числе и законодателями, как смежные или даже совпадающие, но при принятии законов одни цели оказываются реализованными в нормах законов более внятно, чем другие.

Нормы, названные выше конфликтологическими, явно реализуют вторую и отчасти первую цель. Нормы, прямо опирающиеся на понятие дискриминации, очевидно, в первую очередь реализуют четвертую. Можно поспорить, каким целям более всего служит, скажем, антиидеологическая рамка, но можно определенно сказать, что своих целей она добивается через определенную политизацию закона, что всегда наводит на некоторые подозрения в том, что первая или хотя бы вторая из перечисленных целей играет особую роль. Антиэкстремистская рамка еще более определенно выделяет первую и вторую цели. Конечно, все такого рода оценки являются приблизительными, и их релевантность очень сильно зависит от реального политического климата той или иной страны. Но невозможно не заметить значительные взаимосвязанные корреляции, отмеченные выше, которые я бы обобщил следующим образом.

Конфликтологические нормы и различные нормы, отсылающие к политике и идеологии, заметно альтернативны антидискриминационному подходу, выраженному в любой форме, что отражает альтернативу

первой/второй и третьей/четвертой целей. Цели действительно оказываются парными.

Отличить по текстам законов первую цель от второй в регионе ОБСЕ почти невозможно. Политические цели могут достигаться по-разному. Можно видеть явную, хотя и не жесткую, альтернативу в подходе к профилактике беспорядков и тому подобных событий — конфликтологические нормы или прямое упоминание призывов к насилию. Также наблюдается альтернативность трех ветвей — антиидеологической и антиэкстремистской рамок и криминализации возбуждения политической и тому подобной вражды.

Интереснее, что четвертая цель де-факто оказывается близка к третьей, хотя, казалось бы, они адресуются к двум разным типам жертв — индивидам или социальным группам. В практике законодательства мы видим, что антидискриминационный подход ориентирован обычно именно и на индивидов, и на группы одновременно. При этом в паре с антидискриминационным подходом мы видим антиревизионизм, который имеет все же некоторую политическую или идейную составляющую (и эта связь прямо зафиксирована в упоминавшемся Рамочном решении ЕС). То есть антидискриминационный подход не исключает политического содержания, хотя более или менее определенно альтернативен перечисленным выше вариантам достижения политических целей.

Таким образом, можно в первом приближении сказать, что законодательства разных стран тяготеют к двум явным центрам, которые можно условно обозначить как политический и антидискриминационный.

В первом центре трудно обозначить ядро ввиду указанных выше альтернативных способов реализации: разные «политизированные» нормы, перечисленные выше, почти никогда не совпадают более чем по двум позициям (по три, и то в разных наборах, оказалось только у Молдовы и Турции).

Во втором центре по совпадению антидискриминационной рамки и упоминания призывов к дискриминации мы видим Кипр, Люксембург, Литву, Лихтенштейн, Грецию и Болгарию. Если добавить страны с конституционной рамкой, то ядро пополнится Чехией и Словакией. Причем у всех, кроме Болгарии, призывы подразумеваются и против групп, и против индивидов. Но обозначить именно этот набор стран как ядро антидискриминационного подхода нельзя: в него не вошел целый ряд стран, в которых просто нет никаких законов о криминализации членства в группировках, так что нет и соответствующей правовой рамки, а законодательство явно основано на идее противодействия дискриминации. Это в первую очередь Бельгия и Словения, но также стоит упомянуть Эстонию, Грузию, Фран-

цию и Нидерланды. Но у этих стран, кроме двух последних, используется не комплексные нормы, а по защищаемым признакам.

Следует сказать, что страны «антидискриминационной группы» (включая те вышеупомянутые, у которых конституционная рамка по-разному соотносится с разными подгруппами «политической группы»). По положительной корреляции с призывами к насилию и заодно с антиревизионизмом (все перечисленные страны, кроме трех) «антидискриминационная группа» близка со странами, чьи «политические» нормы являются антиидеологическими. А вот со странами с антиэкстремистской рамкой и с теми, у кого есть признак политической вражды, по этому параметру близости нет.

Хотелось бы также попробовать ранжировать страны по такому параметру, как степень ограничения свободы выражения ради достижения перечисленных в начале этого параграфа четырех целей, но анализ самого законодательства не дает для этого достаточно данных: законы могут быть сформулированы в этом смысле более или менее аккуратно, но широта ограничений ясна из них не становится.

Обращают на себя внимание несколько стран, специально включивших существенные оговорки в защиту свободы выражения в своих законы. Но это Англия, Ирландия и Канада, так что здесь скорее следует говорить об англосаксонской специфике законотворческой техники, чем об особой законодательной приверженности свободе выражения (правоприменение, напомним, в этой книге не рассматривается).

С другой стороны, можно отметить, что довольно тесную взаимосвязь показывают такие четыре параметра, как антиревизионизм и наличие защищаемых признаков сексуальной ориентации, пола и инвалидности. Страны, которые можно увязать друг с другом по этим признакам, не обладают, кажется, никакими другими общими свойствами. Так что единственное, что их объединяет, это повышенная по сравнению со средним уровнем склонность к более подробным ограничениям свободы высказываний, отчасти — для защиты определенных групп населения. Страны, обладающие всеми четырьмя признаками — это Испания, Люксембург, Австрия, Венгрия, Бельгия и Франция, но если отбирать только по трем признакам из четырех, круг, естественно, расширится, но не сильно: добавятся Нидерланды, Словения, Румыния, Литва и Хорватия.

Весь проведенный выше анализ не позволяет сделать какие-то общие выводы относительно развития интересующего нас законодательства в регионе ОБСЕ, кроме того, что это развивается отнюдь не в каком-то одном направлении, как бы его ни определять. Несомненно, законодатели стран

ОБСЕ находятся в поиске, определяемом меняющимися общественными настроениями, политическими соображениями и географически неоднородным развитием представлений о праве. Эти перемены, естественно, не вызывают и не могут вызывать сколько-нибудь согласной реакции обществ этих стран, и тем более — общественности во всем регионе в целом.

Развитие законов о преступлениях ненависти не встречает достаточно масштабной критики, кроме как из кругов, политически близких потенциальным преступникам, хотя до сих пор ряд стран не имеет таких законов, и среди них — те страны, которые трудно упрекнуть в невнимании к проблеме как таковой. Следовательно, аргументы в пользу такой особой правовой категории, приводившиеся в начале соответствующей главы, все же нельзя считать вполне общепринятыми.

Законы о возбуждении ненависти и языке вражды распространены шире, но они и гораздо многообразнее, особенно если учесть имеющиеся совершенно другое происхождение особые законы о защите религии. Безусловно, с развитием темы правового противодействия дискриминации законодательства в последние десятилетия антидискриминационный подход существенно упрочил свои позиции, но, как было показано, он отнюдь не является доминирующим в ОБСЕ в целом, хотя присущ уже примерно половине стран ЕС.

С другой стороны, усложнение этих законов, умножение защищаемых признаков и антиревизионистских законов вызывает довольно заметную критику с позиций защиты свободы выражения. И это беспокойство прямо связано с антидискриминационным подходом, ориентированным — применительно к языку вражды — на защиту в том числе и эмоциональной сферы различных меньшинств. Не повторяя здесь уже приведенных ранее соображений, поскольку дискуссия о границах свободы выражения по сути своей бесконечна, сошлюсь только на авторитет Миклоша Харашти, бывшего представителем председателя ОБСЕ по свободе масс-медиа в 2004–2010 годах. В заметках с характерным заголовком «Язык вражды и приближающаяся смерть международного стандарта еще до его рождения (жалобы наблюдателя)» он пишет, что повышенное внимание к культурным и политическим особенностям все более размывает саму идею универсального подхода к свободе слова, а представления о том, что ограничения этой свободы должны быть только и именно исключительными, постепенно слабеют чуть ли не повсеместно¹³⁷.

¹³⁷ Речь идет о введении в книгу, на которую мне уже приходилось здесь ссылаться: Haraszti Miklos. Hate Speech and the Coming Death of the International Standard before It Was Born (Complaints of a Watchdog) // The content and context of hate speech. P. xii–xviii.

Наконец, законы, которые специально криминализуют участие в группировках, чья деятельность включает преступления ненависти, пропаганду ненависти и какие-то связанные с этим преступления, присутствуют не во всех странах, а именно в 26 из 57. И, как мы видели, они также весьма разнообразны. Так что пока невозможно сказать, что какой-то из распространенных подходов имеет шансы стать доминирующим. Не факт даже, что список этих 26 стран будет существенно расширяться в дальнейшем.

2. Рекомендации

В этой последней главке я позволю себе высказать свою личную позицию по ряду альтернатив, обсуждавшихся в предыдущих главах, сформулировав, таким образом, свои собственные рекомендации. Аргументы, на которых я основываюсь, обозначены уже в соответствующих местах выше, так что я краткости ради не буду их повторять.

Законодательство о преступлениях ненависти, безусловно, необходимо. Опыт показывает, что эти своеобразные и при этом довольно многочисленные преступления нуждаются именно в специальных нормах закона, а не в разъяснениях по правоприменению.

При выборе между особым типом преступления и введением соответствующего мотива какотягчающего обстоятельства предпочтительно все же второе.

С точки зрения стройности законодательства явно правильнее использовать общее отягчающее обстоятельство, а не квалифицирующие признаки к отдельным преступлениям, так как перечень последних всегда будет спорным. С другой стороны, в практике правоприменения квалифицирующие признаки применяются легче. Вероятно, эффективным компромиссом, особенно в странах, для которых такая правоприменительная проблема актуальна, было бы сочетание общего отягчающего признака и квалифицирующих признаков по широкому кругу статей, в первую очередь — касающихся насильственных преступлений.

Основой понятия преступления ненависти являются мотив и намерение преступника. Соображения и восприятие преступника не определяются никакой «объективной» классификацией людей по группам, вне зависимости от того, считает ли законодатель (и большинство граждан) возможной «объективную» классификацию по таким признакам, как этничность, отношение к религии, гендерная идентичность и т.д. Со-

ответственно, закон должен формулироваться не через понятие групп того или иного типа, а через перечни защищаемых признаков.

Понятие предрассудка, то есть дискриминационного выбора жертвы, точнее описывает субъективную сторону преступления, чем понятие ненависти, так что закон должен формулироваться в рамках антидискриминационного подхода. Но здесь необходимо преодолеть две существенные трудности. Первая — разъяснить эту не столь очевидную концепцию всем акторам правоприменения и обществу в целом. Вторая — надо все же учитывать, что дискриминационный выбор предполагает некоторое отрицательное отношение к группе, к которой преступник относит жертву; без такого отрицательного отношения выбор жертв из определенной группы может быть сугубо прагматическим выбором, не образующим состава преступления ненависти.

С этим связана часто возникающая проблема смешанного мотива. Лучше всего, видимо, закрепить в законе, что дискриминационный мотив должен быть доминирующим (но необязательно единственным). В частности, это имеет большое значение для расследования таких преступлений. Мотив преступника почти никогда не может быть известен в момент первичной регистрации преступления (на месте преступления или при обращении в полицию), но если подозрение на дискриминационный мотив возникает, следует его фиксировать уже в этот, самый ранний, момент (но и позже, если потребуется). Не затем, конечно, чтобы искать в любом преступлении мотив ненависти, а для того, чтобы такая гипотеза, если у нее есть хоть какие-то основания, тоже была своевременно и эффективно расследована.

Важно закрепить в законе ситуацию выбора жертвы по ассоциации. Эта ситуация далеко не редка и не меньше обычных случаев нуждается в реагировании.

Определяя предрассудки, лежащие в основе преступлений ненависти, лучше избегать определений, отсылающих к тем или иным идеологиям (нацизму и т.д.): современные идеологии изменчивы, так что такие отсылки лишь ограничивают применимость закона на практике, а их политический месседж быстро устаревает.

Собственно список защищаемых признаков вряд ли может иметь некий модельный образец. Причин тому, по крайней мере, три. Во-первых, разные признаки имеют разную актуальность в разных обществах. Во-вторых, признаки не должны порождать слишком большие сложности с доказыванием, иначе возникает риск создания мертвой нормы, что всегда вредно. По той же причине, в-третьих, не стоит включать защищаемые признаки, которые данное общество еще совершенно не готово защищать. Выход из этих затруднений путем создания открытого списка

признаков следует признать крайне неудачным, так как он подрывает принцип правовой определенности.

Различные рекомендации, касающиеся баланса между необходимостью противодействовать возбуждению ненависти и иным общественно опасным выступлениям и защитой свободы выражения, публиковались уже не раз. Мне представляется, что уже цитировавшийся Рабатский план действий является на сегодняшний день наиболее авторитетной комплексной рекомендацией. Однако и он, что естественно, оставляет многие вопросы на усмотрение национальных законодателей, так что остается пространство для выражения моих личных выводов касательно того, какими еще соображениями законодателям стоило бы руководствоваться.

Соображения защиты свободы высказываний побуждают формулировать криминальные нормы, ограничивающие эту свободу, с необходимыми оговорками и ограничениями. Один из способов такого ограничения — увязка криминальности высказываний с их реальным и/или потенциальным влиянием на «реальные события», то есть, в сущности, на совершение иных преступлений. Но такая увязка нарушает один из основных принципов уголовного права, согласно которому обвиняемый несет ответственность только за свои деяния и за те последствия, которые он сам имел в виду (которых хотел, которые допускал или о наступлении которых не мог не знать). Ведь последствия высказываний, например, в виде беспорядков, зависят от слишком многих факторов. Если же формулировка закона предполагает необходимость оценки вероятности последствий такого рода для решения вопроса о криминализации, это возлагает на суд почти невыполнимую задачу. Все-таки правильнее судить высказывание как таковое, как судится любое действие.

Разумеется, при этом должны приниматься во внимание все обстоятельства. Этому посвящены рекомендации Рабатского плана действий, которые я могу здесь лишь вкратце повторить. Суд должен оценивать не только контент высказывания, то есть формальное содержание и стилистику, но также его контекст и пространство распространения высказывания, статус обвиняемого, его намерения и только потом — вероятность опасных последствий. Вряд ли все это может быть отражено прямо в законах, по крайней мере, в континентальной традиции, но эти соображения могут быть внедрены в правоприменение через авторитетные толкования, например, Верховного суда.

Наказания за те или иные высказывания, конечно, должны розниться в зависимости от перечисленных выше параметров, то есть, в конечном счете, в зависимости от общественной опасности высказывания. Но вряд

ли правильно возлагать ранжирование наказаний исключительно на суд. Правильнее законодателю ввести некоторое предварительное ранжирование, и во многих странах оно наблюдается в виде учета различных квалифицирующих признаков, а в некоторых — в виде разведения разных типов высказываний по разным статьям Уголовного кодекса.

Мне же это представляется недостаточным. Непонятно, почему именно и только уголовное право должно быть инструментом правового реагирования в таких случаях. Ведь есть еще гражданское право, а во многих странах применимо административное.

Наибольшие проблемы возникают при правоприменении, касающемся языка вражды, то есть публичных проявлений интолерантности, не являющихся возбуждением ненависти в каком-то достаточно узком смысле и в какой-то явно опасной форме. Это не значит, что язык вражды не может иметь тяжких последствий; может, и весьма серьезные, в зависимости от обстоятельств. Но в том-то и дело, что опасность такого высказывания зависит от этих самых обстоятельств гораздо больше, чем от его содержания, и потому плохо улавливается правоприменением; уголовная репрессия в этом случае — слишком неизбирательный инструмент.

Проблема во многом — в массовости публичного проявления интолерантности, особенно усугубившейся с распространением интернета и затем социальных сетей. Логика преследования языка вражды была создана для пропаганды неких неприемлемых взглядов в форме выступлений на митингах, на радио или в газете. Новые коммуникационные технологии породили новые проблемы установления авторства и определения юрисдикции, в том числе в глобальном масштабе. Количество потенциально подозреваемых авторов также возросло, причем на несколько порядков. Не то чтобы эти проблемы неразрешимы. Но «затратность» правоприменения при технической легкости совершения самого деяния создают самостоятельную проблему рациональности такого расходования ресурсов правоохранительной системы. Эта проблема существует и для вполне традиционных форм языка вражды, да и в целом она существует для противодействия не тяжким, но распространенным деяниям (например, побоям), но применительно к новым коммуникационным технологиям проблема не просто стала актуальнее, но поворачивается все новыми гранями и делает широко сформулированные нормы все более очевидно непригодными к последовательному применению. А бросающаяся в глаза избирательность правоприменения дискредитирует закон и привлекает только больше внимания к самим высказываниям.

Я полагаю, что выход из явно образовавшегося тупика может быть найден через перевод языка вражды, в отличие от возбуждения ненависти, из сферы уголовного права в сферу права гражданского. У языка вражды

всегда есть какой-то групповой объект, и неформальные представители групп-объектов могут, не полагаясь на государство, сами выступить с иском в суде. Да, конечно, гражданско-процессуальное право во многих странах не дает сейчас им такой возможности или ограничивает ее. Но, думается, эти проблемы могут быть решены. Зато все, что касается таких категорий, как унижение, диффамация, оскорбление, окажется вынесено в сферу исков о защите чести и достоинства, где таким правовым спорам самое место. Проблема ограничения свободы высказывания со стороны государства будет снята, при том что последствия проигрыша в гражданском процессе могут быть даже серьезнее приговора за не столь значительное преступление (каковым обычно и признается на практике язык вражды почти во всех странах). Заодно фактически будет снят вопрос об «истинности» высказываний, из которых состоит язык вражды: в гражданском процессе выяснение фактов протекает естественнее, чем в уголовном, так как суд не скован презумпцией невиновности.

Я считаю также, что специальные уголовные нормы об «историческом ревизионизме» являются излишними (хотя это и идет вразрез с нынешней официальной политикой Европейского Союза, включающего большинство демократических стран ОБСЕ). Понятен политический смысл появления таких законов, но политически мотивированные законы могут быть уместны разве что в чрезвычайных обстоятельствах, а эти законы возникли и распространились в обстоятельствах, вовсе не чрезвычайных. Эти нормы, по сути, вполне могли бы быть заменены разъяснениями Верховного суда или другой авторитетной инстанции о типичных методах возбуждения ненависти (как это и сделано уже, например, в Нидерландах). Отрицание или восхваление исторических преступлений сами по себе могут быть, а могут и не быть такими методами (и в некоторых антиревизионистских законах это уже и так оговаривается). Если ревизионистское высказывание направлено на возбуждение ненависти, состав преступления налицо и по общим нормам о возбуждении ненависти. Политически приемлемый путь отказа от излишних норм может лежать через их включение в общие нормы о возбуждении ненависти в формулировках типа «в том числе посредством отрицания, оправдания или восхваления тех или иных преступлений», как уже и сделано в некоторых странах. Тогда неотъемлемым элементом преступления станет направленность его на возбуждение ненависти.

Фактически те же соображения могут быть применены и к особым законам о защите религии. Основные законы о возбуждении ненависти имеют в виду в качестве объекта защиты людей. Богохульство или грубая критика религиозных взглядов и символов задевает этих людей, но

является такой же частью общественной полемики, как грубая критика политических партий и их символов, грубая критика популярных музыкальных стилей и исполнителей и т.д. Особая защита религии является пережитком десекулярной эпохи и отчасти реакцией на излишне воинственный секуляризм, но в современных обществах от этой особой защиты вполне можно отказаться. Разумеется, в некоторых странах именно общественные конфликты, связанные с религией, по-прежнему остаются особо острыми; верно и то, что полный отказ от норм, давно укорененных в правовой системе, может вызвать определенные трудности. Но эти нормы можно и нужно постепенно исключать, начиная с наиболее архаичных — о хуле на Бога и на религиозные организации. Другие специальные нормы можно затем включать в общие по уже упомянутой схеме «в том числе посредством...».

Высказывания, признаваемые все же криминальными, также могут быть различны по степени общественной опасности. Конечно, структура закона обычно не позволяет какой-то дробной классификации, да и вряд ли она возможна, но стоило бы разделить высказывания по крайней мере на две категории по степени опасности. Менее опасные должны быть отнесены к категории, влекущей небольшие наказания, причем не связанные с лишением свободы. В странах, где существует Кодекс об административных правонарушениях или сходное законодательство, эти деяния могут быть перенесены туда из УК.

Критерий разделения сформулировать не так просто. Собственно говоря, не так просто и разделить на практике возбуждение ненависти и язык вражды. Допустим, высказывания, унижающие какие-то категории граждан, и подобные им высказывания являются языком вражды, а все иное автоматически окажется «возбуждением ненависти». Возможны, разумеется, и разные другие формулировки. Но в любом случае то, что останется именно «возбуждением ненависти», не удастся четко описать, так как, как уже говорилось выше, сам этот термин так и не приобрел ясного и однозначно понимаемого смысла.

Зато такой смысл точно есть у любой формы выражения, обозначающего «публичные призывы к» определенным типам действий по отношению к людям в соответствии с определенным законом набором признаков. Именно такая формулировка, думаю, должна быть положена в основу состава уголовного преступления, а все, что ей не соответствует, может остаться административным правонарушением или уголовным преступлением с санкциями, не предусматривающими лишения свободы. Разумеется, это не значит, что инкриминируемое высказывание должно и грамматически иметь форму призыва: суд вполне может уста-

новить, что какая-то иная форма высказывания целевой аудиторией воспринималась (или должна была бы быть воспринята) именно как призыв.

Тогда останется определить, призывы к каким действиям должны считаться криминальными. Несомненно, это любые призывы к насилию или совершению иных серьезных преступлений. Напрашивается включение в список призывов к дискриминации, но здесь формулировки должны быть достаточно осторожными: в ряде случаев неправомерность неравного обращения (что является сутью дискриминации) является спорной в данном обществе, и криминализация дискуссии на эту тему не всегда, прямо скажем, является лучшим средством решения проблемы в духе равноправия. Но законодатель может включить также призывы и к иным общественно опасным деяниям.

Как и в случае преступлений ненависти, встает вопрос о том, как должен быть обозначен объект преступления. И по тем же соображениям я склонен думать, что объектом должны быть именно люди, а не группы: хотя высказывания формулируются именно против групп, решение суда не может и не должно зависеть от того, как сложится дискуссия о понимании определения и границ той или иной социальной группы. Соответственно, формулировки законов лучше давать через защищаемые признаки.

Это приводит нас все к тому же вопросу об их отборе. Соображения здесь действительно те же, что и для преступлений ненависти, но за двумя существенными исключениями: во-первых, доказывание основано не столько на мотиве обвиняемого, сколько на содержании высказывания, во-вторых, криминализация высказываний ограничена гарантиями свободы выражения, в том числе как фундамента демократической политической системы, в отличие от преступлений ненависти. Следовательно, набор защищаемых признаков в этих двух случаях вполне может не совпадать. Например, для преступлений ненависти вполне возможен такой защищаемый признак, как политические взгляды, но он явно нежелателен для законов о высказываниях, так как неизбежно будет чрезмерно ограничивать политическую дискуссию.

Собственно политические и идеологические соображения лучше всего исключать из текста уголовного закона. Это относится и к упоминанию конкретных идеологий ненависти, и к политическому целеполаганию, в первую очередь — к предотвращению конфликтов. Все эти соображения могут быть очень важны для конкретного общества в конкретный период, и есть немало возможностей подчеркнуть эту важность, но их присутствие прямо в составе преступления ограничивает и искажает суть ограничения, накладываемого этой уголовной нормой на свободу выражения.

Наконец, есть и еще важная сторона законов о высказываниях — понятие публичности. Для правильного правоприменения существенно, чтобы суды понимали публичность не как бинарную категорию, а умели учитывать степень реальной публичности высказывания, то есть реальные и потенциальные (но не вовсе гипотетические) масштаб и качество аудитории (это становится особенно важно, когда речь идет о высказываниях в интернете). Это, как и другие элементы Рабатских рекомендаций, вряд ли можно отразить прямо в тексте уголовного закона. Но это можно отразить в официальных комментариях, а в законе — избегать формулировок, искажающих такое понимание критерия публичности.

На стыке преступлений ненависти и возбуждения ненависти или языка вражды оказываются случаи идейно окрашенного вандализма. По формальным признакам такие действия относятся к преступлениям ненависти, но это не совсем так: известно немало случаев, когда приговоры за идейный вандализм выносились в случаях вандализирования объектов, которое само по себе, вне зависимости от смысла действия, не наносило объекту урон, достаточный, чтобы считать деяние преступным без учета мотива. Выше уже приводился очевидный пример — граффити: трудно сказать, чем граффити отличается по формальным признакам от другого формата высказывания.

Таким образом, нормы об идейно окрашенном вандализме нуждаются в каком-то концептуальном уточнении. Мне представляется, что наименьшие затруднения в понимании и применении таких норм возникали бы, если бы такие действия рассматривались не как одно, а как два правонарушения — нанесение ущерба тому или иному объекту и собственно высказывание, содержание которого учитывает, разумеется, суть затронутого объекта. Первое правонарушение оценивается, как и любое покушение на имущество, по совокупности материального и морального урона владельца или общества в целом (если речь идет, скажем, о памятнике) и не относится, собственно, к предмету этой книги. Второе правонарушение становится тем самым, не преступлением ненависти, а криминальным (потенциально) высказыванием. При оценке высказывания должен оцениваться в первую очередь не моральный урон тех или иных социальных групп или даже общества в целом, а содержание и иные параметры высказывания. Мне представляется, что такой подход позволит избежать многих недоразумений в правоприменении.

Воплощение этого подхода в законодательстве предполагает исключение из кодексов отдельного состава преступления идейного

вандализма. Состав преступления покушения, например, на места захоронения и надгробия, должен быть переформулирован без упоминания ненависти, вражды и т.п. мотивов и целей, как это и сделано во многих странах. А в нормах о возбуждении ненависти вполне возможно включить, через формулировку типа «в том числе посредством...», такие методы, как повреждение значимых для групп населения объектов и т.п., что, как и в случае, например, с «историческим ревизионизмом», будет требовать доказывания, что деяние было совершено именно с целью возбудить или манифестировать ненависть к социальной группе, а не, например, из хулиганских побуждений.

Впрочем, предлагаемый мной подход не может быть применен в тех немногих странах, где вовсе не криминализуются высказывания. Для них, видимо, вернее придерживаться уже принятых там подходов.

Криминализация участия в группировках, деятельность которых направлена на совершение преступлений ненависти, представляется совершенно оправданной мерой, поскольку преступления ненависти как таковые представляют повышенную общественную опасность. Более спорным является вопрос о том, должно ли включаться в определение этих группировок также и возбуждение ненависти. Я склонен считать, что должно. Во-первых, как правило, оно действительно является важной частью деятельности группировок, ориентированных и на преступления ненависти, во-вторых, наиболее значительные деяния, которые можно квалифицировать как возбуждение ненависти, и так редко совершаются в одиночку. Но это предполагает использование узкого определения состава возбуждения ненависти, предложенного мной выше, потому что использование более широких составов, особенно включая язык вражды, позволяет рассматривать слишком многие неформальные сообщества как особо опасные группировки, что размывает смысл норм о группировках, со всеми неизбежными при этом негативными последствиями.

Описанная криминализация не нуждается сама по себе, ни для формулирования, ни для понимания, ни в какой иной концептуальной рамке, но это не означает само по себе, что такая рамка не нужна или вредна. Не обязательно, но вполне возможно иметь, помимо Уголовного кодекса, правовые нормы и, может быть, даже специальный закон, который выступает в связи с уголовными нормами, но дополняет их в двух важных отношениях. Во-первых, такой закон (или отдельные нормы в других законах) может устанавливать ту самую концептуальную рамку, то есть, в первую очередь, формулировать те ценности, в защиту которых выступает в данном случае уголовное право. Это, в частности, позволяет

группировать уголовные нормы, относящиеся к в чем-то сходным деяниям, например, к подготовке мятежа, терактам, преступлениям ненависти, и одновременно исключить возникновение уголовных составов, служащих другим политическим целям, например, криминализующим критику господствующих взглядов. Во-вторых, такой рамочный закон позволяет собрать воедино иные, не уголовно-правовые, механизмы противодействия тем угрозам, наиболее радикальное воплощение которых учтено в уголовных нормах. Конечно, для таких рамочных норм принципиально, защиту каких именно ценностей они декларируют. Ссылки общего характера на «конституционные ценности» здесь неуместны, так как фактически не создают никакой нормы. Я считаю, что самой напрашивающейся защищаемой ценностью в данном случае является равноправие, но могут быть упомянуты также права человека, демократия и т.п. А вот указание в законе на конкретные идеологические или политические угрозы вряд ли уместно по уже обсуждавшимся выше соображениям.

И в завершение этой книги, целиком посвященной уголовному законодательству, стоит еще раз повторить, что такое законодательство не является, и не может являться, основным средством противодействия языку вражды, возбуждению ненависти и распространению идей, которые способствуют совершению преступлений ненависти. Существует целая литература о различных неюридических подходах к этой проблематике¹³⁸, и сравнительный анализ таких подходов и соответствующих практик в разных странах представлял бы большой интерес.

¹³⁸ В качестве примера можно привести краткий перечень весьма разнообразных инициатив в разных странах Совета Европы: Weber Anne. Manual on Hate speech. Council of Europe Publishing, 2009. P. 80–87.

Приложения

Приложение 1. Сводная таблица законодательства

Эта таблица представляет — с возможной в такой форме точностью — особенности национальных законодательств.

	Преступления ненависти. Учет предрассудка как мотива			Высказывания			Защищаемые признаки (преступления ненависти / высказывания)				
	Отдельный состав преступления	Общие отягчающие обстоятельство	Квалифицирующий признак конкретных преступлений	Криминализация высказываний	Унижающие высказывания в адрес тех или иных групп	Предрассудок, как квалифицирующий признак вандализма	Раса / цвет кожи	Этничность / этническое происхождение ¹	Национальное происхождение	Национальность как гражданство	Язык
Австрия	0	1 ¹	0	1 ²	1	1 ³	1/1	1/1	0/1	0/1	0/0
Азербайджан	0	1 ⁹	1 ¹⁰	1 ¹¹	1	0	1/1	1/1	0/0	0/0	0/0
Албания	0	1 ¹³	0	1 ¹⁴	0	1 ¹⁵	1/1	1/0	0/0	0/1	1/0
Англия ⁴	1 ¹⁹	1 ²⁰	0	1 ²¹	0 ²²	1 ²³	1/1	1/1	1/1	1/1	0/0
Андорра	0	1 ²⁵	0	1 ²⁶	1	0	0/0	1/1	0/0	1/1	0/0
Армения	0	1 ³⁰	1 ³¹	1 ³²	1	1	1/1	1/1	0/0	0/0	0/0
Беларусь	0	1 ³⁵	1 ³⁶	1 ³⁷	1	0	1/1	1/1	0/0	0/0	0/0

¹ Разделение на эту и две последующие колонки не является точным, так как я не всегда мог правильно понять терминологию на языках законодательств разных стран.

² Включая принадлежность к религиозной организации.

³ Сверх общепринятых норм, защищающих религиозные собрания, и т.п. В русском языке нет устойчивого термина, но есть в английском — defamation of religion.

Цифры 1 и 0 в таблице обозначают «да» и «нет». Сноски от этих цифр являются ссылками на сами нормы в переводе или в пересказе. Все такие сноски приведены после самой таблицы.

Защищаемые признаки (преступления ненависти / высказывания)								Особые нормы				
Религия ²	Сексуальная ориентация	Пол / Гендер	Инвалидность / болезни	Участие в политических объединениях	Политические или идеологические взгляды	Экзотика	Открытые списки	Прямая криминализация распространения материалов	Участие в группе	Отрицание Холокоста	Отрицание иных подобных преступлений	Оскорбление религий ³
1/1	1/1	1/1	1/1	0/0	0/0	1/1 ⁴	1 ⁵ /0	0	1 ⁶	0	1 ⁷	1 ⁸
1/1	0/0	0/0	0/0	0/0	0/0	1 ¹² /0	0/0	0	0	0	0	0
1/1	1/1	1/0	1 ¹⁶ /0	0/0	1/0	0/0	0/0	1 ¹⁷	0	0	0 ¹⁸	0
1/1	1/1	0/0	1/0	0/0	0/0	0/0	0/0	1 ²⁴	0	0	0	0
1/1	1/0	0/0	1/0	0/1	1/1	0/1 ²⁷	1 ²⁸ /0	0	0	0	0	1 ²⁹
1/1	0/0	0/0	0/0	0/0	0/0	1 ³³ /0	0/0	0	0	0	1 ³⁴	0
1/1	0/0	0/0	0/0	0/0	1/0	0/0	1 ³⁸ /0	1 ³⁹	0	0	0	0

⁴ Мы здесь рассматриваем именно законодательство Англии и Уэльса, а не Соединенного Королевства в целом. Законы Шотландии или Северной Ирландии несколько отличаются от английских, но для нашего сравнительного анализа достаточно учитывать подходы, принятые сейчас в Англии.

⁵ Таблица по штатам приводится ниже

	Преступления ненависти. Учет предрасудка как мотива			Высказывания			Защищаемые признаки (преступления ненависти / высказывания)				
	Отдельный состав преступления	Общее отягчающее обстоятельство	Квалифицирующий признак конкретных преступлений	Криминализация высказываний	Унижающие высказывания в адрес тех или иных групп	Предрасудок, как квалифицирующий признак вандализма	Раса / цвет кожи	Этническая принадлежность / этническое происхождение ¹	Национальное происхождение	Национальность как гражданство	Язык
Бельгия	0	0	1 ⁴⁰	1 ⁴¹	0	1 ⁴²	1/1 ⁴³	1/1 ⁴⁴	1/1	1/1	1/1
Болгария	1 ⁴⁹	0	1 ⁵⁰	1 ⁵¹	0	1	1/1	1/1	0/0	0/0	0/0
Босния и Герцеговина	0	0	1 ⁵⁷	1 ⁵⁸	0	1	1/1	1/1	0/0	0/1	0/0
Ватикан	0	0	0	0	0	0	0/0	0/0	0/0	0/0	0/0
Венгрия	1 ⁵⁹	0	0	1 ⁶⁰	0	1 ⁶¹	1/1	1/1	1/1	0/0	0/0
Германия	0	0	1 ⁶⁵	1 ⁶⁶	1	1 ⁶⁷	0/0	0/1	0/1	0/1	0/1 ⁶⁸
Греция	0	1 ⁷³	0	1 ⁷⁴	1	0	1/1	0/0	1/1	0/0	0/0
Грузия	0	0	1 ⁷⁷	1 ⁷⁸	1	1	1/1	1/1	1/1 ⁷⁹	0/0	0/0
Дания	0	1 ⁸²	0	1 ⁸³	0	0	0/1	1/1	0/1	0/0	0/0
Ирландия	0	0	0	1 ⁸⁶	1	0	0/1	0/0	0/1	0/0	0/0
Исландия	0	0	0	1 ⁸⁹	1	0	0/1	0/0	0/0	0/1	0/0
Испания	0	1 ⁹¹	0	1 ⁹²	1 ⁹³	0	1/1	1/1	1/1	0/0	0/0
Италия	1 ⁹⁸	1 ⁹⁹	0	1 ¹⁰⁰	0 ¹⁰¹	1 ¹⁰²	1/1	1/1	0/0	1/1	0/0
Казахстан	0	1 ¹⁰⁵	1 ¹⁰⁶	1 ¹⁰⁷	1	1 ¹⁰⁸	1/1	1/1	0/0	0/0	0/0
Канада	0	1 ¹¹³	0	1 ¹¹⁴	0	1 ¹¹⁵	1/1	1/1	1/0	0/0	1/0
Кипр	0	1 ¹¹⁹	0	1 ¹²⁰	1	1 ¹²¹	0/1	0/1	0/1	0/0	0/0
Кыргызстан	0	0	1 ¹²⁸	1 ¹²⁹	1	0	1/1	1/1	0/0	0/0	0/0
Латвия	0	1 ¹³³	0	1 ¹³⁴	1 ¹³⁵	1 ¹³⁶	1/1	1/1	1/1	0/0	0/0
Литва	0	1 ¹⁴¹	1 ¹⁴²	1 ¹⁴³	1 ¹⁴⁴	1 ¹⁴⁵	1/1	0/0	0/1 ¹⁴⁶	1/1	1/1

Защищаемые признаки (преступления ненависти / высказывания)								Особые нормы				
Религия ²	Сексуальная ориентация	Пол / Гендер	Инвалидность / болезни	Участие в политических объединениях	Политические или идеологические взгляды	Экзотика	Открытые списки	Прямая криминализация распространения материалов	Участие в группе	Отрицание Холокоста	Отрицание иных подобных преступлений	Оскорбление религий ³
1/1 ⁴⁵	1/1	1/1	1/1 ⁴⁶	0/0	1/0	1/1 ⁴⁷	0/0	0	0	1 ⁴⁸	0	0
1 ⁵² /1 ⁵³	0/0	0/0	0/0	0/0	1/0	0/0	1 ⁵⁴	0	1 ⁵⁵	0	1 ⁵⁶	0
1/1	0/0	0/0	0/0	0/0	0/0	0/0	0/0	0	0	0	0	0
0/0	0/0	0/0	0/0	0/0	0/0	0/0	0/0	0	0	0	0	0
1/1	1/1	1/1	1/1	0/0	0/0	0/0	1 ⁶² /1 ⁶³	0	0	0	1 ⁶⁴	0
0/1	0/0	0/0	0/0	0/0	0/0	0/0	0/1 ⁶⁹	1	1 ⁷⁰	1 ⁷¹	0	1 ⁷²
1/1	0/0	0/0	0/0	0/0	0/0	0/0	0/0	0	1 ⁷⁵	0	0	1 ⁷⁶
1/1	0/0	0/0	0/0	0/0	0/0	0/1 ⁸⁰	0/0	0	1 ⁸¹	0	0	0
1/1	1/1	0/0	0/0	0/0	0/0	0/0	1 ⁸⁴ /0	0	0	0	0	1 ⁸⁵
0/1	0/1	0/0	0/0	0/0	0/0	0/0	0/0	1 ⁸⁷	0	0	0	1 ⁸⁸
0/1	0/1	0/0	0/0	0/0	0/0	0/0	0/0	0	0	0	0	1 ⁹⁰
1/1	1/1	1/1	1/1	0/0	1/1	0/1 ⁹⁴	0/0	0	1 ⁹⁵	0	1 ⁹⁶	1 ⁹⁷
1/1	0/0	0/0	0/0	0/0	0/0	0/0	0/0	0	1 ¹⁰³	0	0	1 ¹⁰⁴
1/1	0/0	0/0	0/0	0/0	0/0	0 ¹⁰⁹ /0 ¹¹⁰	0/0	0	1 ¹¹¹	0	0	1 ¹¹²
1/1	1/1	1/0	0/0	0/0	0/0	1 ¹¹⁶ /0	1 ¹¹⁷ /0	0	0	0	0	1 ¹¹⁸
0/1	0/0	0/0	0/0	0/0	0/0	0/1 ¹²²	1 ¹²³ /0	1 ¹²⁴	1 ¹²⁵	0	1 ¹²⁶	1 ¹²⁷
1/1	0/0	0/0	0/0	0/0	0/0	0/1 ¹³⁰	0/0	1 ¹³¹	1 ¹³²	0	0	0
0/1 ¹³⁷	0/0	0/0	0/0	0/0	0/0	0/0	1 ¹³⁸ /0	0	0	0	1 ¹³⁹	1 ¹⁴⁰
1/1	1/1	1/1	1/0	0/0	0/0	1 ¹⁴⁷ /1 ¹⁴⁸	0/1 ¹⁴⁹	1 ¹⁵⁰	1 ¹⁵¹	0	1 ¹⁵²	0

	Преступления ненависти. Учет предрасудка как мотива			Высказывания			Защищаемые признаки (преступления ненависти / высказывания)				
	Отдельный состав преступления	Общее отягчающее обстоятельство	Квалифицирующий признак конкретных преступлений	Криминализация высказываний	Унижающие высказывания в адрес тех или иных групп	Предрасудок, как квалифицирующий признак вандализма	Раса / цвет кожи	Этничность / этническое происхождение ¹	Национальное происхождение	Национальность как гражданство	Язык
Лихтенштейн	0	1 ¹⁵³	0	1 ¹⁵⁴	1 ¹⁵⁵	1 ¹⁵⁶	1/1	1 ¹⁵⁷ /1	0/0	0/0	0/0
Люксембург	0	0	0	1 ¹⁶³	0	1 ¹⁶⁴	0/1	0/1	0/0	0/1	0/0
Македония	1 ¹⁷⁰	0	0	1 ¹⁷¹	1 ¹⁷²	1 ¹⁷³	1/1	0/1	1/1 ¹⁷⁴	0/0	0/0
Мальта	0	1 ¹⁷⁵	0	1 ¹⁷⁶	1	0	1/1	1/1	1/1	1/1	0/0
Молдова	0	1 ¹⁸⁰	1 ¹⁸¹	1 ¹⁸²	1	1 ¹⁸³	1/1	1/1	0/0	1/1 ¹⁸⁴	0/1
Монако	0	0	0	1 ¹⁸⁹	1 ¹⁹⁰	0	0/1	0/1	0/1 ¹⁹¹	0/1	0/0
Монголия	0	0	0	1 ¹⁹³	0	0	0/1	0/1	0/0	0/0	0/0
Нидерланды	0	0	0	1 ¹⁹⁴	1 ¹⁹⁵	0	0/1	0/0	0/0	0/0	0/0
Норвегия	0	1 ¹⁹⁹	0	1 ²⁰⁰	1 ²⁰¹	1 ²⁰²	1/1	1/1	1/1	0/0	0/0
Польша	1 ²⁰⁷	0	1 ²⁰⁸	1 ²⁰⁹	1 ²¹⁰	0	1/1	1/1	0/0	1/1	0/0
Португалия	0	0	1 ²¹³	1 ²¹⁴	1 ²¹⁵	0	1/1	0/1	0/1	0/0	0/0
Россия	0	1 ²¹⁹	1 ²²⁰	1 ²²¹	1 ²²²	1 ²²³	1/1	1/1	0/0	0/0	0/1
Румыния	0	1 ²²⁹	0	1 ²³⁰	1	0	1/1	1/1	1/1	0/0	1/0
Сан-Марино	0	0	0	0	0	0	0/0	0/0	0/0	0/0	0/0
Сербия	0	1 ²³⁸	0	1 ²³⁹	0	1 ²⁴⁰	1/1	1/1	1/1	0/0	0/0
Словакия	1 ²⁴¹	1 ²⁴²	1 ²⁴³	1 ²⁴⁴	1 ²⁴⁵	1 ²⁴⁶	1/1	1/1	1/1	1/1	0/0
Словения	0	0	1 ²⁵²	1 ²⁵³	1 ²⁵⁴	1 ²⁵⁵	1/1	1/1	0/0	1/0	1/0
США (в целом ⁵)	0	1 ²⁶⁰	0	0 ²⁶¹	0	1 ²⁶²	1/0	1/0	1/0	0/0	0/0
Таджикистан	0	1 ²⁶⁶	1 ²⁶⁷	1 ²⁶⁸	1	1 ²⁶⁹	1/1	1/1	0/0	0/0	0/0

Защищаемые признаки (преступления ненависти / высказывания)								Особые нормы					
Религия ²	Сексуальная ориентация	Пол / Гендер	Инвалидность / болезни	Участие в политических объединениях	Политические или идеологические взгляды	Экзотика	Открытые списки	Прямая криминализация распространения материалов	Участие в группе	Отрицание Холокоста	Отрицание иных подобных преступлений	Оскорбление религий ³	
0/1	0/0	0/0	0/0	0/0	0/0	0/0	1 ¹⁵⁸ /0	1 ¹⁵⁹	1 ¹⁶⁰	0	1 ¹⁶¹	1 ¹⁶²	
0/1	0/1	0/1	0/1	0/0	0/1	0/1 ¹⁶⁵	0/0	1 ¹⁶⁶	1 ¹⁶⁷	0	1 ¹⁶⁸	1 ¹⁶⁹	
1/1	0/0	0/0	0/0	0/0	0/0	0/0	0/0	0	0	0	0	0	
1/0	0/0	0/0	0/0	0/0	0/0	1 ¹⁷⁷ /0	1 ¹⁷⁸ /0	0	0	0	1 ¹⁷⁹	0	
1/1	0/0	0/1	0/0	0/1	0/1 ¹⁸⁵	1 ¹⁸⁶ /1 ¹⁸⁷	0/1 ¹⁸⁸	0	0	0	0	0	
0/1	0/1	0/0	0/0	0/0	0/0	0/0	0/0	0	0	0	0	1 ¹⁹²	
0/1	0/0	0/0	0/0	0/0	0/0	0/0	0/0	0	0	0	0	0	
0/1	0/1	0/1	0/1	0/0	0/1 ¹⁹⁶	0/0	0/0	1 ¹⁹⁷	0	0	0	1 ¹⁹⁸	
1/1	0/1	0/0	0/0	0/0	0/0	0/0	1 ²⁰³ /0 ²⁰⁴	0	0 ²⁰⁵	0	0	1 ²⁰⁶	
1/1	0/0	0/0	0/0	1/1	0/0	0/0	0/0	0	0	0	1 ²¹¹	1 ²¹²	
1/1	0/0	0/0	0/0	0/0	1 ²¹⁶ /0	0/0	0/0	0	1 ²¹⁷	0	1 ²¹⁸	0	
1/1	0/0	0/1	0/0	0/0	1/0	0/1 ²²⁴	1/1 ²²⁵	0	1 ²²⁶	0	1 ²²⁷	1 ²²⁸	
1/1	1/1	1/1	1 ²³¹ /0	1/0	1/0	1 ²³² /1 ²³³	0/1 ²³⁴	0	1 ²³⁵	1 ²³⁶	0	0	
0/0	0/0	0/0	0/0	0/0	0/0	0/0	0/0	0	0	0	0	1 ²³⁷	
1/1	1/0	1/0	0/0	0/0	0/0	0/0	0/0	0	0	0	0	0	
1/1	1/0	1/1	0/0	0/0	0/0	1/1 ²⁴⁷	0/0	1 ²⁴⁸	1 ²⁴⁹	0	1 ²⁵⁰	1 ²⁵¹	
1/1	1/1	1/0	0/1	0/0	0/0	1 ²⁵⁶ /0	1 ²⁵⁷ /0	0	0	1	1 ²⁵⁸	1 ²⁵⁹	
1/0	1 ²⁶³ /0	1/0	1/0	1/0	1 ²⁶⁴ /0	1 ²⁶⁵ /0	0/0	0	0	0	0	0	
1/1	0/0	0/0	0/0	0/0	0/0	1/1 ²⁷⁰	0/0	0	1 ²⁷¹	0	0	0	

	Преступления ненависти. Учет предрасудка как мотива			Высказывания			Защищаемые признаки (преступления ненависти / высказывания)				
	Отдельный состав преступления	Общие отягчающие обстоятельства	Квалифицирующий признак конкретных преступлений	Криминализация высказываний	Унижающие высказывания в адрес тех или иных групп	Предрасудок, как квалифицирующий признак вандализма	Раса / цвет кожи	Этничность / этническое происхождение ¹	Национальное происхождение	Национальность как гражданство	Язык
Туркменистан	0	1 ²⁷²	1 ²⁷³	1 ²⁷⁴	1	0	1/1	1/1	0/0	0/0	0/0
Турция	0	0	0	1 ²⁷⁶	1 ²⁷⁷	1 ²⁷⁸	0/1	0/0	0/0	0/0	0/0
Узбекистан	0	1 ²⁸¹	1 ²⁸²	1 ²⁸³	1	0	1/1	1/1	0/0	0/0	0/0
Украина	0	1 ²⁸⁸	1 ²⁸⁹	1 ²⁹⁰	1 ²⁹¹	1 ²⁹⁴²	1/1	1/1	0/0	0/0	0/0
Финляндия	0	1 ²⁹⁵	0 ²⁹⁶	1 ²⁹⁷	1	0	1/1	1/1	1/1	0/0	0/0
Франция	0	1 ³⁰³	1 ³⁰⁴	1 ³⁰⁵	1 ³⁰⁶	1 ³⁰⁷	1/1	1/1	0/0	1/1	0/0
Хорватия	0	1 ³¹¹	0	1 ³¹²	0	0	1/1	1/1	1/1	0/0	0/0
Черногория	0	0	0	1 ³¹⁶	1	1 ³¹⁷	0/1	0/1	0/1	0/0	0/0
Чехия	1 ³¹⁸	1 ³¹⁹	1 ³²⁰	1 ³²¹	1	0	1/1	1/1	0/0	1/1	0/1
Швейцария	1 ³²⁸	0	0	1 ³²⁹	1	0	1/1	1/1	0/0	0/0	0/0
Швеция	0	1 ³³²	0	1 ³³³	1 ³³⁴	0	1/1	1/1	1/1	0/0	0/0
Эстония	0	0	0	1 ³³⁶	0	0	0/1	0/1	0/0	0/0	0/1

Защищаемые признаки (преступления ненависти / высказывания)								Особые нормы					
Религия ²	Сексуальная ориентация	Пол / Гендер	Инвалидность / болезни	Участие в политических объединениях	Политические или идеологические взгляды	Экзотика	Открытые списки	Прямая криминализация распространения материалов	Участие в группе	Отрицание Холокоста	Отрицание иных подобных преступлений	Оскорбление религий ³	
1/1	0/0	0/0	0/0	0/0	0/0	1/1 ²⁷⁵	0/0	0	0	0	0	0	
0/1	0/0	0/1	0/0	0/0	0/1	0/1 ²⁷⁹	0/0	0	1 ²⁸⁰	0	0	0	
1 ²⁸⁴ /1	0/0	0/0	0/0	0/0	0/0	0/0	0/0	1 ²⁸⁵	1 ²⁸⁶	0	0	1 ²⁸⁷	
1/1	0/0	0/0	0/0	0/0	0/0	0/0	0/0	1 ²⁹³	0	0	0	1 ²⁹⁴	
1/1	1/1	0/0	1/1	0/0	0/0	1 ²⁹⁸ /1 ²⁹⁹⁹	1 ³⁰⁰ /1 ³⁰¹	0	0	0	0	1 ³⁰²	
1/1	1/1 ³⁰⁸	0/1	0/1	0/0	0/0	0/0	0/0	0	0	1 ³⁰⁹	1 ³¹⁰	0	
1/1	1/1	1/1	1/0	0/0	0/0	0/1 ³¹³	0/1 ³¹⁴	1	0	0	1 ³¹⁵	0	
0/1	0/0	0/0	0/0	0/0	0/0	0/0	0/0	0	0	0	0	0	
1/1	0/0	0/0	0/0	0/0	1 ³²² /1 ³²³	1 ³²⁴ /0	1/1 ³²⁷	0	1 ³²⁶	0	1 ³²⁷	0	
1/1	0/0	0/0	0/0	0/0	0/0	0/0	0/0	0	0	0	1 ³³⁰	1 ³³¹	
1/1	0/0	0/0	0/0	0/0	0/0	0/0	1 ³³⁵ /0	0	0	0	0	0	
0/1	0/1	0/1	0/0	0/0	0/1	0/1 ³³⁷	0/0	0	0	0	0	0	

¹ Современный § 283 УК Австрии звучит так: «Лица, публично или в форме, угрожающей общественному порядку, совершившие действия насильственного характера в отношении церкви, религиозного сообщества или другой организации по причине расы, цвета кожи, языка, религии или убеждений, национальности, родового, национального или этнического происхождения, пола, инвалидности, возраста или сексуальной ориентации, а также разжигание конфликтов и, совершенное в отношении определенной группы лиц или отдельного представителя подобной группы, именно вследствие его членства в этой группе, или подстрекавшие к насилию, наказываются лишением свободы сроком до двух лет. 2. Аналогичному наказанию подлежат лица или группы виновные в публичном оскорблении или нарушении человеческого достоинства представителей групп, указанных в ч. 1».

² Ч. 2 § 283 выше.

³ Определяется той же статьёй, что и богохульство, так как там идет об унижении священных предметов.

⁴ Возраст.

⁵ Ст. 33(5) рассматривает прецеденты, когда преступник действовал из расистских, ксенофобных или иных особо предосудительных побуждений.

⁶ Закон 1945 года, обновлявшийся, как минимум, до 1992 года, кроме членства в НСДАП и родственных организациях, расширяет запрет так:

«§ 3. ...

2. Тот, кто создает объединение, целью которого является посредством деятельности в духе национал-социализма добиваться отказа от независимости и самостоятельности Австрийской Республики или подрывать общественный порядок и препятствовать возрождению Австрии, или руководитель подобного объединения;

3. Тот, кто для создания организаций, перечисленных в чч. 1 и 2, вербует членов, финансирует или подобным образом поддерживает, снабжает членов организации или объединения оружием, транспортными средствами или средствами связи и передачи информации или аналогичным образом способствует и поддерживает деятельность таких организаций или объединений;

4. Тот, кто для таких организаций или объединений добывает, поставляет или хранит оружие, средства связи или устройства для передачи информации.

§ 3b. Тот, кто участвует в перечисленных в § 3a организациях или объединениях или поддерживает их деньгами или другим способом при

отсутствии состава преступления согласно § 3a, подлежит в судебном порядке уголовному наказанию лишением свободы сроком от пяти до десяти лет, в случае особой опасности личности исполнителя или участия в преступлении наказывается лишением свободы до 20 лет.

§ 3c. Наказание за деяния, указанные в §§ 3a и 3b, смягчается, если виновный по собственному побуждению прежде, чем власти узнают о его вине, сообщит им все, что ему известно об организации или объединении и их планах в момент, когда это еще держалось в тайне и могло причинить определенный ущерб.

§ 3d. Тот, кто публично или в присутствии многих людей путем распространения публикаций или художественного изображения призывает, подстрекает или пытается склонить к действиям, запрещенным согласно § 1 или § 3, особенно с намерением прославлять или восхвалять цели НСДАП, ее учреждения или мероприятия, подлежит, если при этом речь не идет о более тяжких уголовно наказуемых деяниях, лишению свободы сроком от пяти до десяти лет, в случае особой опасности личности исполнителя или участия в преступлении наказывается лишением свободы до 20 лет.

§ 3d.1. Тот, кто вступает в сговор с другими с целью совершения убийства, ограбления, поджога, являющихся преступлениями согласно §§ 85, 87 ли 89 Уголовного кодекса или преступлением согласно § 4 Закона о взрывчатых веществах и являющихся действием в духе национал-социализма, наказывается лишением свободы сроком от 10 до 20 лет, в случае особой опасности личности исполнителя или участия в преступлении наказывается пожизненным лишением свободы».

⁷ § 3 того же закона с 1992 года дополнен частью: «подлежит наказанию также тот, кто в публикации, по радио или другому средству информации или иным способом публично отрицает, грубо преуменьшает, восхваляет или пытается оправдать национал-социалистические преступления против человечности».

⁸ § 188 («Поношение религиозных предписаний») гласит: «Тот, кто публично унижает или высмеивает в манере, способной вызвать обоснованное раздражение, человека или вещь, которые являются объектом поклонения или догмой, юридически разрешенным обрядом, или юридически разрешенным учреждением церкви или религиозного сообщества, расположенного в Австрии, подлежит штрафу или тюремному заключению на срок, не превышающий шести месяцев».

⁹ Ст. 61, п. 1.6: «совершение преступления по мотиву национальной, расовой, религиозной ненависти или фанатизма, из мести за правомерные действия других лиц, с корыстной целью или другими низ-

менными побуждениями, а также с целью скрыть другое преступление или облегчить его совершение».

¹⁰ Только применительно к убийству (ст. 120.2.12).

¹¹ Ст. 283. Возбуждение национальной, расовой или религиозной вражды.

«283.1. Действия, направленные на возбуждение национальной, расовой или религиозной вражды, унижение национального достоинства, а равно действия, направленные на ограничение прав граждан, либо установление превосходства граждан по признаку их национальной или расовой принадлежности, отношения к религии, если эти деяния совершены публично или с использованием средств массовой информации, —

наказываются штрафом в размере от одной до двух тысяч минимальных размеров оплаты труда, либо ограничением свободы на срок до трех лет, либо лишением свободы на срок от двух до четырех лет.

283.2. Те же деяния, совершенные:

283.2.1. с применением насилия или с угрозой его применения;

283.2.2. лицом с использованием своего служебного положения;

283.2.3. организованной группой, —

наказываются лишением свободы на срок от трех до пяти лет».

¹² Религиозный фанатизм.

¹³ Уже в 2013 году в ст. 50 УК появилось новое общее отягчающее обстоятельство:

«п. J: Когда преступление совершено по мотивам, связанным с полом, расой, цветом кожи, этничностью, языком, гендерной идентичностью, сексуальной ориентацией, политическими взглядами, религиозными или философскими убеждениями, состоянием здоровья, генетической предрасположенностью или инвалидностью».

¹⁴ Ст. 265. Возбуждение ненависти или розни.

«Возбуждение ненависти или розни на почве расы, этничности, религии или сексуальной ориентации, а также намеренная подготовка, распространение или хранение с целью пропаганды текстов с подобным содержанием в любой форме наказываются лишением свободы от двух до десяти лет».

Ст. 119А отдельно криминализует распространение «расистских и ксенофобных материалов», ст. 119В — оскорбление человека на почве расы, этничности, национальности или религии, ст. 84А — угрозы человеку по тем же основаниям, но все это — только в компьютерных системах.

¹⁵ Ст. 132. Уничтожение или повреждение культовых объектов.

«Уничтожение или повреждение предметов культа, повлекшее за собой частичную или полную утрату их ценности карается штрафом или лишением свободы до трех лет».

¹⁶ Точнее, состояние здоровья, генетическая предрасположенность или инвалидность.

¹⁷ См. выше: подразумевается изготовление, пропаганда (можно считать, распространение) или хранение с целью пропаганды.

¹⁸ Уже в 2013 году была добавлена ст. 74а, которая криминализует распространение материалов, отрицающих, существенно преуменьшающих, оправдывающих или одобряющих акты геноцида и преступления против человечности, но почему-то — только в компьютерных системах. Поэтому эта новая статья УК не учитывается в основном тексте.

¹⁹ Crime and Disorder Act 1998 (см. ниже) сформулирован таким образом, что некоторые нападения, не криминальные сами по себе, с отягчающими обстоятельствами становятся криминальными. См. например, ниже п. 1с ст. 29.

²⁰ Акт о преступности и беспорядках (Crime and Disorder Act) 1998 года, с поправками, внесенными Актом о безопасности и противодействии терроризму (Anti-terrorism Crime and Security Act) 2001 года, дает определение преступлению ненависти как отдельному преступлению.

Статья 28. Значение отягчающего обстоятельства по расовым или религиозным мотивам.

«1. Правонарушение имеет отягчающее обстоятельство по расовым или религиозным мотивам для целей ст.ст. 29—32, приведенные ниже, если а) в момент совершения правонарушения или непосредственно перед или после него виновный демонстрирует к жертве преступления враждебность, основанную на принадлежности (или предполагаемой принадлежности) жертвы к расовой или религиозной группе; или

б) преступление мотивировано (полностью или частично) враждебностью по отношению к представителям расовой или религиозной группы на основании их принадлежности к этой группе.

2. В ч. 1(а) выше

«принадлежность» расовой или религиозной группе включает в себя связь с членами этой группы;

«предполагаемой» означает предполагаемой правонарушителем.

3. Для целей п. а или п. б ч. 1 не имеет значения, основана ли также враждебность преступника в какой-либо степени на любом другом факторе, не упомянутой в этой части.

4. В данной статье «расовая группа» означает группу лиц, определяемых по критерию их расы, цвета кожи, национальности (включая гражданство) или этнического или национального происхождения.

5. В данной статье «религиозная группа» означает группу лиц, определяемых по критерию их религиозных убеждений или отсутствия религиозных убеждений.

Ст. 29. Нападение при отягчающих обстоятельствах по расовым или религиозным мотивам.

1. Лицо является виновным в совершении правонарушения, предусмотренного настоящей статьей, если совершает —

а) правонарушение в соответствии со ст. 20 Закона о правонарушениях против личности 1861 (злонамеренное ранение или причинение тяжкого вреда здоровью);

б) правонарушение в соответствии со ст. 47 упомянутого Закона (фактические телесные повреждения), или

с) простое нападение, при отягчающих обстоятельствах по расовым или религиозным мотивам для целей настоящей статьи.

2) Лицо, виновное в совершении правонарушения, подпадающего под ч. 1, пп. а или б (см. выше) подлежит следующему наказанию —

а) в порядке упрощенного производства — к лишению свободы на срок, не превышающий шести месяцев или к штрафу, не превышающему установленный законом максимум, или то и другое;

б) в случае осуждения по обвинительному акту — к лишению свободы на срок, не превышающий семь лет или к штрафу, или то и другое.

3. Лицо, виновное в совершении правонарушения, подпадающего под ч. 1, п. с (см. выше), подлежит следующему наказанию —

а) в порядке упрощенного производства — к лишению свободы на срок, не превышающий шести месяцев и/или к штрафу, не превышающему установленный законом максимум;

б) в случае осуждения по обвинительному акту — к лишению свободы на срок, не превышающий двух лет или к штрафу, или то и другое.

Ст. 30. Преступный ущерб при отягчающих обстоятельствах по расовым или религиозным мотивам.

1. Лицо является виновным в совершении правонарушения, предусмотренного настоящей статьей, если он/она совершает правонарушение в соответствии с ч. 1 ст. 1 Закона о преступном ущербе от 1971 года (уничтожение или повреждение имущества, принадлежащего другому), при отягчающих обстоятельствах по расовым или религиозным мотивам для целей настоящей статьи.

2. Лицо, виновное в совершении правонарушения, предусмотренного в данной статье, подлежит следующему наказанию —

а) в порядке упрощенного производства — к лишению свободы на срок, не превышающий шести месяцев, или к штрафу, не превышающему установленный законом максимум, или то и другое;

б) в случае осуждения по обвинительному акту — к лишению свободы на срок, не превышающий четырнадцати лет, или к штрафу, или то и другое.

3. Для целей настоящей статьи п. а ч. 1 ст. 28 (см. выше) вступает в силу, если лицо, которому данное имущество принадлежит или считается принадлежащим для целей упомянутого Закона, стало жертвой правонарушения».

Акт о криминальной юстиции (Criminal Justice Act) 2003 года повторяет в ст. 145 формулировки ст. 28 Crime and Disorder Act 1998 применительно к расовым и религиозным преступлениям ненависти, а затем в ст. 146 в точности воспроизводит их применительно к преступлениям, совершенным по мотиву ненависти в связи с реальной или предполагаемой сексуальной ориентацией или инвалидностью жертвы.

²¹ Языком вражды и возбуждением ненависти считаются действия двух видов.

Первые — предпринятые при условии, описанном выше в ст. 28 Crime and Disorder Act 1998, и, согласно ст. 31 этого акта, относящиеся к следующим ст.ст. Акта об общественном порядке (Public Order Act) 1986 года, дополненного Актом о расовой и религиозной ненависти (Racial and Religious Hatred Act) в 2006 году и Актом о криминальной юстиции и иммиграции (Criminal Justice and Immigration Act) в 2008 году.

Ст.ст. 4, 4а, 5, соответственно, описывают такие действия первого типа:

«Страх или провоцирование насилия» — использование «по отношению к другому лицу угрожающих, бранных или оскорбительных слов или действий» или распространения или демонстрация «другому лицу какого-либо текста, знака или другого изображения, являющегося угрожающим, бранным или оскорбительным с намерением вызвать убеждение, что он/она или другое лицо незамедлительно станет жертвой противоправного насилия с чьей-либо стороны, или спровоцировать немедленное применение противоправного насилия со стороны данного или иного лица, или в случае если потерпевший имеет основания полагать с большой вероятностью, что подобное насилие будет применено или спровоцировано».

«Умышленное преследование, причинение страха или страдания» — те же действия, которые «вызывают у того или иного лица раздражение, страх или страдание».

«Преследование, страх или страдание» — те же действия, предпринятые «в пределах обзора или слышимости лица», которому они «с большой вероятностью, причинят ощущение преследования, страх или страдание».

Второй тип действий описан в частях III и IIIA Public Order Act с учетом тех же дополнений. Ч. III называется «расовая ненависть», причем слово «расовый» понимается аналогично тому, как в ст. 28 Crime and Disorder Act 1998. Ключевая статья — ст. 18. Использование слов, поведения или демонстрация письменных материалов.

«1. Кто использует угрозы, бранные или оскорбительные слова или поведение, или демонстрирует любые письменные материалы, содержащие угрозы, брань или оскорбления, является виновным в правонарушении, если —

- a) намеревается тем самым разжечь расовую ненависть или,
- b) с учетом всех обстоятельств, может тем самым привести к вспышке расовой ненависти.

2. Правонарушение, предусмотренное настоящей статьей, может быть совершено в общественном или частном месте, за исключением случаев, когда слова, или поведение, или демонстрация письменных материалов имела место внутри жилища и не была услышана или увидена кем-либо, помимо иных лиц, находившихся в том же или ином жилище, в каком случае действие не считается правонарушением.

...4. При рассмотрении правонарушения, предусмотренного этой статьей, для защиты обвиняемого может быть использовано доказательство, что он/она находились внутри жилища и не имели никаких оснований полагать, что используемые слова, или поведение, или демонстрируемый письменный материал будет услышан или увиден лицом за пределами этого или какого-либо другого жилища.

5. Лицо, намерение которого возбудить расовую ненависть не доказано, не является виновным в правонарушении, предусмотренном данной статьей, если он не имел намерения использовать слова или поведение или письменный материал в подобных целях, и не знал, что они могут быть восприняты как угрожающие, бранные или оскорбительные.

6. Данная статья не применяется в случаях, если слова или поведение или письменный материал демонстрируются исключительно как часть программы (имеется в виду программа телевидения или радио. — А.В.)».

Ч. IIIA аналогична ч. III, при условии, если «лицо, использующее угрожающие слова или поведение или демонстрирующее любые угрожа-

ющие письменные материалы, является виновным в правонарушении в случае намерения возбудить религиозную ненависть» или «ненависть в отношении группы лиц, определяемых ссылкой на их сексуальную ориентацию (по отношению к лицам того же пола, противоположного пола или обоих)».

Ч. IIIA, в отличие от ч. III, содержит статьи о защите свободы слова:

Ст. 29J: «Ничто в настоящей части не подлежит интерпретации или применению в манере, запрещающей или ограничивающей обсуждение, критику, или выражение антипатии, неприязни, насмешек, или оскорбления каких-либо религий или убеждений или практик их приверженцев, или любой другой системы убеждений или практик ее приверженцев, или обращение в свою веру, или призывы к приверженцам другой религии или системы убеждений прекратить практиковать свою религию или систему убеждений».

Ст. 29JA: «В настоящей части, во избежание сомнений, обсуждение или критика сексуального поведения или практики или призывы к воздержанию или изменению подобного поведения или практики не должны сами по себе рассматриваться как угрожающие или имеющие целью разжигание ненависти».

²² В 2013 году из ст. 5 Public Order Act 1986 было исключено слово *insulting*, так что осталось только слово *abusive*. В принципе, оба слова переводятся на русский как «оскорбительный», но первое подразумевает скорее обиду, а второе — скорее нанесение ущерба.

²³ См. выше ст. 30 Crime and Disorder Act 1998.

²⁴ Все, что касается материалов, содержащих расовый язык вражды, описано весьма подробно в ч. III Public Order Act 1986:

- ст. 19. Публикация или распространение письменных материалов;
- ст. 20. Публичное представление или пьеса (содержит целый ряд практических оговорок);
- ст. 21. Распространение, показ и проигрывание записей;
- ст. 22. Размещение программ в эфире или в кабельных сетях;
- ст. 23. Хранение материалов, разжигающих расовую ненависть (с целью распространения).

Ч. IIIA содержит аналогичный набор статей по религиозному языку вражды и языку вражды в связи с сексуальной ориентацией.

²⁵ Ст. 30.6 Уголовного кодекса определяет как отягчающие обстоятельства совершение преступлений по расистским и ксенофобным мотивам или причинам, связанным с идеологией, религией, национальностью, этническим происхождением, сексуальной ориентацией, болезнью или физической или психической инвалидностью жертвы.

²⁶ Уголовный кодекс не упоминает подстрекательства к ненависти или насилию в прямой форме, хотя ст. 339 УК предусматривает наказание любого, кто публично и с вредоносными намерениями совершает акты или произносит оскорбительные выражения в адрес членов религиозных, национальных, этнических, трудовых, политических групп или лиц, которые высказывают отличные убеждения или идеологии.

²⁷ Профсоюзные объединения.

²⁸ «Расистский и ксенофобный мотив», но наряду с другими.

²⁹ Ст. 301: «Кто оскорбляет религиозные убеждения в общественных местах, прерывает или препятствует религиозным актам или церемониям, подлежит лишению свободы сроком до шести месяцев».

³⁰ Формулировка общего и частногоотягчающего обстоятельства: «по мотиву национальной, расовой или религиозной ненависти либо религиозного фанатизма».

³¹ Применима к ст. 104 («Убийство»), ст. 112 («Умышленное нанесение тяжких телесных повреждений»), ст. 113 («Умышленное нанесение телесных повреждений средней тяжести»), ст. 119 («Пытки»), ст. 185 («Умышленное уничтожение имущества»), ст. 265 («Осквернение кладбищ»).

³² Ст. 226. Возбуждение национальной, расовой или религиозной вражды.

«1. Действия, направленные на возбуждение национальной, расовой или религиозной вражды, пропаганда расового превосходства или унижение национального достоинства —

наказываются штрафом в размере от двухсоткратного до пятисоткратного размера минимальной заработной платы, либо исправительными работами на срок не свыше двух лет, либо лишением свободы на срок от двух до четырех лет.

2. Деяния, предусмотренные частью первой настоящей статьи, совершенные:

- 1) публично или с использованием средств массовой информации;
  - 2) с применением насилия или с угрозой его применения;
  - 3) с использованием должностного положения;
  - 4) организованной группой, —
- наказываются лишением свободы на срок от трех до шести лет».

³³ Мотив религиозного фанатизма.

³⁴ Ст. 397¹. Отрицание, умаление геноцида и других преступлений против мира и безопасности человечества, их одобрение или оправдание.

«Отрицание, умаление, одобрение или оправдание геноцида и предусмотренных другими статьями настоящей главы преступлений против мира и безопасности человечества посредством распространения среди обще-

ственности материалов через компьютерную систему или в какой-либо иной доступной форме, если они совершены по расовой принадлежности, цвету кожи, национальной или этнической принадлежности либо религиозной принадлежности в целях разжигания ненависти к лицу или группе лиц, их дискриминации или насилия, —

наказываются штрафом в размере от стократного до трехсоткратного размера минимальной заработной платы либо лишением свободы на срок не свыше четырех лет».

³⁵ Список соответствующих отягчающих обстоятельств в п. 9 ст. 64 УК соответствует закону «О противодействии экстремизму»:

«совершение преступления по мотивам расовой, национальной, религиозной вражды или розни, политической или идеологической вражды, а равно по мотивам вражды или розни в отношении какой-либо социальной группы».

Этот общий отягчающий мотив есть и в КоАП: согласно ст. 7.3, «совершение административного правонарушения по мотивам расовой, национальной либо религиозной розни» признается обстоятельством, отягчающим административную ответственность.

³⁶ Применительно к убийству, нанесению тяжких телесных повреждений и «дедовщине».

³⁷ Ст. 130. Разжигание расовой, национальной или религиозной вражды или розни.

«1. Умышленные действия, направленные на возбуждение расовой, национальной, религиозной вражды или розни, на унижение национальной чести и достоинства, наказываются штрафом, или арестом на срок до шести месяцев, или ограничением свободы на срок до пяти лет, или лишением свободы на тот же срок.

2. Те же действия, соединенные с насилием либо совершенные должностным лицом с использованием своих служебных полномочий, — наказываются лишением свободы на срок от трех до десяти лет.

3. Действия, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, совершенные группой лиц либо повлекшие по неосторожности смерть человека либо иные тяжкие последствия, —

наказываются лишением свободы на срок от пяти до двенадцати лет».

³⁸ Социальная группа.

³⁹ Административное наказание, причем без оговорки о «массовости» распространения.

⁴⁰ Введено Антидискриминационным актом в 2003 году. Формулировка соответствующей ст. 377bis чрезвычайно широка: «Ненависть, пре-

зрение или враждебность по отношению к человеку из-за его предполагаемой расы, цвета кожи, рода, национального или этнического происхождения, его гражданства, пола, сексуальной ориентации, семейного положения, обстоятельств его рождения, возраста, уровня доходов, его религии или мнения о его текущем состоянии здоровья или будущей инвалидности, его языка, политических убеждений, иных убеждений, физической или генетической характеристики или социального происхождения».

Применяется к убийству, нанесению увечий, изнасилованию, нападению из засады, оставлению в опасности, покушению на личную свободу или на собственность, поджогу, клевете, оскорблению, харассменту.

⁴¹ Закон криминализует возбуждение ненависти двумя разными способами. С одной стороны, криминализованы призывы к дискриминации, ненависти, насилию, а также публичное заявление о намерении дискриминировать (эти формулировки введены в Секции 6 Антидискриминационного акта 2003 года, наказание — до года лишения свободы). С другой стороны, мотив ненависти по широчайшему списку признаков является отягчающим обстоятельством для таких преступлений, как клевета и оскорбление, а также осквернение могил и т.п. (гл. 5 УК Бельгии).

⁴² УК отдельно говорит о граффити, а не только повреждению собственности.

⁴³ В списке предрассудков в определении говорится: «так называемая раса, цвет кожи».

⁴⁴ Закон использует термин «происхождение». Он может означать любые характеристики родителей и прочих предков, включая их этничность, но отнюдь не ограничиваясь ею, включая, например, наличие судимости. Тем более что есть также критерий «рождение», включающий любые характеристики именно рождения, например, то, состояли ли родители в браке. Очевидно, в сумме речь идет о тех или иных характеристиках, происходящих от семьи.

⁴⁵ Убеждения или жизненная философия.

⁴⁶ Текущее и будущее состояние здоровья, инвалидность или физическая характеристика.

⁴⁷ Возраст, благосостояние, матримониальный статус, но также рождение и происхождение (см. выше).

⁴⁸ Речь идет не именно о Холокосте, а о «геноциде, который проводила нацистская Германия» (ст. 444 УК).

⁴⁹ Ч. 2 ст. 162 оговаривает наказания для тех, «кто применяет насилие в отношении другого или наносит ущерб его собственности из-за его национальности, расы, религии или политических убеждений», лишением свободы на срок до трех лет и общественным порицанием.

Ч. 1 ст. 163 наказывает «лиц, участвующих в группе, совершающей нападения на группы населения, отдельных граждан или их имущество в связи с их национальной или расовой принадлежностью», в этом случае зачинщикам и руководителям грозит наказание в виде лишения свободы сроком до пяти лет, тогда как другим участникам положено лишение свободы сроком до одного года или исправительные работы. Ч. 2 ст. 163 распространяется на случаи, в которых «группа или некоторые из ее участников вооружены», в этом случае зачинщики и руководители сталкиваются с наказанием в виде лишения свободы от одного до шести лет, в то время как других участников ждет наказание сроком до трех лет. Ч. 3 ст. 163 распространяется на случаи, когда «была совершена атака, повлекшая за собой тяжкие телесные повреждения или смерть», в каком случае зачинщики и руководители группы подлежат наказанию в виде лишения свободы от трех до пятнадцати лет, в то время как другие участники подлежат наказанию в виде лишения свободы на срок до пяти лет.

⁵⁰ «Расистский или ксенофобный мотив» включен в список квалифицирующих признаков для убийства и нанесения тяжких телесных повреждений, п. 11 ч. 1 ст. 116 и п. 12 ч. 1 ст. 131 соответственно.

⁵¹ Ч. 1 ст. 162: «Всякий, кто пропагандирует расовую и национальную враждебность, ненависть или расовую дискриминацию или подстрекает к таковым, наказывается лишением свободы на срок до трех лет и общественным порицанием».

⁵² П. 2 ч. 1 ст. 163 гласит: «Действия, подпадающие под ст. 163, совершенные в отношении групп, отдельных граждан или их имущества в связи с их религиозной принадлежностью, подлежат санкциям, предусмотренным этой статьей».

⁵³ Отдельно ст. 164 наказывает тех, «кто распространяет ненависть на религиозной почве через выступления, публикации, деятельность или любым другим способом».

⁵⁴ «Расистский и ксенофобный мотив».

⁵⁵ П. 4 ч. 3 ст. 162 гласит: «Всякий, кто формирует или возглавляет организацию или группу, целью которой является совершение действий, рассмотренных в предыдущих параграфах (насилие в отношении другого или нанесение ущерба его собственности из-за его национальности, расы, религии, или политических убеждений. — А.В.), наказывается лишением свободы на срок от одного до шести лет и общественным порицанием. Член подобной организации или группы наказывается лишением свободы на срок до трех лет и общественным порицанием».

⁵⁶ Ст.419а: «1. Тот, кто любым способом отрицает, оправдывает или существенно преуменьшает преступление против мира и человечности, так, что создает угрозу применения насилия или возбуждения ненависти против людей или групп, определяемых на основе расы, цвета кожи, религии, предков или национального или этнического происхождения, подлежит наказанию лишением свободы на срок от 1 года до 5 лет.

2. Тот, кто подстрекает другого к совершению преступления, описанного в ч.1, подлежит наказанию лишением свободы на срок до 1 года».

⁵⁷ Существует возможность более суровых наказаний в случае убийства (ч. 2 ст. 166), нанесения тяжких телесных повреждений (ст. 172) или изнасилования (ст. 203), если преступление совершено на расовой, национальной или религиозной почве.

⁵⁸ Ст. 150: «1. Тот, кто публично разжигает или распространяет национальную, расовую или религиозную вражду или рознь, или вражду между конституционными нациями и другими жителями Боснии и Герцеговины или Федерации, наказывается тюремным заключением на срок от одного до пяти лет.

2. Если акт, упомянутый в ч. 1 настоящей статьи, был совершен с применением принуждения, нападения, включал в себя угрозу безопасности, подвергал осмеянию национальные, этнические или религиозные символы, включал повреждение чужого имущества, или осквернение памятников или могил, виновный приговаривается к лишению свободы на срок от одного до восьми лет.

3. Тот, кто совершает действия, упомянутые в чч. 1 и 2 настоящей статьи, злоупотребляя своим служебным положением, или если эти действия влекут за собой беспорядки, насилие или иные тяжкие последствия для совместного существования конституционных наций и других жителей Боснии и Герцеговины или Федерации, наказывается лишением свободы на срок от одного до восьми лет за деяния, указанные в ч. 1 и лишением свободы на срок от одного до десяти лет за деяния, указанные в ч. 2».

⁵⁹ Ст. 216. Насилие в отношении членов сообщества.

«1. Кто проявляет антиобщественное поведение по отношению к другим по причине их реальной или предполагаемой принадлежности к национальной, этнической, расовой или религиозной группе или другой определенной социальной группе, в частности, по признаку инвалидности, гендерной идентичности или сексуальной ориентации с целью вызвать панику или напугать, является виновным в уголовном преступлении и подлежит наказанию лишением свободы на срок до трех лет.

2. Кто совершает нападение на другого человека по причине его реальной или предполагаемой принадлежности к национальной, этнической, расовой или религиозной группе или другой определенной социальной группе, в частности, по признаку инвалидности, гендерной идентичности или сексуальной ориентации, или заставляет его делать, не делать или терпеть что-либо силой или под угрозой применения силы, подлежит наказанию лишением свободы сроком от одного до пяти лет.

3. Наказание в виде лишения свободы от двух до восьми лет назначается в случаях, когда насилие в отношении представителя сообщества совершено:

- a) путем демонстрации смертоносного оружия;
- b) путем ношения смертоносного оружия;
- c) со значительным ущербом интересам потерпевшей стороны
- d) путем причинения страданий потерпевшей стороне;
- e) в составе банды или
- f) в преступном сообществе с соучастниками.

4. Кто участвует в подготовке к применению силы против любого члена сообщества, является виновным в совершении проступка, подлежащего наказанию лишением свободы сроком до двух лет».

⁶⁰ Ст. 332. Подстрекательство против сообщества.

«Кто публично подстрекает к ненависти по отношению к:

- a) венгерскому народу;
- b) какой-либо национальной, этнической, расовой или религиозной группе или
- c) определенным социальным группам, в частности по признаку инвалидности, гендерной идентичности и сексуальной ориентации, является виновным в уголовном преступлении и подлежит наказанию лишением свободы сроком до трех лет».

Ст. 335. Использование символов тоталитаризма.

«Любое лицо, которое:

- a) распространяет,
  - b) публично использует или
  - v) публично демонстрирует
- свастику, знаки СС, скрещенные стрелы (символ довоенной «хунгаристской» партии. — А.В.), серп и молот, пятиконечную красную звезду или любой символ, изображающий вышеупомянутое с целью нарушения общественного порядка — а именно таким образом, чтобы оскорбить достоинство жертв тоталитарных режимов и их права на неприкосновенность, — виновен в совершении проступка, наказуемого

заклЮчением под стражу, в случае если действие не привело к более серьезным уголовным преступлениям».

⁶¹ В ст. 371 («Вандализм») в п. 3bб содержится квалифицирующий признак объекта вандализма: «религиозные объекты, или любая церковь, или иное освященное место, используемое в религиозных целях». Но речь не идет о мотиве преступления.

⁶² Определенные социальные группы.

⁶³ То же.

⁶⁴ В 2010 году был принят закон, окончательно криминализовавший отрицание преступлений нацистских и коммунистических режимов (отдельно упоминается и отрицание Холокоста). Ранее закон об отрицании был отменен Конституционным судом. Новая норма была введена специальным актом в новый УК, вступивший в силу 1 июля 2013 г.

Ст. 333. Открытое отрицание нацистских преступлений и коммунистических преступлений.

«Кто публично отрицает преступления геноцида и другие преступления нацистского и коммунистического режимов против человечности или выражает какие-либо сомнения, или указывает на их незначительность, или пытается оправдать их, является виновным в уголовном преступлении, подлежащем наказанию в форме лишения свободы на срок не более трех лет».

⁶⁵ В УК понятие мотива ненависти так и не появилось. Хотя применительно к убийству существует «мотив, основанный на предвзятости», и ВС своим решением 1993 года отнес к таким мотивам расистский.

⁶⁶ Статьи о возбуждении полностью звучат так:

§ 130. Подстрекательство против народов.

«1. Кто способом, могущим нарушить общественное спокойствие,

1) разжигает ненависть против части населения, или призывает к насилию или актам произвола против нее, или

2) посягает на человеческое достоинство другого таким образом, что этим подвергается поруганию, пренебрежительно представляется или очерняется часть населения, наказывается лишением свободы на срок от трех месяцев до пяти лет.

2. Лишением свободы на срок до трех лет или денежным штрафом наказывается тот, кто

1) печатает материалы (§ 11, абз. 3), которые разжигают ненависть против части населения или против национальной, расовой, религиозной группы или определяемой какими-либо признаками народности группы, призывает к совершению насилия или актов произвола против них или подвергает поруганию, злонамеренно пренебрежительно представляет или очерняет их:

а) распространяет,

б) публично выставляет, предлагает, вводит или иным образом делает доступными,

с) предлагает, передает или делает доступным для лица, не достигшего 18 лет, или

д) изготавливает, получает, поставяет, заготавливает, предлагает, извещает о них, ввозит и вывозит, чтобы использовать эти издания или отдельные их части способом, указанным в п. а-с, или сделать возможным такое использование другому лицу, или

2) передает информацию указанного в абз. 1 содержания по радио.

3. Лишением свободы на срок до пяти лет или денежным штрафом наказывается тот, кто, руководствуясь идеями национал-социализма, публично или на собрании одобряет, оспаривает или преуменьшает серьезность совершенного деяния, указанного в § 220а, абз. 1, вида, способом, могущим нарушить мирное состояние общества.

4. Ч. 2 действует также для печатных материалов (§ 11, абз. 3) указанного в абз. 3 содержания.

5. В случаях, предусмотренных абз. 2, также в связи с абз. 4, и в случаях, указанных в абз. 3, § 86, абз. 3, действует соответственно».

(Упомянутый § 11, абз. 3 гласит: «К письменным материалам приравниваются звукозапись, кинофильмы, носители информации, иллюстрации и другие изображения согласно предписаниям, которые отсылают к данному абзацу».)

§ 130а. Распространение материалов, служащих руководством к совершению наказуемых деяний.

«1. Кто распространяет, публично выставляет, вывешивает, демонстрирует или делает доступным иным способом печатный материал (§ 11, абз. 3), который может служить руководством, указанием к совершению противоправного деяния другими лицами указанного в § 126, абз. 1 вида, и который по своему содержанию предназначен содействовать и побуждать к готовности совершить такое деяние, наказывается лишением свободы на срок до трех лет или денежным штрафом.

2. Так же наказывается тот, кто

1) распространяет, выставляет публично, вывешивает, демонстрирует или делает доступным иным способом письменный материал (§ 11, абз. 3), который может служить руководством для совершения противоправного деяния, указанного в § 126, абз. 1, другими лицами или

2) публично или на собрании дает указание для совершения противоправного деяния, указанного в § 126, абз. 1, чтобы содействовать и побудить других лиц к совершению такого деяния.

3. § 86, абз. 3, действует соответственно».

Также важен § 126. Нарушение общественного спокойствия посредством угрозы совершения наказуемых деяний.

«1. Кто любым нарушающим общественное спокойствие способом угрожает

1) совершением насильственных действий сообща с другими лицами против других лиц и тем самым нарушением общественного спокойствия в случаях, указанных в § 125а, предложение 2, № 1—4,

2) тяжким убийством, убийством или геноцидом (§§ 211, 212 или 220а),

3) тяжким телесным повреждением (§ 226),

4) совершением наказуемого деяния против личной свободы в случаях, предусмотренных §§ 234—234а, 239а или 239b,

5) разбоем, вымогательством, сопровождаемым прямой угрозой применения насилия (§§ 249—251 или 255),

6) совершением общепасного преступления в случаях, предусмотренных §§ 306 до 306с или 307, абз. 1—3, § 308, абз. 1—3, § 309, абз. 1—4, §§ 313, 314 или § 315, абз. 3, § 315с, абз. 3, § 316а, абз. 1 или 3, § 316с, абз. 1 или 3 или § 318, абз. 3 или 4, или

7) опасным для общества проступком, предусмотренным § 309, абз. 6, § 311, абз. 1, § 316b, абз.1, § 317, абз. 1 или § 318, абз. 1,

наказывается лишением свободы на срок до трех лет или денежным штрафом.

(2) Так же наказывается тот, кто любым способом нарушает общественное спокойствие, намеренно ложно утверждает, что осуществление одного из указанных в абз. 1 противоправных деяний еще якобы предстоит».

⁶⁷ Хотя преступлений ненависти и нет в законе, поджог церкви или иного места богослужения рассматривается как «тяжкий поджог» (§ 306а) и наказывается строже обычного.

⁶⁸ Поскольку в § 130 речь идет о группах, обладающих какими-то признаками национальности, наверное, язык в список этих признаков все же входит.

⁶⁹ Тот же параграф говорит о «частях населения», и хотя в тексте имеются в виду скорее национальные, этнические и религиозные группы, но § 130 может охватывать любые.

⁷⁰ § 85: «Продолжение деятельности организации после ее запрета, сохранение ее организационной структуры в качестве лидера или сторонника наказывается лишением свободы на срок до пяти лет; участие в деятельности в качестве члена или поддержка организационной структуры подлежит наказанию лишением свободы на срок до трех лет».

§ 86: «Распространение пропаганды антиконституционных организаций наказывается лишением свободы на срок до трех лет или штрафом.

Относится к распространению в Германии или производству, хранению, импорту и экспорту с целью распространения в Германии или за рубежом. Касается исключительно пропаганды, направленной против свободного демократического строя или против концепции международного взаимопонимания. Если действие предпринято в гражданских образовательных целях, с целью защитить общественность от неконституционных действий, с целью вклада в искусство и науку, для научных исследований, преподавания, репортажа о событиях современности или истории или аналогичных целей, то в нем отсутствует состав данного преступления».

§ 86а: «Использование символики антиконституционных организаций подлежит наказанию лишением свободы на срок до трех лет или штрафом.

Относится к распространению и публичному использованию определенных символов в Германии и производству, хранению, импорту и экспорту объектов, изображающих подобные символы, с целью распространения или публичного использования в Германии или за рубежом. К символам относятся флаги, знаки отличия, униформа, лозунги и формы приветствия, а также символы, которые напоминают или могут быть приняты за подобные символы. ... Если действие предпринято в гражданских образовательных целях, с целью защитить общественность от неконституционных действий, с целью вклада в искусство и науку, для научных исследований, преподавания, репортажа о событиях современности или истории или аналогичных целей, то в нем отсутствует состав данного преступления».

⁷¹ Ч. 3 § 130.

⁷² § 166. Оскорбление вероисповеданий, религиозных сообществ и организаций, посвященных жизненной философии.

«Кто публично или путем распространения сочинений (§ 11, ч. 3) оскорбляет содержание чужой религиозной веры или веры, связанной с жизненной философией, в манере, которая может привести к нарушению общественного спокойствия, наказывается лишением свободы на срок не более трех лет или штрафом.

Кто публично или путем распространения сочинений (§ 11, ч. 3) оскорбляет церковь, религиозное сообщество или организацию, посвященную жизненной философии, находящуюся в Германии, их институты или обычаи в манере, которая может привести к нарушению общественного спокойствия, подлежит аналогичному наказанию».

⁷³ Ст. 79 УК гласит, что «совершение преступления на основании национальной, расовой или религиозной ненависти или ненависти, основанной на иной сексуальной ориентации, являетсяотягчающим обстоятельством».

⁷⁴ Закон № 927, принятый в 1979 году и уточненный с тех пор неоднократно, включает и такие положения.

Ст. 1.1 криминализует следующие действия: «Самовольно и публично, в устной, письменной или печатной форме, с помощью изображений или любыми другими средствами, подстрекать к действиям или деятельности, которая может привести к дискриминации, ненависти или насилию в отношении отдельных граждан или групп лиц на основании их расовой или национальной принадлежности или [в соответствии со статьей 24 Закона 1419/1984] религии;

публично, в устной письменной или печатной форме, с помощью изображений или любыми другими средствами выражать оскорбительные идеи, направленные против любого человека или группы лиц по признаку расового или национального происхождения или религии».

Наказание предполагается до двух лет лишения свободы.

Ст. 2 относится к «выражению в устной, письменной или печатной форме, с помощью изображений или любыми другими средствами любых идей, оскорбляющих отдельных граждан или группы лиц на основании их расовой, этнической или религиозной принадлежности. Карается лишением свободы сроком до одного года и/или штрафом.

⁷⁵ Закон 927. Ст. 1.2: «Учреждение или членство в организации, целью которой является организация пропаганды или деятельности любого характера, включающие в себя расовую дискриминацию, наказывается лишением свободы сроком до двух лет и/или штрафом».

⁷⁶ Ст. 198. Злонамеренное богохульство.

«1. Кто оскорбляет Бога в той или иной форме в общественном месте и со злым умыслом, должен понести наказание в виде лишения свободы сроком до двух лет.

2. Кто богохульствует на публике при обстоятельствах, отличных от указанных в первой части, и показывает неуважение к Богу, должен понести наказание в виде лишения свободы на срок до трех месяцев».

Ст. 199. Оскорбление религии.

«Кто на публике и с вредоносными намерениями, в любой форме оскорбляет Православную Церковь или любую другую религию, признанную в Греции, должен понести наказание в виде лишения свободы сроком до двух лет».

⁷⁷ «Вследствие расовой, религиозной или этнической нетерпимости». Применимо к следующим преступлениям: убийство, нанесение тяжких и средних телесных повреждений, пытки, осквернение трупов или захоронений.

⁷⁸ Среди изменений в Кодексе, принятых в 2003 году, было положение о подстрекательстве. В Кодекс была добавлена новая ст. 142¹, которая оговаривает, что «расовая дискриминация, то есть деяние, совершенное с целью разжигания национальной или расовой ненависти или конфликта, унижения национального достоинства, прямого или косвенного ограничения прав человека или предоставления преимуществ по признакам расы, цвета кожи, социального положения или национального или этнического происхождения, наказывается лишением свободы на срок до трех лет».

⁷⁹ В статьях о преступлениях ненависти слово «национальный» используется как прилагательное, а в статье о языке вражды говорится о «национальном происхождении». По совокупности следует считать, что речь идет не о признаке гражданства.

⁸⁰ Социальный статус.

⁸¹ Ст. 252. Создание, лидерство или участие в незаконном объединении.

«1. Создание религиозного, политического или общественного объединения, деятельность которого включает в себя насилие в отношении людей, или лидерство в подобном объединении наказывается штрафом или лишением свободы на срок до трех лет.

2. Участие в объединении, указанном в ч. 1 настоящей статьи, наказывается штрафом или лишением свободы на срок до двух лет».

⁸² «Отягчающее обстоятельство ... что преступление мотивировано национальностью пострадавших или их верой, сексуальной ориентацией или аналогичными факторами».

⁸³ § 266b: «1. Кто публично или с намерением широкого распространения делает заявление или передает иную информацию, в результате которой группа людей становится объектом угроз, презрения или унижения на основании их расы, цвета кожи, национального или этнического происхождения, религии или рода полового влечения, несет ответственность в виде штрафа или тюремного заключения на срок, не превышающий двух лет. В случае, когда действие может быть охарактеризовано как пропаганда, это будет рассматриваться как отягчающее обстоятельство».

⁸⁴ Или сходные.

⁸⁵ § 140: Кто публично издевается или выражает презрение к религиозным доктринам или обрядам какой-либо религиозной общины, законно существующей в стране, подлежит наказанию лишением свободы на срок, не превышающий четырех месяцев».

⁸⁶ Акт о запрете подстрекательства к ненависти по признаку расы, религии, национальности или сексуальной ориентации 1989 года.

«Ст. 2. Для гражданина является правонарушением

- публиковать или распространять письменные материалы,
- использовать слова, действия или демонстрацию письменных материалов

- в любом месте, кроме как внутри частного жилья, или

внутри частного жилья таким образом, что слова, действия или материалы оказались услышаны или увиденны лицами, находящимися снаружи резиденции, или распространять, показывать или воспроизводить записи визуальных образов или звуков, в том случае если письменные материалы, слова, поведение, визуальные образы или звуки являются угрожающими, ругательными или оскорбительными и предназначены для разжигания ненависти, или, с учетом всех обстоятельств, с большой вероятностью способны разжечь ненависть.

В судебных разбирательствах по факту преступлений, предусмотренных этой статьей, если не было доказано, что обвиняемый умышленно разжигал ненависть, защитой является доказательство, что обвиняемый не был информирован о содержании материала или записи и не подозревал и не имел оснований подозревать, что материал или запись имели угрожающий, бранный или оскорбительный характер.

В судебных разбирательствах по факту преступлений, предусмотренных п. б ч. 1, защитой является доказательство, что в момент преступления обвиняемый находился внутри частного жилища и не имел никаких оснований полагать, что его слова, действия или указанные материалы будут услышаны или увиденны лицами за пределами вышеуказанного жилища, или отсутствие доказательства его намерений разжечь ненависть, а также доказательство, что своими словами, поведением или материалом обвиняемый не предполагал нанести вред и не знал, что они могут быть угрожающими, бранными или оскорбительными.

Ст. 3. Если сообщение, содержащее угрожающие, насильственные или оскорбительные изображения или звуки, выходит в эфир, каждое из лиц, указанных в ч. 20, является виновным в совершении преступления, в случае если они намеревались тем самым возбудить ненависть или если, с учетом всех обстоятельств, в результате вероятно возбуждение ненависти.

Ст. 4. Для гражданина является правонарушением

а) создавать какой-либо письменный материал или владеть им с целью распространения, трансляции или публикации иным способом в государстве или за его пределами лично или с помощью посредника, или

б) создавать звукозаписи и изображения или владеть ими с целью их распространения, демонстрации, воспроизведения, передачи в эфир или публикации иным способом в государстве или за его пределами лично или с помощью посредника, в случае если материал или запись являются угрожающими, бранными или оскорбительными и предназначены для разжигания ненависти».

Наказание за эти действия — до двух лет лишения свободы и/или штраф до 10 тысяч фунтов.

⁸⁷ Ст. 4. Закон о запрещении подстрекательства к ненависти.

⁸⁸ Акт о диффамации 1961 года, № 4.

«Наказание за печатание или публикацию кощунственной или непристойной клеветы.

13.1. Кто сочиняет, печатает или публикует кощунственную или непристойную клевету, в случае обвинительного приговора подлежит штрафу, не превышающему 500 фунтов, или лишению свободы на срок, не превышающий двух лет, или одновременно штрафу и лишению свободы, или приговаривается к каторжным работам на срок, не превышающий семи лет.

а) в каждом случае утвердительного приговора по факту составления, печати или публикации кощунственной клеветы суд может вынести постановление об изъятии и безопасном хранении обозначенным в обвинительном акте способом всех копий вышеуказанной клеветы, находящихся во владении обвиняемого или любого другого лица, указанного в обвинительном акте, при наличии данных под клятвой и удовлетворивших суд доказательств того, что копии означенной клеветы, находящиеся во владении означенного третьего лица, предназначены для использования обвиняемым;

б) при отдаче приказа, принятого согласно п. а этой части, любой член Национальной полиции, действующий на основании подобного приказа, может, применяя при необходимости силу, проникнуть в любое здание, дом или другое место, принадлежащее осужденному или третьему лицу, указанному в акте, для проведения обыска на предмет вышеуказанных клеветнических материалов, а также изъять и хранить обозначенным в акте способом все найденные копии клеветнических материалов;

с) если в любом подобном случае приговор аннулируется по апелляции, все копии клеветнических материалов, изъятые по приказу в соответствии с п. а данной части, должны быть бесплатно возвращены тому лицу или лицам, у которых они были изъятые;

д) если в любом подобном случае апелляция не подана или приговор подтверждается после подачи апелляции, все копии клеветнических мате-

риалов, изъятые по приказу в соответствии с п. а данной части и по факту заявления члена Национальной полиции в суд, сделавший означенное распоряжение, должны быть уничтожены указанным судом способом».

Законом 1997 года каторжные работы были отменены, и в тех нормах, где они предусмотрены, должно применяться обычное лишение свободы.

⁸⁹ Подстрекательство рассматривается в п. а ст. 233 Кодекса, предусматривающем наказание «любому лицу, которое посредством насмешек, клеветы, оскорблений, угроз или любым иным способом публично нападает на человека или группу лиц по признаку их национальности, цвета кожи, расы, религии или сексуальной ориентации» в виде лишения свободы на срок до двух лет.

⁹⁰ Ст. 124: «Если кто-либо нарушает неприкосновенность кладбищ или виновен в неподобающем обращении с трупом, это действие подлежит наказанию штрафом ... 1) или лишением свободы на срок до шести месяцев. То же наказание применяется в случаях неподобающего обращения с предметами, принадлежащими церкви и используемыми для церковных обрядов».

Ст. 125: «Кто официально высмеивает или оскорбляет догматы или вероисповедания законно существующей в стране религиозной общины, подлежит наказанию штрафом или лишению свободы на срок до трех месяцев. Судебные иски не должны возбуждаться, кроме как по инструкции прокурора».

⁹¹ Ст. 22: «Следующие обстоятельства рассматриваются как отягчающие:

4. Совершение правонарушения по мотивам расизма, антисемитизма или любого другого вида дискриминации основанного на идеологии, религии или убеждениях, расе, этническом происхождении, поле, сексуальной ориентации, болезни или инвалидности жертвы».

⁹² Ч. 1 ст. 150 УК: «Кто подстрекает к дискриминации, ненависти или насилию по отношению к любой группе или ассоциации по мотивам расизма, антисемитизма или на каких-либо других основаниях, базирующихся на идеологии, религии или убеждениях, социальном статусе, этнической принадлежности или расе, национальном происхождении, поле, сексуальной ориентации, болезни или инвалидности, подлежит наказанию тюремным заключением на срок от одного до трех лет или от штрафом в размере дохода от шести до двенадцати месяцев».

⁹³ Ч. 2 той же ст. 150 УК: «Аналогичное наказание применяется к любому, кто, распространяет оскорбительную информацию, заведомо ложную или с безответственным презрением к истине, о группах или ассоциациях в связи с их идеологией, религией или убеждениями, эт-

нической принадлежностью, расой, национальным происхождением, полом, сексуальной ориентацией, болезнью или инвалидностью».

⁹⁴ Социальный статус.

⁹⁵ Ч. 5 ст. 515 запрещает как незаконные организации, которые «продвигают дискриминацию, ненависть и насилие против групп, ассоциаций и индивидуумов по причине их идеологии, религии, верований, принадлежности их членов к этнической группе, нации, расе, их полу или сексуальным предпочтениям, семейному статусу, состоянию здоровья, а также призывают к таким действиям». Согласно ст. 517, лидеры таких организаций несут наказание до четырех лет лишения свободы, а участники — до трех лет. При этом, согласно ст. 519 УК, подстрекательство к созданию такой организации и заговор с целью ее создания тоже наказуемы.

⁹⁶ В ст. 607 УК, ч. 1 которой описывает преступление геноцида, есть ч. 2: «Распространяющий с помощью любых средств информацию или какое-либо учение, которое отрицает или оправдывает преступления, изложенные в предыдущем абзаце настоящей статьи, или пытается реабилитировать любой режим или учреждение, поощряющие практику, аналогичную описанную в предыдущих параграфах, подлежит наказанию лишением свободы сроком до двух лет».

⁹⁷ Ст. 524: «Кто совершает акт профанации, оскорбительный для юридически зарегистрированной религиозной конфессии, в церкви или в другом месте поклонения или во время религиозной церемонии, подлежит тюремному заключению на срок от шести месяцев до одного года или штрафу от четырех до десяти месяцев». (Испанский УК предполагает, что штраф накладывается в днях, а сумма в день, в диапазоне от 2 до 400 евро, устанавливается судом в зависимости от обстоятельств осужденного. — А.В.)

Ст. 525: «1. Кто, с намерением оскорбить членов религиозной деноминации, насмехается над их догмами, убеждениями, обрядами и церемониями — публично, устно, письменно или с использованием документа в любом формате, или публично преследует тех, кто исповедует свою религию, подлежит наказанию тюремным заключением сроком от восьми до 12 месяцев.

2. Любой, кто издевается — публично, в устной или письменной форме — над теми, кто не исповедует никакой религии или убеждений, подлежат аналогичному наказанию».

⁹⁸ Объединено с призывами к насилию, если не является более тяжким преступлением: «Кто с помощью любых средств совершает или подстрекает других к совершению актов насилия или актов, направлен-

ных на провокацию насилия на основании расизма, этнических, национальных или религиозных мотивов, подлежит лишению свободы на срок от шести месяцев до четырех лет».

⁹⁹ Акт № 205 от 25 июня 1993 г. о неотложных мерах в отношении расовой, этнической и религиозной дискриминации.

Ст. 3. Отягчающие обстоятельства.

«Если преступления, предполагающие любое наказание, кроме пожизненного лишения свободы, совершаются по причинам этнической, национальной, расовой или религиозной дискриминации или ненависти или с целью содействия организации, ассоциации, движению или группе, преследующим подобные цели, наказание должно быть увеличено на 50 процентов».

¹⁰⁰ Из ч. 1 ст. 3.1 того же Акта 205: «За исключением случаев, когда рассматриваемые деяния составляют более серьезное правонарушение, следующие санкции должны быть применены с целью выполнения 4-й статьи Конвенции (о ликвидации всех форм расовой дискриминации. — А.В.):

а) кто с помощью каких-либо средств продвигает идеи, основанные на расовом или этническом превосходстве или ненависти, совершает или подстрекает других к совершению дискриминационных действий по расовым, этническим, национальным или религиозным основаниям, подлежит лишению свободы на срок до полутора лет или штрафу до 6 тысяч евро;

б) кто с помощью каких-либо средств совершает или подстрекает других к совершению актов насилия или актов, подстрекающих к насилию по расовым, этническим, национальным или религиозным основаниям, подлежит лишению свободы на срок от шести месяцев до четырех лет».

¹⁰¹ Термин «идеи превосходства» предполагает скорее пропаганду какой-то идеологии, чем просто утверждение неравенства.

¹⁰² См. ст. 404 УК ниже.

¹⁰³ Акт 645 1952 года о запрете восстановления фашистской партии.

Ст. 1. Восстановление фашистской партии.

«“Фашистская партия” подразумевает объединение, движение или группу, состоящую по меньшей мере из пяти человек, которая преследует антидемократические цели и использует, среди прочего, пропаганду расизма. Подлежит наказанию путем лишения свободы, уничтожению объединения, или конфискации имущества».

Ст. 4. Оправдание фашизма.

«Наказание за публичное прославление фашизма усугубляется в тех случаях, когда специфически превозносятся расистские идеи или методы. Лишение свободы сроком до трех лет и штраф».

Но есть и позже принятые законы:

См. ту же ст. 3 Акта 205. А также из ст. 1:

«3. Любая организация, объединение, движение или группа, цели которой включают в себя поощрение дискриминации или насилия по расовым, этническим, национальным или религиозным мотивам, должна быть запрещена. Кто участвует в подобной организации, объединении, движении или группе или способствует их деятельности, подлежит — исключительно по причине такого участия или оказания помощи — тюремному заключению на срок от шести месяцев до четырех лет. Кто способствует деятельности или работает в подобной организации, объединении, движении или группе подлежит — на одном только этом основании — тюремному заключению сроком от одного до шести лет».

Ст. 2 Акта 205 криминализует демонстрацию символики запрещенных организаций с наказанием до трех лет лишения свободы (и отдельно — на спортивных мероприятиях).

¹⁰⁴ Ст. 403 УК. Оскорбление религиозных деноминаций путем оскорбления людей.

«Всякий, кто публично оскорбляет религию путем выражения неуважения к тем, кто исповедует ее, наказывается штрафом от тысячи до 5 тысяч евро. Штрафом от 2 тысяч до 6 тысяч евро наказывается тот, кто оскорбляет деноминацию путем оскорбления священнослужителя».

Ст. 404. Оскорбление религии путем выражения презрения или разрушения имущества.

Согласно ч. 1 статьи, «каждый, кто в публичном месте или в месте богослужения оскорбляет деноминацию путем оскорбления предметов, используемых в богослужении, или освященных для богослужения, или предназначенных для богослужения», наказывается штрафом от тысячи до 5 тысяч евро наравне с теми, кто препятствует богослужению.

¹⁰⁵ П. «е» ст. 54: «совершение преступления по мотиву национальной, расовой и религиозной ненависти или вражды, из мести за правомерные действия других лиц, а также с целью скрыть другое преступление или облегчить его совершение».

¹⁰⁶ Квалифицирующий признак сходен с общим отягчающим обстоятельством, но дополнен социальной ненавистью или враждой и фразой «по мотиву кровной мести». Присутствует в ст.ст. 96 («Убийство»), 103 («Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью»), 104 («Умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью»), 107 («Истязание»).

¹⁰⁷ Основной состав ст. 164 УК («Возбуждение социальной, национальной, родовой, расовой или религиозной вражды»): «Умышленные действия, направленные на возбуждение социальной, национальной, родовой, расовой, религиозной вражды или розни, на оскорбление национальной чести и достоинства либо религиозных чувств граждан, а равно пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности граждан по признаку их отношения к религии, сословной, национальной, родовой или расовой принадлежности, если эти деяния совершены публично или с использованием средств массовой информации, а равно путем распространения литературы и иных носителей информации, пропагандирующих социальную, национальную, расовую, религиозную вражду или рознь».

¹⁰⁸ Ст.ст. 187 («Умышленное уничтожение или повреждение чужого имущества»), 275 («Надругательство над телами умерших и местами их захоронения»).

¹⁰⁹ Фигурирует социальная вражда. Трудно сказать, может ли кровная месть быть отнесена к мотивам ненависти. Скорее нет, и она фигурирует только в статье «Убийство».

¹¹⁰ Фигурируют социальная вражда и утверждение превосходства по признаку сословия. Фигурирует не только национальность, но и род.

¹¹¹ Ст. 337. Создание или участие в деятельности незаконных общественных и других объединений.

«1. Создание или руководство религиозным или общественным объединением, деятельность которого сопряжена с насилием над гражданами или иным причинением вреда их здоровью, либо с побуждением граждан к отказу от исполнения гражданских обязанностей или к совершению иных противоправных деяний, а равно создание или руководство партией на религиозной основе либо политической партией или профессиональным союзом, финансируемыми из запрещенных законами Республики Казахстан источников, —

наказываются штрафом в размере от двухсот до пятисот месячных расчетных показателей, либо исправительными работами на срок до двух лет, либо ограничением свободы на срок до шести лет, либо лишением свободы на тот же срок с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до шести лет.

2. Создание общественного объединения, провозглашающего или на практике реализующего расовую, национальную, родовую, социальную, сословную или религиозную нетерпимость или исключительность, призывающего к насильственному ниспровержению конституционного

строю, подрыву безопасности государства или посягательствам на территориальную целостность Республики Казахстан, а равно руководство таким объединением —

наказываются исправительными работами на срок до двух лет, ограничением свободы на срок до трех лет, либо лишением свободы на срок от трех до семи лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет.

3. Активное участие в деятельности объединений, указанных в частях первой или второй настоящей статьи, —

наказывается штрафом в размере от ста до трехсот месячных расчетных показателей, либо исправительными работами на срок до шести лет, либо ограничением свободы на срок до шести лет либо лишением свободы на тот же срок».

Ст. 337-1. Организация деятельности общественного или религиозного объединения либо иной организации после решения суда о запрете их деятельности или ликвидации в связи с осуществлением ими экстремистской деятельности.

«1. Организация деятельности общественного или религиозного объединения либо иной организации, в отношении которых имеется вступившее в законную силу решение суда о запрете их деятельности или ликвидации в связи с осуществлением ими экстремистской деятельности, —

наказывается штрафом в размере до трехсот месячных расчетных показателей либо лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок от одного года до пяти лет, либо ограничением свободы на срок до шести лет, либо лишением свободы на тот же срок.

2. Участие в деятельности общественного или религиозного объединения или иной организации, в отношении которых имеется вступившее в законную силу решение суда о запрете их деятельности или ликвидации в связи с осуществлением ими экстремистской деятельности, —

наказывается штрафом в размере до двухсот месячных расчетных показателей либо лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок от одного года до пяти лет, либо ограничением свободы на срок до шести лет, либо лишением свободы на тот же срок.

Примечание. Лицо, добровольно прекратившее участие в деятельности общественного или религиозного объединения либо иной организации, в отношении которых имеется вступившее в законную силу решение суда о запрете их деятельности или ликвидации в связи с осуществлением ими

экстремизма, освобождается от уголовной ответственности, если в его действиях не содержится иного состава преступления».

¹¹² Религиозные чувства упоминаются в ст. 164 УК (см. выше).

¹¹³ П. 1 ч. а ст. 718.2 предусматривает ужесточение наказания, если есть «доказательство того, что преступление было мотивировано предрас- судками, предубеждениями или ненавистью по признаку расового, национального или этнического происхождения, языка, цвета кожи, религии, пола, возраста, умственных или физических недостатков, сексуальной ориентации, или любым другим подобным фактором»

¹¹⁴ Ст. 319: «1. Кто выступает с публичными заявлениями, разжигающими ненависть к какой-либо определенной группе, в месте, где подобное подстрекательство может привести к нарушению мира, виновен в

а) уголовном преступлении и наказывается лишением свободы на срок до двух лет, или

б) правонарушении, наказуемом в порядке упрощенного судопроизводства.

Примечание: умышленное разжигание ненависти.

2. Кто, путем распространения высказываний, кроме как в частной беседе, умышленно разжигает ненависть против любой идентифицируемой группы виновен в:

а) уголовном преступлении и подлежит лишению свободы на срок до двух лет, или

б) правонарушении, наказуемом в порядке упрощенного судопроизводства.

Примечание: защита.

3. Никто не может быть осужден за правонарушение в соответствии с ч. 2

а) если установлено, что высказанные заявления были правдивы;

б) если человек добросовестно выражал или пытался установить с помощью аргументации мнение по религиозной теме или мнение, основанное на вере в религиозный текст;

в) если заявления имеют отношение к любой теме общественного интереса, обсуждение которой было на благо общества, и если, по его разумно обоснованному мнению, они являлись правдивыми, или

г) если человек добросовестно стремился указать на проблемы, порождающие или могущие породить чувство ненависти к «идентифицируемым группам» в Канаде, с целью их устранения.

Примечание: конфискация.

4. В случае если лицо осуждено за правонарушение в соответствии со ст. 318 или ч. 1 или 2 данной статьи, все, послужившее орудием данного

правонарушения или относящееся к нему, может, в случае подобного приговора и в дополнение к любым другим примененным санкциям, быть конфисковано председателем суда провинции или судьей и передано Её Величеству от имени провинции, в которой это лицо было осуждено, для использования на усмотрение Генерального прокурора. ...

Примечание: согласие.

6. Судебный процесс в связи с правонарушением, подпадающим под ч. 2, не может быть возбужден без согласия Генерального прокурора.

Примечание: значения.

7. В этой статье

«коммуникация» включает в себя передачу информации по телефону, передачу в радио эфир или с помощью других звуковых или визуальных средств;

«идентифицируемая группа» имеет то же значение, что и в ст. 318;

«общественное место» включает в себя любое место, доступное широкой публике по праву или по приглашению, явно выраженному или подразумеваемому;

«заявления» включают в себя сказанное, написанное или записанное в электронном, электромагнитном или ином виде, а также жесты, знаки и другие видимые формулировки».

Ст. 318 определяет идентифицируемую группу как «любой сегмент общества, определяемый цветом кожи, расой, религией, этническим происхождением или сексуальной ориентацией».

¹¹⁵ В соответствии с ч. 4.1 ст. 430 УК, предусматривается наказание до 10 лет лишения свободы за «причинение вреда», если оно совершается «в отношении имущества, являющегося зданием, используемым для религиозных мероприятий, таким как церковь, мечеть, синагога или храм, или объектом религиозного поклонения, расположенным внутри или на территории такого здания или сооружения, или на кладбище, в случае если вред нанесен по мотивам дискриминации, предубеждения или ненависти на почве религии, расы, цвета кожи, национального или этнического происхождения».

¹¹⁶ Для преступлений ненависти, но не для языка вражды: возраст.

¹¹⁷ Для преступлений ненависти, но не для языка вражды: любой другой сходный фактор.

¹¹⁸ Примечание: нападение.

Ст. 296: «1. Кто публикует кощунственную клевету, является виновным в совершении подсудного преступления и подлежит тюремному заключению на срок до двух лет.

Примечание: установление факта.

2. Установление факта, действительно ли тот или иной опубликованный материал является кощунственной клеветой.

Примечание: изъятие.

3. Никто не может быть осужден за преступление, предусмотренное в рамках этой статьи, за высказывание, чистосердечное и выраженное приличным языком, или попытку установить с помощью аргументов, чистосердечно используемых и выраженных приличным языком, мнение по вопросу, связанному с религией.

¹¹⁹ В 2011 был принят специальный закон 134(I)/2011 во исполнение Рамочного решения ЕС от 2008 года. В нем говорится, что «расистский мотив является отягчающим обстоятельством для любого преступления».

¹²⁰ В законе 134(I)/2011 говорится, что уголовным преступлением является:

«а) публичные призывы к ненависти и насилию против группы людей или члена такой группы, определяемой по расе, цвету кожи, религии, предкам или национальному или этническому происхождению,

б) совершение действий, указанных в п.а, посредством публичного распространения текстов, изображений и иных материалов».

В УК есть две сходные статьи –

Ст. 47.2: «Лицо, совершившее публичное действие с целью возбудить чувства недоброжелательности и враждебности между различными общинами или религиозными группами на основании расового или этнического происхождения или религии, является виновным в совершении преступления и, в случае осуждения, подлежит тюремному заключению на срок до пяти лет».

Ст. 51А: «Лицо, публично побуждающее жителей, в какой-либо манере и каким-либо способом, к насильственным действиям друг против друга, или возбуждающее чувства недоброжелательности и враждебности между различными классами или общинами или лицами в Республике, является виновным в правонарушении и подлежит тюремному заключению сроком на двенадцать месяцев или/или к штрафу в размере тысячи фунтов, а юридические лица могут подлежать штрафу в размере 3 тысяч фунтов».

И одна – более традиционная.

Ст. 2 Закона № 11 (III)/92: «Кто является создателем или участником какой-либо организации, способствующей организованной пропаганде или деятельности в любой форме, направленной на расовую дискриминацию.

Кто публично, устно, или в прессе, или в каких-либо документах или фотографиях, или любыми другими средствами выражает идеи, оскорбляющие какое-либо лицо или группу лиц по причине их расового

или этнического происхождения или их религии, является виновным в правонарушении».

¹²¹ Ст. 138: «Кто разрушает, повреждает или оскверняет какое-либо место религиозного поклонения или объект, считающийся священным для какой-либо группы лиц, или с осознанием того, что какая-либо категория людей, вероятно, сочтет такое разрушение, повреждение или осквернение оскорблением их религии, является виновным в совершении судебно наказуемого проступка».

¹²² Общины, классы.

¹²³ Расистский мотив.

¹²⁴ См. выше в законе 134(I)/2011.

¹²⁵ См. выше ст. 2 Закона № 11 (III)/92.

¹²⁶ В законе 134(I)/2011 говорится, что уголовным преступлением является:

«публичное принятие, отрицание или существенная тривиализация геноцида, преступлений против человечности и военных преступлений, как они определены в статьях 6, 7 и 8 Устава Международного уголовного суда, направленные против группы людей или члена такой группы, определяемой по расе, цвету кожи, религии, предкам или национальному или этническому происхождению, если эти действия таковы, что они могут возбудить ненависть ли призвать к насилию против такой группы или члена такой группы».

Закон аналогичным образом ссылается и на ст.6 Нюрнбергского трибунала.

¹²⁷ Ст. 141: «Кто с преднамеренной целью задеть религиозные чувства какого-либо человека произносит какое-либо слово или производит какой-либо звук в пределах слышимости этого человека, или совершает какой-либо жест в поле зрения этого человека, или помешает какой-либо объект в поле зрения этого человека, является виновным в совершении судебно наказуемого проступка и подлежит тюремному заключению сроком на один год».

Ст. 142: «1. Кто публикует книгу или брошюру или какую-либо статью или письмо в газете или периодическом издании, воспринимаемые какой-либо категорией людей в качестве публичного оскорбления их религии, с намерением очернить данную религию, или шокировать, или оскорбить верующих данной религии, является виновным в совершении судебно наказуемого проступка.

2. Уголовное преследование за правонарушение в соответствии с положениями настоящей статьи, не может быть начато без инициативы или согласия Генерального прокурора Республики».

¹²⁸ Формулировка «на почве межнациональной или расовой либо религиозной ненависти или вражды». Применима к убийству.

¹²⁹ Ст. 299. Возбуждение национальной, расовой, религиозной или межрегиональной вражды.

«1. Действия, направленные на возбуждение национальной, расовой, религиозной или межрегиональной вражды, унижение национального достоинства, а равно пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности граждан по признаку их отношения к религии, национальной или расовой принадлежности, если эти деяния совершены публично или с использованием средств массовой информации, —

наказываются штрафом в размере от пятисот до одной тысячи расчетных показателей либо лишением свободы от трех до пяти лет.

2. Те же деяния, совершенные:

- 1) с применением насилия или угрозой его применения;
- 2) лицом с использованием своего служебного положения;
- 3) в составе группы лиц или преступного сообщества (преступной организации);

4) лицом, ранее судимым за преступления экстремистского характера (экстремистскую деятельность), —

наказываются штрафом в размере от одной тысячи до пяти тысяч расчетных показателей либо лишением свободы от пяти до семи лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью».

¹³⁰ Межрегиональная вражда в ст. 299 УК.

¹³¹ Ст. 299². Приобретение, хранение, перевозка и пересылка экстремистских материалов с целью распространения либо их изготовление и распространение, а также умышленное использование символики или атрибутики экстремистских организаций.

«1. Приобретение, хранение, перевозка и пересылка экстремистских материалов с целью распространения либо их изготовление и распространение, а также умышленное использование символики или атрибутики экстремистских организаций —

наказываются штрафом в размере от одной тысячи до пяти тысяч расчетных показателей либо лишением свободы от трех до пяти лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью.

2. Те же деяния, совершенные:

- 1) группой лиц;
- 2) с использованием служебного положения;

3) с использованием финансовой или иной материальной помощи, полученной от иностранных, общественных объединений и религиозных организаций либо иных организаций, а также иностранных граждан;

4) при проведении публичных мероприятий;

5) лицом, ранее судимым за преступления экстремистского характера (экстремистскую деятельность), —

наказываются штрафом в размере от пяти тысяч до семи тысяч расчетных показателей либо лишением свободы от семи до десяти лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью».

¹³² Ст. 299¹ УК. Организованная деятельность, направленная на возбуждение национальной, расовой, религиозной или межрегиональной вражды.

«1. Создание и осуществление руководства общественным объединением и религиозной организацией либо иной организацией, деятельность которых сопряжена с возбуждением национальной, расовой, религиозной или межрегиональной вражды, унижением национального достоинства, пропагандой исключительности, превосходства либо неполноценности граждан по признаку их отношения к религии, —

наказываются штрафом в размере от одной тысячи до пяти тысяч расчетных показателей либо лишением свободы от пяти до семи лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью сроком до трех лет.

2. Организация деятельности общественного объединения и религиозной организации либо иной организации, в отношении которых судом принято решение о ликвидации или запрете деятельности в связи с осуществлением экстремистской деятельности, а также вовлечение граждан в их деятельность —

наказываются штрафом в размере от двух тысяч до шести тысяч расчетных показателей либо лишением свободы от шести до восьми лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью.

3. Участие в деятельности общественного объединения и религиозной организации либо иной организации, в отношении которых судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности в связи с осуществлением ими экстремистской деятельности, —

наказывается штрафом в размере от одной тысячи до трех тысяч расчетных показателей либо лишением свободы от трех до пяти лет с

лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью.

4. Деяния, предусмотренные частями первой, второй и третьей настоящей статьи, совершенные лицом с использованием своего служебного положения, а также лицом, ранее судимым за преступления экстремистского характера (экстремистскую деятельность), —

наказываются штрафом в размере от трех тысяч до семи тысяч расчетных показателей либо лишением свободы от семи до десяти лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью.

Примечание. Лицо, добровольно прекратившее участие в деятельности общественного объединения и религиозной организации либо иной организации, в отношении которых судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности в связи с осуществлением ими экстремистской деятельности, или если оно содействовало правоохранительным органам в выявлении и привлечении к уголовной ответственности организаторов и членов таких объединений и организаций, освобождается от уголовной ответственности, если в его действиях не содержится иного состава преступления».

¹³³ Ст. 48, ч. 1, п. 14: «если преступление было совершено по расистским мотивам».

¹³⁴ Ст. 78. Ненависть по национальному, этническому или расовому признаку.

«1. Деятельность, намеренно направленная на ненависть по национальному, этническому или расовому признаку

подлежит наказанию в виде тюремного заключения на срок, не превышающий трех лет, или краткосрочного лишения свободы или общественных работ, или штрафа.

2. Те же действия, сопровождаемые насилием или угрозами, или совершенные группой лиц, или официальным лицом, или ответственным сотрудником предприятия (компания) или организации, или совершенные с помощью автоматизированной системы обработки данных, — наказываются лишением свободы на срок, не превышающий десять лет с последующим испытательным сроком до трех лет или без такового.

¹³⁵ Унижение чувств фигурировало в двух разных видах. Для этнических чувств оно было предусмотрено отдельной ст. 158 УК, но она была исключена из УК в 2009 году, для религиозных — по-прежнему включено в состав более общей ст. 150 (см. ниже).

¹³⁶ Ст. 79. Разрушение культурного и национального наследия. В зависимости от степени преднамеренного разрушения культурного и

национального наследия наказывается тюремным заключением на срок до 12 лет.

¹³⁷ Ст. 150 УК носит комплексный характер:

«Кто осуществляет прямое или косвенное ограничение прав или создание каких-либо преференций для лиц на основе их отношения к религии, за исключением деятельности в религиозно-конфессиональных учреждениях, или оскорбляет религиозные чувства людей, или возбуждает ненависть в связи с их отношением к религии или атеизму, наказывается лишением свободы на срок до двух лет, или общественными работами, или штрафом, не превышающим 40 минимальных размеров заработной платы».

¹³⁸ «Расистский мотив».

¹³⁹ Ст. 74¹. Оправдание геноцида и преступлений против человечности.

«Публичное прославление геноцида, преступлений против человечности, преступлений против мира или военных преступлений или публичное отрицание или оправдание имевших место геноцида, преступлений против человечности, преступлений против мира или военных преступлений наказывается лишением свободы на срок до пяти лет или общественными работами».

¹⁴⁰ Оскорбление религиозных чувств; см. выше в ст. 150.

¹⁴¹ Ст. 60, ч. 1, п. 12: «деяние было совершено с целью выражения ненависти к группе лиц или лицу, принадлежащему к группе, по признаку возраста, пола, сексуальной ориентации, инвалидности, расы, национальности, языка, происхождения, социального положения, вероисповедания, убеждений или взглядов».

¹⁴² Квалифицирующий признак формулируется так: «с целью выразить ненависть к группе по признаку...», и далее перечисляются признаки из ст. 60 (см. выше). Это относится к убийству (ст. 129), тяжким (ст. 135) и не тяжким телесным повреждениям (ст. 138).

¹⁴³ Ст. 170. Подстрекательство против какой-либо национальной, расовой, этнической, религиозной или иной группы лиц.

«1. Кто с целью распространения производит, приобретает, передает, перевозит или хранит объекты, высмеивающие, выражающие неуважение, разжигающие ненависть или подстрекающие к дискриминации в отношении группы лиц или лица, принадлежащего к ней по признаку пола, сексуальной ориентации, расы, национальности, языка, происхождения, социального положения, вероисповедания, убеждений или взглядов, или подстрекающие к насилию, физическим насильственным действиям по отношению к подобной группе лиц или принадлежащему к ней лицу, или распределяет их, —

наказывается штрафом, или ограничением свободы, или арестом, или лишением свободы на срок до одного года.

2. Кто публично высмеивает, выражает презрение, разжигает ненависть или подстрекает к дискриминации по отношению к группе лиц или лицу, принадлежащему к ней по признаку пола, сексуальной ориентации, расы, национальности, языка, происхождения, социального положения, вероисповедания, убеждений или взглядов, —

наказывается штрафом или ограничением свободы или арестом, или лишением свободы на срок до двух лет.

3. Кто публично подстрекает к насилию или физическим насильственным действиям по отношению к группе лиц или лицу, принадлежащему к ней, по признаку пола, сексуальной ориентации, расы, национальности, языка, происхождения, социального положения, вероисповедания, убеждений или взглядов или финансового положения, или оказывает иную поддержку подобной деятельности, —

наказывается штрафом или ограничением свободы или арестом, или лишением свободы на срок до трех лет».

4. Юридическое лицо также подлежит наказанию за действия, предусмотренные в настоящей статье.

¹⁴⁴ Унижение отдельно упомянуто в ст. 170 УК.

¹⁴⁵ Ст. 312² УК криминализует кладбищенский вандализм по мотиву ненависти.

¹⁴⁶ Возможно, это имеется в виду под термином «происхождение».

¹⁴⁷ Возраст, происхождение, социальный статус.

¹⁴⁸ Социальный статус.

¹⁴⁹ Иная группа лиц.

¹⁵⁰ Распространение материалов явно указано в ст. 170 УК.

¹⁵¹ Ст. 170¹. Создание и деятельность групп и организаций с целью дискриминации группы лиц или возбуждению [вражды] против нее.

«1. Кто создает группу сообщников или организованную группу или организацию, направленную на дискриминацию группы лиц по признакам пола, сексуальной ориентации, расы, национальности, языка, происхождения, социального положения, вероисповедания, убеждений или взглядов, или на подстрекательство против нее, или участвует в деятельности подобной группы или организации, или финансирует или иным способом поддерживает подобную группу или организацию, —

наказывается штрафом или ограничением свободы или арестом, или лишением свободы на срок до одного года.

2. Юридическое лицо также несет ответственность за действия, предусмотренные в настоящей статье».

¹⁵² Ст. 170². Публичное одобрение международных преступлений, публичное одобрение преступлений, совершенных СССР или нацистской Германией против Литовской Республики или ее жителей, отрицание или грубое преуменьшение подобных преступлений.

«1. Кто публично одобряет преступления геноцида и другие преступления против человечности или военные преступления, установленные законодательством Литовской Республики, актами Европейского Союза, заключительными (вошедшими в силу) решениями литовских судов или решениями международных судов, отрицает или грубо преуменьшает подобные преступления, если действие совершено в угрожающей, бранной или оскорбительной форме или послужило причиной нарушения общественного порядка; также если он или она публично одобряет агрессию СССР или нацистской Германии против Литвы, а также преступление геноцида или другие преступления против человечности и военные преступления, совершенные СССР или нацистской Германией на территории Литовской Республики или по отношению к жителям Литовской Республики, или одобряет серьезные или тяжкие преступления, совершенные в 1990–1991 годы, отрицает или грубо преуменьшает их, в случае если это было совершено в угрожающей, бранной или оскорбительной форме или послужило причиной нарушения общественного порядка, —

наказывается штрафом, ограничением свободы или арестом, или лишением свободы до двух лет

2. Юридическое лицо также может быть привлечено к ответственности за подобные действия».

¹⁵³ Ч. 5 ст. 33 называет отягчающими обстоятельствами расистские, ксенофобные или иные особенно предосудительные мотивы.

¹⁵⁴ Ст. 283. Расовая дискриминация.

«1. Лицо наказывается лишением свободы на срок до двух лет, если он или она:

1) публично подстрекает к ненависти или дискриминации в отношении лица или группы лиц по признаку расы, этнической принадлежности или религии;

2) публично распространяет идеологию, направленную на систематическое унижение или диффамацию представителей какой-либо расы, национальности или религии;

3) организует, поддерживает или участвует в пропагандистских акциях с той же целью;

4) публично унижает или дискриминирует человека или группу лиц по признаку расы, этнической или религиозной принадлежности, в манере, нарушающей человеческое достоинство, посредством устной речи, текстов, изображений, электронно передаваемых символов, жестов, физического насилия или любых других средств;

5) публично отрицает, грубо преуменьшает вред или пытается оправдать геноцид или другие преступления против человечности посредством устной речи, текстов, изображений, электронно передаваемых символов, жестов, физического насилия или любых других средств;

б) отказывает в услугах, которые он или она предоставляет населению, лицу или группе лиц по признаку расы, этнической принадлежности или религии;

7) участвует в качестве члена в ассоциации, деятельность которой заключается в поощрении расовой дискриминации и подстрекательству к ней.

II. Лицо подлежит аналогичному наказанию, в случае если он или она:

1) производит, импортирует, хранит или распространяет с целью дальнейшего распространения документы, звукозаписи или видеозаписи, символы, электронно передаваемые изображения или другие подобные объекты, содержание которых является расовой дискриминацией в определении ч. I;

2) публично рекомендует, выставляет, предлагает или предоставляет их.

III. Части I и II неприменимы в случае, если агитационный материал выпущен или действие предпринято в целях искусства или науки, научных исследований или образования, адекватного отчета о текущих событиях или истории или аналогичных целях».

¹⁵⁵ Унижение упоминается и в ст. 283 (см. выше), и в ст. 189 (см. ниже), уже специально применительно к религиозным чувствам.

¹⁵⁶ Ст. 126. Преступное причинение ущерба при отягчающих обстоятельствах.

«1. Лицо подлежит наказанию в виде лишения свободы на срок до двух лет или штрафа в размере до 360 дней заработной платы, если он или она при отягчающих обстоятельствах нанесли ущерб:

1) объекту, используемому для ритуала или богослужения церковью или религиозной общиной, находящейся на территории;

2) могиле, любому другому месту погребения, надгробию или мемориалу, находящемуся на кладбище или в храме».

¹⁵⁷ Термин «ксенофобный» в России понимается обычно именно в смысле этнического различия, но в Лихтенштейне он может пониматься скорее как связанный со страной происхождения.

¹⁵⁸ «.. ксенофобные или иные особенно предосудительные мотивы».

¹⁵⁹ Ч. 2 ст. 283 УК (см. выше) с ценным примечанием в ч. 3.

¹⁶⁰ П. 7 ч. 1 ст. 283 УК.

¹⁶¹ П. 5 ч. 1 ст. 283 УК.

¹⁶² Ст. 188. Поношение религиозных заповедей.

«Кто публично унижает или высмеивает лицо или объект, представляющие собой соответственно объект поклонения или догму, юридически разрешенный обряд или юридически разрешенное учреждение церкви или религиозного сообщества на данной территории, в манере, способной вызвать мотивированное раздражение, наказывается тюремным заключением на срок до шести месяцев или штрафом в размере до 360 дней заработной платы».

¹⁶³ Ст. 457¹ УК криминализует призывы к дискриминации, ненависти и насилию по основаниям, перечисленным в ст. 454 УК, определяющей дискриминацию так: «Любое различие между людьми по признаку их происхождения, цвета кожи, пола, сексуальной ориентации, гражданского состояния, возраста, состояния здоровья, инвалидности, нравственности, политических или философских мнений или профсоюзной деятельности или их фактической или предполагаемой принадлежности или непринадлежности к той или иной этнической группе, нации, расе или религии, является дискриминацией».

Любое различие между юридическими лицами или группами или сообществами людей на основании их происхождения, цвета кожи, пола, сексуальной ориентации, гражданского состояния, возраста, состояния здоровья, инвалидности, нравственности, политических или философских мнений или профсоюзной деятельности некоторых или всех их членов, или их или их фактической или предполагаемой принадлежности или непринадлежности к определенной этнической группе, нации, расе или религии, также является дискриминацией».

Сами методы дискриминации перечислены в ст. 455.

Согласно ст. 457¹ подлежит лишению свободы от восьми дней до двух лет и/или штрафу в размере от 251 евро до 25 тысяч евро тот,

«1) кто путем высказываний, выкриков или угроз, произнесенных в общественных местах или собраниях, или с помощью рукописных или печатных материалов, рисунков, гравюр, картин, эмблем, текстов или изображений в средствах массовой информации, продаваемых или распространяемых, выставленных на продажу или выставленных в

общественных местах или на открытых заседаниях, или публично демонстрируемых плакатов, или с помощью любых средств аудиовизуальной коммуникации поощряет действия, указанные в ст. 455, ненависть или насилие в отношении физического или юридического лица, группы или сообщества, объединяемого одним из признаков, упомянутых в ст. 454;

2) кто принадлежит к организации, цель или деятельность которой составляет совершение любого из действий, указанных в ч. 1 настоящей статьи;

3) кто печатает или напечатал, производит, хранит, перевозит, импортирует, экспортирует, распространяет в Люксембурге, отправляет с территории Люксембурга или является представителем почты или иной профессии, несущей ответственность за почтовые доставки в Люксембурге, провозит транзитом через территорию Люксембурга рукописные или печатные материалы, рисунки, гравюры, картины, плакаты, фотографии, кинофильмы, эмблемы, изображения или любые другие формы текста или изображения с целью поощрения действий, указанных в ст. 455, ненависти или насилия в отношении физического лица или юридического лица, группы или сообщества, объединяемого одним из признаков, упомянутых в статье 454.

Перечисленные выше объекты подлежат конфискации во всех случаях».

¹⁶⁴ Вандализм по отношению к могилам и трупам (ст. 453 УК) наказывается строже, согласно ст. 457² УК, если это совершено «в связи с членством или не членством, реальным или предполагаемым, мертвого тела в этнической группе, нации, расе или религии».

¹⁶⁵ Список начинается термином *origin*, который может означать национальное или иной происхождение. Список включает также возраст, гражданский (то есть матримониальный) статус, состояние здоровья, инвалидность, моральные качества, философские взгляды, участие в профсоюзной активности.

¹⁶⁶ Ч. 3 ст. 457¹ выше.

¹⁶⁷ Ч. 2 ст. 457¹ выше.

¹⁶⁸ Ст. 457³: «1. Кто путем высказываний, выкриков или угроз, произнесенных в общественных местах или собраниях, или с помощью рукописных или печатных материалов, рисунков, гравюр, картин, эмблем, текстов или изображений в иных средствах массовой информации, продаваемых или распространяемых, выставленных на продажу или выставленных в общественных местах или на открытых заседаниях, или публично демонстрируемых плакатов, или с помощью любых средств аудиовизуальной коммуникации, оспаривает, минимизирует,

оправдывает или отрицает совершение одного или ряда преступлений против человечности или военных преступлений, в соответствии с определением Устава Международного военного суда, опубликованного в приложении к Лондонскому соглашению от 8 августа 1945 г., в случае, если эти действия совершены членом организации, имеющей статус преступной в соответствии со ст. 9, или лицом, осужденным за подобные преступления судом Люксембурга, а также иностранным или международным судом, наказывается лишением свободы сроком от восьми дней до двух лет и/или штрафом в размере от 251 евро до 25 тысяч евро.

2. Кто с помощью средств, указанных в предыдущей части, минимизирует, оправдывает или отрицает один или более случаев геноцида в соответствии с определением, приведенным в ст. 136а Уголовного кодекса, а также преступления против человечности и военные преступления в соответствии с определением, приведенным в ст.ст. 136ter и 136quinquies Уголовного кодекса в Люксембурге или согласно международному законодательству, подлежит аналогичным наказаниям или одному из наказаний».

¹⁶⁹ Ст. 144: «Кто путем утверждения фактов, высказываний, выкриков или угроз, текстов или изображений оскорбляет объекты религиозного поклонения в местах, обычно используемых или предназначенных для богослужений или во время публичных религиозных церемоний, наказывается лишением свободы на срок от 15 дней до шести месяцев и штрафом в размере от 251 евро до 5 тысяч евро».

Ст. 145: «Кто путем утверждения фактов, высказываний, выкриков или угроз, текстов или изображений оскорбляет священнослужителя в ходе осуществления им религиозного обряда служения, подлежит аналогичным санкциям. Те же действия с применением насилия наказываются лишением свободы от двух месяцев до двух лет и штрафом в размере от 500 евро до 5 тысяч евро».

¹⁷⁰ Упоминание использования силы в ст. 319 ниже.

¹⁷¹ Ст. 319. Возбуждение национальной, расовой или религиозной ненависти, розни и нетерпимости.

«1. Кто с помощью силы, жестокого обращения, угроз безопасности, насмешки над национальными, этническими или религиозными символами, нанесения ущерба объектам в собственности других людей, осквернения памятников или могил или каким-либо другим образом вызывает или возбуждает национальную, расовую или религиозную ненависть, рознь или нетерпимость, наказывается лишением свободы на срок от одного года до пяти лет.

2. Лицо, совершившее преступление, указанное в ч. 1, злоупотребляя своим положением или полномочиями, или в случае, если результатом преступления явились беспорядки и насилие над людьми или крупный материальный ущерб, наказывается лишением свободы на срок от одного года до десяти лет».

Ст. 417. Расовая или иная дискриминация.

«1. Кто на основании различия в расе, цвете кожи, национальности или этнической принадлежности нарушает основные права и свободы человека, признанные международным сообществом, наказывается лишением свободы на срок от шести месяцев до пяти лет.

3. Лицо, распространяющее идеи о превосходстве одной расы над какой-либо другой, или выступающее за расовую ненависть, или подстрекающее к расовой дискриминации, наказывается лишением свободы на срок от шести месяцев до трех лет».

¹⁷² См. выше: «Лицо, распространяющее идеи о превосходстве одной расы над некоторыми другими».

¹⁷³ Вандализм включен в список методов возбуждения ненависти в ст. 319 УК.

¹⁷⁴ Скорее всего, формулировка ст. 319 УК (см. выше) предполагает, что слово «национальный» относится к национальному происхождению.

¹⁷⁵ Согласно ст. 83В общими отягчающими обстоятельствами являются расизм и ксенофобия: «Наказание, установленное за любое правонарушение, должно быть увеличено на одну-две ступени, если преступление отягчено расовыми или религиозными мотивами, указанными в частях 3–6 (включительно) ст. 222А, или полностью или частично мотивировано ксенофобией».

Ст. 222А предусматривает увеличение наказания в некоторых случаях:

«... 2. Наказания, установленные в предыдущих положениях настоящей статьи, также должны быть увеличены на одну-две ступени, если правонарушение отягчается расовыми или религиозными мотивами или полностью или частично мотивировано ксенофобией в значении, определенном в следующих статьях.

3. Правонарушение отягчено расовыми или религиозными мотивами, или мотивировано ксенофобией, если:

а) при совершении правонарушения или непосредственно перед или после совершения правонарушения преступник демонстрирует по отношению к жертве враждебность, неприятие или презрение, основанное на принадлежности (или предполагаемой принадлежности) жертвы к расовой или религиозной группе, или

б) правонарушение полностью или частично мотивировано враждебностью, неприятием или презрением к представителям расовой группы на основании их принадлежности к данной группе.

4. В части 3а «принадлежность» к расовой или религиозной группе включает в себя связь с представителями этой группы; «предполагаемой» означает предположение правонарушителя.

5. Не имеет значения для целей части (3а или б), в какой степени враждебность правонарушителя дополнительно основана на ином факторе, не упоминаемом в этих частях.

6. В данной статье «расовая группа» означает группу лиц, определяемую по критерию их расы, происхождения, цвета кожи, национальности (включая гражданство) или этнического или национального происхождения; «религиозная группа» означает группу лиц, определяемую по критерию их религиозных верований или отсутствия таковых».

¹⁷⁶ Ст. 82А в ч. 1 определяет недопустимые высказывания так:

«Кто использует какие-либо угрозы, оскорбления или оскорбительные слова или поведение, или демонстрирует письменные или печатные материалы, содержащие угрозы, брань или оскорбления, или иным образом проявляет поведение, направленное на разжигание расовой ненависти, или поведение, которое, с учетом всех обстоятельств, с большой вероятностью может возбудить расовую ненависть, в случае обвинительного приговора подлежит тюремному заключению на срок от шести до 18 месяцев».

Ч. 2 уточняет понятие расовой вражды, как вражды против «группы лиц на Мальте, определяемых цветом кожи, расой, национальностью (в том числе гражданством) или этническим или национальным происхождением».

¹⁷⁷ Определение в ст. 222А УК включает ссылку на предков.

¹⁷⁸ Общее отягчающее обстоятельство может быть сформулировано и как «мотив ксенофобии», без уточнения, какого типа эта ксенофобия.

¹⁷⁹ Ст. 82В гласит:

«Тот, кто публично принимает, отрицает или существенно тривиализует геноцид, преступления против человечности и военные преступления, направленные против группы людей или члена такой группы, определяемой по расе, цвету кожи, религии, предкам или национальному или этническому происхождению, если эти действия таковы, что они могут:

- возбудить ненависть ли призвать к насилию против такой группы или члена такой группы,
- нарушить общественный порядок или являются угрожающими и оскорбительными,

может быть осужден на срок от 8 месяцев до 2 лет лишения свободы». Значения терминов «геноцид», «преступления против человечности» и «военные преступления» весьма детально разъяснены в ст. 54А.

Ст. 82С сформулирована аналогично ст. 82В, но относится к преступлениям против мира. Эта категория преступлений определяется в ч. 2 статьи как любое соучастие в подготовке в агрессивной войне или войне в нарушение международных обязательств.

Отличие ст. 82С в том, что список признаков дополнен гендером, гендерной идентичностью, сексуальной ориентацией, языком, убеждениями, политическими или иными взглядами, зато «предки или национальное или этническое происхождение» сокращены до «этнического происхождения».

¹⁸⁰ Ст. 77, п. d: «совершение преступления на почве социальной, национальной, расовой либо религиозной ненависти».

¹⁸¹ Убийство, умышленное причинение тяжкого телесного повреждения или иного тяжкого вреда здоровью, умышленное причинение телесного повреждения средней тяжести или иного средней тяжести вреда здоровью, умышленное уничтожение или повреждение имущества, надругательство над могилой.

¹⁸² Ст. 346. Умышленные действия, направленные на разжигание национальной, этнической, расовой или религиозной вражды, дифференциации или розни.

«Умышленные действия, публичные призывы, в том числе через печатные и электронные средства массовой информации, направленные на разжигание национальной, этнической, расовой или религиозной вражды, дифференциации или розни, на унижение национальной чести и достоинства, а равно прямое или косвенное ограничение прав либо установление прямых или косвенных преимуществ граждан в зависимости от национальной, этнической, расовой или религиозной принадлежности –

наказываются штрафом в размере до 250 условных единиц, или неоплачиваемым трудом в пользу общества на срок от 180 до 240 часов, или лишением свободы на срок до 3 лет».

Сверх того, ст. 176 «Нарушение равноправия граждан» описывает в ч. 1 дискриминацию «по признакам расы, национальности, этнического происхождения, языка, религии или убеждений, пола, возраста, ограниченных возможностей, взглядов, политической принадлежности, а также на основе любого другого признака», а в ч. 2 описывает «поощрение или поддержку» таких действий в СМИ.

¹⁸³ Ст. 197 («Умышленное уничтожение или повреждение имущества») и ст. 222 («Надругательство над могилой») имеют соответствующий

квалифицирующий признак. А в ст. 288 («Вандализм») квалифицирующий признак сформулирован в п. 2с так: «в отношении имущества, имеющего историческую, культурную или религиозную ценность».

¹⁸⁴ Нет уверенности, что термин «национальный» в данном случае отсылает к гражданству, хотя он и соседствует с термином «этнический».

¹⁸⁵ В ст. 176 перечислены и убеждения, которые могут относиться к мировоззренческим, и взгляды, и политическая принадлежность.

¹⁸⁶ Термин «социальная ненависть», скорее всего, понимается ближе к понятию «классовая ненависть».

¹⁸⁷ Возраст в ст. 176.

¹⁸⁸ Другие признаки в ст. 176.

¹⁸⁹ Акт о свободе публичного выражения № 1.299 от 15 июля 2005 г.

Ст. 16: «Пять лет тюремного заключения и/или штраф, предусмотренный ст. 26.4 Уголовного кодекса, будут наложены на того, кто с помощью средств, перечисленных в предыдущей статье, непосредственно подстрекает к одному из следующих правонарушений, вне зависимости от степени эффективности подстрекательства:

- 1) умышленное убийство, умышленное нападение с причинением телесных повреждений или насильственные действия сексуального характера;
- 2) кража, вымогательство или умышленное уничтожение или повреждение, подвергающее людей опасности;
- 3) террористические акты или попытки оправдать подобные действия.

Аналогичные наказания применяются к любому, кто одним из методов, указанных в ст. 15, подстрекает к ненависти или насилию по отношению к человеку или группе людей на основании их происхождения, принадлежности или не принадлежности к определенной этнической группе, нации, расе или религии или их действительной или предполагаемой сексуальной ориентации».

¹⁹⁰ Статья о диффамации в том же Акте о свободе публичного выражения практически повторяет формулировки процитированной статьи.

Ст. 24: «Диффамация, осуществленная теми же средствами, в отношении отдельного лица подлежит наказанию тюремным заключением сроком от одного месяца до одного года и/или штрафом, предусмотренным в ст. 26.3 Уголовного кодекса. Клевета, осуществленная теми же средствами в отношении лица или группы лиц по признаку их действительной или предполагаемой принадлежности или не принадлежности к определенной этнической группе, нации, расе или религии или их фактической или предполагаемой сексуальной ориентации, подлежит

наказанию тюремным заключением сроком от одного месяца до одного года и/или штрафом, предусмотренным в ст. 26.3 Уголовного кодекса».

¹⁹¹ Предположительно, происхождение в процитированной выше статье обозначает именно национальное происхождение.

¹⁹² Ст. 207 УК: «Любое лицо, которое с помощью слов или жестов оскорвляет объекты религиозного почитания или места, используемые в настоящее время или предназначенные для осуществления религиозных церемоний, или оскорбляет священнослужителей в процессе исполнения их обязанностей, наказывается лишением свободы сроком от одного до шести месяцев и/или штрафом согласно ч. 2 ст. 26».

См. также ст. 43 в Акте о свободе публичного выражения: «Диффамация или оскорбление государственного служащего или представителя власти, гражданина при исполнении гражданской службы или занимающего государственную должность на временной или постоянной основе, священнослужителя одной из финансируемых государством религий или свидетеля в связи с его или ее показаниями наказываются исключительно по жалобе заинтересованного лица или, в соответствующих случаях, по инициативе государственного министра, архиепископа, главы судебной власти или мэра».

¹⁹³ Ст. 86. Нарушение равенства прав наций и этнических групп.

«86.1. Пропаганда с целью разжигания национальной, расовой или религиозной ненависти между народами, прямого или косвенного ограничения их прав путем дискриминации или установления привилегий наказываются лишением свободы на срок от шести до 10 лет».

В УК в нескольких местах различаются понятия «этнический» и «национальный», но, по всей видимости, второе понятие тоже относится к этничности, а не к гражданству. Есть также ст. 144 «Пропаганда и распространение порочных религиозных учений», но она, по всей видимости, относится не к проявлениям религиозной интолерантности, а, напротив, сама ограничивает какие-то религиозные учения как «порочные».

¹⁹⁴ Ст. 137d: «Кто устно или с помощью письменного или изобразительного материала публично призывает к ненависти или дискриминации других лиц, или к насилию против лица, или повреждению собственности других лиц на основании их расы, религии, убеждений, пола, гетеросексуальной или гомосексуальной ориентации, или ограниченных физических, ментальных или интеллектуальных возможностей, подлежит наказанию тюремным заключением на срок, не превышающий одного года, или штрафом третьей категории».

¹⁹⁵ Ст. 137с: «1. Кто устно или с помощью письменного или изобразительного материала намеренно и публично выражает взгляды, оскорбительные для группы людей на основании их расы, религии, убеждений, пола,

гетеросексуальной или гомосексуальной ориентации или ограниченных физических, ментальных или интеллектуальных возможностей, подлежит наказанию тюремным заключением на срок, не превышающий одного года, или штрафом третьей категории».

Ст. 137е: «1. Кто по причинам, иным, чем предоставление фактической информации:

а) допускает публичное высказывание, которое, как ему известно или должно быть известно, является оскорбительным для группы лиц по причине их расы, религии или убеждений, гетеросексуальной или гомосексуальной ориентации или ограниченных физических, ментальных или интеллектуальных способностей, или которое подстрекает к ненависти или дискриминации других лиц или к насилию в отношении личности или имущества других лиц по причине их расы, религии или убеждений, гетеросексуальной или гомосексуальной ориентации или ограниченных физических, ментальных или интеллектуальных способностей;

б) распространяет любой объект, который, как ему известно или должно быть известно, содержит подобное высказывание, или владеет подобным объектом с целью его распространения или публикации подобного высказывания,

подлежит наказанию лишением свободы на срок не более шести месяцев и/или штрафом третьей категории».

¹⁹⁶ Используется широкий термин «убеждения».

¹⁹⁷ П. в ст. 137е, см. выше.

¹⁹⁸ Ст. 147: «Лишение свободы на срок, не превышающий трех месяцев, или штраф второй категории налагается на:

1) лицо, публично, в устной или письменной форме или с помощью изображения оскорбляющее религиозные чувства злонамеренным кощунством;

2) лицо, высмеивающее священнослужителя в ходе законного исполнения им своих обязанностей;

3) лицо, делающее уничижительные заявления об объектах, используемых для религиозных церемоний в то время и в том месте, где закон позволяет проведение подобных церемоний».

¹⁹⁹ Ст. 77 Уголовного кодекса предусматривает, что подобные отягчающие обстоятельства имеют место, когда основанием для совершения преступления является, в частности, религия или убеждения другого человека, цвет кожи, национальное или этническое происхождение или другие обстоятельства, касающиеся групп, нуждающихся в особой защите.

²⁰⁰ Ст. 135а: «Кто умышленно или по грубой неосторожности публично произносит дискриминационное или возбуждающее ненависть высказывание, подлежит штрафу или тюремному заключению на срок не более трех

лет. Высказывание, произнесенное таким образом, чтобы достичь наибольшего количества людей, признается эквивалентным публичному высказыванию. Использование символов также считается высказыванием. Любое лицо, поддерживающее подобное правонарушение или подстрекающее к нему, подлежит аналогичному наказанию.

Дискриминационное или возбуждающее ненависть высказывание здесь означает угрозу или оскорбление кого-либо или призыв к ненависти, преследованию или презрению к кому-либо по причине его/ее

- a) цвета кожи или национального или этнического происхождения,
- b) религии или жизненной позиции, или
- c) гомосексуальности, образа жизни или ориентации».

²⁰¹ В приведенной выше статье упоминаются оскорбление людей по групповым признакам и даже призывы к презрению.

²⁰² Ст. 292 УК, касающаяся вандализма, полагает отягчающими обстоятельствами, среди прочего, расистский мотив и тот факт, что поврежденный объект имеет «историческую, национальную или религиозную значимость для общественности или для большого числа людей».

²⁰³ Говорится об «иных обстоятельствах, касающихся групп, нуждающихся в специальной защите».

²⁰⁴ В ст. 135а УК встречаются весьма неопределенные выражения «жизненная позиция» и «стиль жизни», но первое идет в паре с религией, а второе стоит между «гомосексуальностью» и «ориентацией», что указывает на их вполне ограниченное понимание.

²⁰⁵ Ст. 330: «Кто создает какую-либо ассоциацию, запрещенную законом или имеющую целью совершение или поощрение правонарушений, или члены которой обязуются безусловно подчиняться кому-либо, или участвует в таковой, подлежит наказанию штрафом или задержанием либо лишением свободы на срок, не превышающий три месяца. Если цель ассоциации заключается в совершении или поощрении тяжких преступлений, может быть наложено наказание в виде лишения свободы на срок не более шести месяцев.

²⁰⁶ Ст. 142: «Кто словом или делом публично оскорбляет или в оскорбительной или вредоносной форме показывает презрение к какому-либо вероисповеданию, разрешенному на данной территории, доктринам или обрядам какого-либо законно существующего здесь религиозного сообщества, или является соучастником подобных действий, подлежит наказанию штрафом или задержанием либо лишением свободы на срок не более шести месяцев.

Дело будет возбуждено только в тех случаях, когда этого требуют интересы общества».

²⁰⁷ Ст. 119: «1. Кто использует насилие или незаконно угрожает группе лиц или конкретному лицу на основании их национальной, этнической, политической или религиозной принадлежности или из-за отсутствия религиозных верований, подлежит наказанию в виде лишения свободы на срок от 3 месяцев до 5 лет.

2. Аналогичное наказание налагается на кого, кто подстрекает к совершению преступления, указанного в п. 1».

²⁰⁸ Ст. 118 наказывает убийство, совершенное на почве национальной, расовой, политической или религиозной принадлежности.

²⁰⁹ Основой является такой состав преступления, как «призыв к совершению преступлений ненависти», согласно той же ст. 119 УК.

Есть также другая, дублирующая, по сути, формулировка, в ст. 126а, только там говорится о «публичных призывах» к преступлениям, предусмотренным, среди прочего, в ч. 1 ст. 119. Наказанием могут быть штраф или лишение свободы от 3 месяцев до 5 лет.

Но есть и еще одна статья:

Ст. 256. Поддержка фашизма или другой тоталитарной системы.

«Кто поддерживает фашистскую или иную тоталитарную государственную систему или подстрекает ненависть, основанную на национальных, этнических, расовых или религиозных различиях или в связи с отсутствием религиозной конфессии, виновен в правонарушении.

Подлежит наказанию штрафом или лишением свободы на срок до двух лет».

²¹⁰ Ст. 257. Публичное оскорбление группы лиц или отдельного лица по причине их национальной, этнической или расовой принадлежности.

«Кто публично оскорбляет какую-либо группу населения или конкретного человека из-за его национальной, этнической, расовой или религиозной принадлежности или отсутствия какого-либо вероисповедания, или по этим причинам нарушает неприкосновенность личности другого человека, виновен в правонарушении, подлежащем наказанию лишением свободы на срок до трех лет».

²¹¹ Акт от 18 декабря 1998 г. установил наказание вплоть до трех лет лишения свободы за публичное отрицание в противоречии с фактами преступлений, совершенных против поляков или польских граждан в период Второй мировой войны, в том числе совершенных нацистами и коммунистами, а также политически мотивированных репрессий последующих лет.

Ст. 1: «Этот Акт регулирует:

1. Регистрацию, сбор, доступ, управление и использование документов, созданных или собранных органами государственной безопасности в период между 22 июля 1944 г. и 31 декабря 1989 г., а также документов органов безопасности Третьего рейха и Союза Советских Социалистических Республик, которые касаются:

а) преступлений, совершенных против лиц польской национальности и польских граждан иной национальности в период между 1 сентября 1939 г. и 31 декабря 1989 г.:

- нацистских преступлений,
- коммунистических преступлений,

- других преступлений против мира, преступлений против человечности или военных преступлений;

б) других политически мотивированных репрессий, совершенных работниками польских органов прокуратуры или судебных органов или лицами, действовавшими по их указаниям, и указанными в содержании постановлений, принятых в соответствии с Законом от 23 февраля 1991 г. о признании недействительными решений, вынесенных о лицах, репрессированных за деятельность на благо независимого польского государства (Journal of Laws 1993. № 34, п. 149; 1995. № 36, п. 159; № 28, п. 143; 1998. № 97, п. 604)».

Ст. 55: «Кто публично и вопреки фактам отрицает преступления, указанные в ч. 1 ст. 1, подлежат штрафу или наказанию в виде лишения свободы на срок до трех лет. О решении должно быть объявлено публично».

²¹² В ст. 195 УК, содержащую обычные нормы, криминализующие незаконное вмешательство в богослужение и т.п., добавлен абзац: «Кто признан виновным в оскорблении религиозных чувств посредством публичного поругания объекта или места поклонения подлежит наказанию в виде штрафа, ограничения свободы или тюремного заключения на срок до двух лет».

²¹³ Отягчающее обстоятельство, связанное с мотивом ненависти по признакам расовой, религиозной или политической ненависти, предусмотрено для убийства и причинения телесных повреждений (ст.ст. 132 и 146 УК соответственно).

²¹⁴ Ст. 240. Расовая или религиозная дискриминация.

... «2. Кто в общественном месте, в письменной форме, предназначенной для распространения, или с помощью любых средств массовой коммуникации

а) провоцирует акты насилия в отношении лица или группы лиц по причине их расы, цвета кожи, этнического или национального происхождения или религии или

б) порочит и оскорбляет человека или группу лиц по причине их расы или этнического или национального происхождения или религии, особенно отрицая военные преступления или преступления против мира и человечности, намереваясь способствовать расовой или религиозной дискриминации или поощрять таковую, наказывается лишением свободы на срок от шести месяцев до пяти лет».

Ст. 251. Клевета по причине религиозных убеждений.

«1. Кто публично оскорбляет или высмеивает человека из-за его религиозных убеждений или деятельности, в манере, достаточной для нарушения спокойствия, наказывается лишением свободы до одного года или штрафом в размере до 120 дней заработной платы.

2. Аналогичное наказание применяется к любому, кто оскверняет место или объект религиозного почитания в манере, достаточной для нарушения спокойствия».

²¹⁵ См. выше п. б ч. 2 ст. 240 УК.

²¹⁶ Можно предположить, что понятие «политической ненависти» относится скорее не только к членству в определенных организациях, но это спорно.

²¹⁷ В законе № 64/78 от 6 октября 1978 г., касающемся фашистских партий, говорится в главе о запрещении группировок.

²¹⁸ Упоминание отрицания военных преступлений или преступлений против человечности в ст. 240 УК, см. выше.

²¹⁹ Согласно п. «е» ч. 1 ст. 63 УК, являются отягчающими обстоятельствами любого преступления: «совершение преступления по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы».

²²⁰ Аналогичные квалифицирующие признаки, фигурирующие в 11 статьях УК: 105 («Убийство»), 111 («Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью»), 112 («Умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью»), 115 («Умышленное причинение легкого вреда здоровью»), 116 («Побои»), 117 («Истязание»), 119 («Угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью»), 150 («Вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления»), 213 («Хулиганство»), 214 («Вандализм»), 244 («Надругательство над телами умерших и местами их захоронения»; в этом случае формулировка дополнена словами: «а равно в отношении скульптурного, архитектурного сооружения, посвященного борьбе с фашизмом или жертвам фашизма, либо мест захоронения участников борьбы с фашизмом»).

²²¹ Основной состав ст. 205² УК: «Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание террориз-

ма», содержит важное примечание: «В настоящей статье под публичным оправданием терроризма понимается публичное заявление о признании идеологии и практики терроризма правильными, нуждающимися в поддержке и подражании».

Ст. 280 УК. Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности (эта и последующие статьи приводятся по состоянию на октябрь 2014 года. — А.В.).

«1. Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности —

наказываются штрафом в размере от ста тысяч до трехсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от одного года до двух лет, либо принудительными работами на срок до трех лет, либо арестом на срок от четырех до шести месяцев, либо лишением свободы на срок до четырех лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на тот же срок.

2. Те же деяния, совершенные с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети “Интернет”, —

наказываются принудительными работами на срок до пяти лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового либо лишением свободы на срок до пяти лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет».

Ст. 282. Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства.

«1. Действия,

направленные на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе, совершенные публично или с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети “Интернет”, —

наказываются штрафом в размере от ста тысяч до трехсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от одного года до двух лет, либо лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет, либо обязательными работами на срок до трехсот ше-

стидесяти часов, либо исправительными работами на срок до одного года, либо принудительными работами на срок до четырех лет, либо лишением свободы на тот же срок.

2. Те же деяния, совершенные:

- а) с применением насилия или с угрозой его применения;
- б) лицом с использованием своего служебного положения;
- в) организованной группой, —

наказываются штрафом в размере от трехсот тысяч до пятисот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от двух до трех лет, либо лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до пяти лет, либо обязательными работами на срок до четырехсот восьмидесяти часов, либо исправительными работами на срок от одного года до двух лет, либо принудительными работами на срок до пяти лет, либо лишением свободы на тот же срок».

²²² См. выше состав ст. 282 УК.

²²³ Квалифицирующие признаки в ст.ст. 214 и 244 УК (см. выше).

²²⁴ Признак «происхождение» в ст. 282 УК не имеет никакого толкования.

²²⁵ Признак принадлежности к определенной социальной группе не имеет никакого общепринятого или утвержденного авторитетными инстанциями толкования.

²²⁶ Ст. 282¹. Организация экстремистского сообщества.

«1. Создание экстремистского сообщества, то есть организованной группы лиц для подготовки или совершения преступлений экстремистской направленности, а равно руководство таким экстремистским сообществом, его частью или входящими в такое сообщество структурными подразделениями, а также создание объединения организаторов, руководителей или иных представителей частей или структурных подразделений такого сообщества в целях разработки планов и (или) условий для совершения преступлений экстремистской направленности —

наказываются штрафом

в размере от двухсот тысяч до пятисот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от восемнадцати месяцев до трех лет, либо принудительными работами на срок до пяти лет с ограничением свободы на срок от одного года до двух лет, либо лишением свободы на срок от двух до восьми лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до десяти лет и с ограничением свободы на срок от одного года до двух лет.

1.1. Склонение, вербовка или иное вовлечение лица в деятельность экстремистского сообщества —

наказываются штрафом в размере от ста тысяч до трехсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от одного года до двух лет, либо принудительными работами на срок от одного года до пяти лет с ограничением свободы на срок от одного года до двух лет, либо лишением свободы на срок от одного года до шести лет с ограничением свободы на срок от одного года до двух лет.

2. Участие в экстремистском сообществе —

наказывается штрафом в размере до ста тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до одного года, либо принудительными работами на срок до трех лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового и с ограничением свободы на срок до одного года, либо лишением свободы на срок до четырех лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до пяти лет или без такового и с ограничением свободы на срок до одного года.

3. Деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, совершенные лицом с использованием своего служебного положения, —

наказываются штрафом в размере от трехсот тысяч до семисот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от двух до трех лет, либо принудительными работами на срок до пяти лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового и с ограничением свободы на срок от одного года до двух лет, либо лишением свободы на срок от четырех до десяти лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до десяти лет или без такового и с ограничением свободы на срок от одного года до двух лет.

Примечания. 1. Лицо, добровольно прекратившее участие в деятельности экстремистского сообщества, освобождается от уголовной ответственности, если в его действиях не содержится иного состава преступления.

2. Под преступлениями экстремистской направленности в настоящем Кодексе понимаются преступления, совершенные по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, предусмотренные соответ-

ствующими статьями Особенной части настоящего Кодекса и пунктом «е» части первой статьи 63 настоящего Кодекса».

Ст. 282². Организация деятельности экстремистской организации.

«1. Организация деятельности общественного или религиозного объединения либо иной организации, в отношении которых судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности в связи с осуществлением экстремистской деятельности, за исключением организаций, которые в соответствии с законодательством Российской Федерации признаны террористическими, —

наказывается штрафом в размере от трехсот тысяч до пятисот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от двух до трех лет, либо принудительными работами на срок до пяти лет с ограничением свободы на срок до двух лет или без такового, либо арестом на срок от четырех до шести месяцев, либо лишением свободы на срок от двух до восьми лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до десяти лет или без такового и с ограничением свободы на срок до двух лет или без такового.

2. Участие в деятельности общественного или религиозного объединения либо иной организации, в отношении которых судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности в связи с осуществлением экстремистской деятельности, за исключением организаций, которые в соответствии с законодательством Российской Федерации признаны террористическими, —

наказывается штрафом в размере до трехсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до двух лет, либо принудительными работами на срок до трех лет с ограничением свободы на срок до одного года или без такового, либо арестом на срок до четырех месяцев, либо лишением свободы на срок до четырех лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до пяти лет или без такового и с ограничением свободы на срок до одного года либо без такового.

3. Деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, совершенные лицом с использованием своего служебного положения, —

наказываются штрафом в размере от трехсот тысяч до семисот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от двух до трех лет, либо принудительными работами на срок до пяти лет с лишением права занимать определенные

должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового и с ограничением свободы на срок от одного года до двух лет, либо лишением свободы на срок до семи лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до десяти лет или без такового и с ограничением свободы на срок от одного года до двух лет.

Примечание. Лицо, добровольно прекратившее участие в деятельности общественного или религиозного объединения либо иной организации, в отношении которых судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности в связи с осуществлением экстремистской деятельности, освобождается от уголовной ответственности, если в его действиях не содержится иного состава преступления».

С декабря 2013 года введена также ст. 280¹. Публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации.

«1. Публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации, —

наказываются штрафом в размере от ста тысяч до трехсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от одного года до двух лет, либо принудительными работами на срок до трех лет, либо арестом на срок от четырех до шести месяцев, либо лишением свободы на срок до четырех лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на тот же срок.

2. Те же деяния, совершенные с использованием средств массовой информации либо электронных или информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть “Интернет”), —

наказываются обязательными работами на срок до четырехсот восьмидесяти часов с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет либо лишением свободы на срок до пяти лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет».

²²⁷ С мая 2014 года введена новая ст. 354¹. Реабилитация нацизма.

«1. Отрицание фактов, установленных приговором Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси, одобрение преступлений, установленных указанным приговором, а равно распространение заведомо

ложных сведений о деятельности СССР в годы Второй мировой войны, совершенные публично, —

наказываются штрафом в размере до трехсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до двух лет, либо принудительными работами на срок до трех лет, либо лишением свободы на тот же срок.

2. Те же деяния, совершенные лицом с использованием своего служебного положения или с использованием средств массовой информации, а равно с искусственным созданием доказательств обвинения, —

наказываются штрафом в размере от ста тысяч до пятисот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от одного года до трех лет, либо принудительными работами на срок до пяти лет, либо лишением свободы на тот же срок с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет.

3. Распространение выражающих явное неуважение к обществу сведений о днях воинской славы и памятных датах России, связанных с защитой Отечества, а равно осквернение символов воинской славы России, совершенные публично, —

наказываются штрафом в размере до трехсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до двух лет, либо обязательными работами на срок до трехсот шестидесяти часов, либо исправительными работами на срок до одного года».

²²⁸ С августа 2013 года ст. 148 УК была пополнена двумя новыми частями: «1. Публичные действия, выражающие явное неуважение к обществу и совершенные в целях оскорбления религиозных чувств верующих, —

наказываются штрафом в размере до трехсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до двух лет, либо обязательными работами на срок до двухсот сорока часов, либо принудительными работами на срок до одного года, либо лишением свободы на тот же срок.

2. Деяния, предусмотренные частью первой настоящей статьи, совершенные в местах, специально предназначенных для проведения богослужений, других религиозных обрядов и церемоний, —

наказываются штрафом в размере до пятисот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до трех лет, либо обязательными работами на срок до четырехсот восьмидесяти часов, либо принудительными работами на срок до трех лет, либо лишением свободы на тот же срок с ограничением свободы на срок до одного года или без такового».

²²⁹ Ст. 75, ч. 1, п. с (в новом УК, вступившем в силу в феврале 2014 года – ст. 77 п. h) гласит, что совершение преступления «по признаку расы, национальности, этнического происхождения, языка, религии, пола, сексуальной ориентации, взглядов, политической, принадлежности, убеждений, уровня доходов, социального происхождения, возраста, инвалидности, хронических заболеваний или ВИЧ/СПИДа» являетсяотягчающим обстоятельством.

²³⁰ Ст. 317 предполагает штраф или лишение свободы на срок от шести месяцев до трех лет за «возбуждение ненависти по основаниям, связанным с расой, национальностью, этничностью, языком, религией». (В новом УК ст. 369 говорит о публичных призывах к ненависти и дискриминации и вообще не оговаривает критерии определения «категорий индивидов».)

Ст. 166. Пропаганда тоталитарного государства.

«Систематическое распространение с помощью каких-либо средств идей, концепций или доктрин, призывающих к созданию тоталитарного государства, в том числе подстрекающих к убийству лиц, которые являются принадлежащими к низшей расе. Лишение свободы на срок от шести месяцев до пяти лет и поражение в определенных правах». (В новом УК отсутствует.)

Чрезвычайное постановление № 31 от 13 марта 2002 г. о запрете организаций и символов фашистского, расистского или ксенофобного характера и о запрете на популяризацию убеждений лиц, виновных в совершении преступлений против мира и человечности.

Ст. 1: «В целях профилактики и борьбы с подстрекательством к национальной, расовой или религиозной ненависти, дискриминации и совершению преступлений против мира и человечности настоящее постановление регулирует запрет организаций и символов фашистского, расистского или ксенофобного характера и запрет на популяризацию убеждений лиц, виновных в совершении преступлений против мира и человечности.

Это преступление наказывается лишением свободы на срок от шести месяцев до пяти лет и поражением в определенных правах.

Распространение, продажа или производство (или хранение с целью распространения) упомянутых символов, а также их публичное использование разрешается только в целях искусства, науки, исследований, образования, безопасности, защиты порядка, здоровья или общественной нравственности или защиты прав и основных свобод человека».

Закон № 48 от 16 января 2002 г., утверждающий Постановление правительства № 137/2000 о предотвращении и наказании любой формы дискриминации.

Ст. 19: «В соответствии с этим постановлением, любое публичное поведение, имеющее характер национал-шовинистической пропа-

ганды, подстрекательства к расовой или национальной ненависти, или поведение, преследующее цель или предназначенное повлиять на достоинство или создать пугающую, враждебную, унижительную или возмутительную ситуацию, направленное против лица, группы лиц или сообщества по мотивам их принадлежности к определенной расе или национальности, их этнической принадлежности, религии, социального статуса, верований, пола или сексуальной ориентации, является мелком правонарушением, если дело не подпадает под статьи Уголовного кодекса».

²³¹ Включая позитивный ВИЧ-статус.

²³² Уровень доходов, социальное происхождение, возраст.

²³³ Непопулярные группы в упомянутом выше законе № 48.

²³⁴ Социальные группы в упомянутом выше законе № 48.

²³⁵ Этот вопрос регулируется упомянутым выше постановлением от 13 марта 2002 г., п. А ст. 2 которого определяет «фашистскую, расистскую или ксенофобную группу» как группу от трех человек, которая «действует в пользу фашистских, расистских или ксенофобных идей, концепций и доктрин, ненависти насилия на этнической почве, расового или религиозного превосходства или неполноценности, антисемитизма, крайнего национализма, призывает к ксенофобии и использованию насилия с целью изменения конституционного порядка или демократических институтов». Ст. 3 устанавливает наказание за участие в такой организации и помощь ей от 3 до 15 лет лишения свободы.

²³⁶ Чрезвычайное постановление № 31 от 13 марта 2002 г. (вступило в силу в мае 2006 года).

Ст. 6: «Публичное отрицание Холокоста, геноцидов или преступлений против человечности или их последствий наказывается лишением свободы от шести месяцев до пяти лет и поражением в правах».

²³⁷ Ст. 267. Богохульство или презрение к умершим.

«Кто публично богохульствует, подлежит осуждению или штрафу в размере первой степени.

Кто публично выражает презрение к умершим, подлежит такому же наказанию в случае просьбы близких родственников умершего».

Ст. 260. Религиозное оскорбление.

«Кто оскверняет символы или предметы культа или поклонения религии, не противоречащей морали, или публично высмеивает религиозный обряд, подлежит наказанию лишением свободы первой степени.

Такое же наказание применяется к покушениям на честь или престиж священника в ходе или в связи с осуществлением им богослужебных обязанностей.

Тот, кто оскверняет священные реликвии Сан-Марино, подлежит наказанию лишением свободы второй степени».

²³⁸ Ст.54а УК гласит:

«Если преступление совершено из ненависти по отношению к чьей-то расе, религии, национальному или этническому происхождению, полу, сексуальной ориентации или гендерной идентичности, это является отягчающим обстоятельством, если не является квалифицирующим признаком».

²³⁹ Ст. 317. Разжигание национальной, расовой и религиозной ненависти или нетерпимости.

«1. Кто подстрекает или усугубляет национальную, расовую или религиозную вражду или нетерпимость среди народов и этнических общностей, проживающих в Сербии, наказывается лишением свободы на срок от шести месяцев до пяти лет.

2. Если правонарушение, указанное в ч. 1 настоящей статьи, совершено с применением принуждения, жестокого обращения, угрозы безопасности, высмеивания национальных, этнических или религиозных символов, нанесения вреда другим лицам или объектам, осквернения памятников, мемориалов или могил, правонарушитель наказывается лишением свободы на срок от одного года до восьми лет.

3. Кто совершает правонарушение, указанное в ч. 1 и 2 настоящей статьи, злоупотребляя служебным положением или властью, или если результатом правонарушения явились беспорядки, насилие или иные тяжкие последствия для сосуществования народов, национальных меньшинств и этнических групп, проживающих в Сербии, подлежит наказанию за правонарушение, предусмотренное в ч. 1 настоящей статьи, в виде лишения свободы от одного года до восьми лет, и за правонарушение, предусмотренное в ч. 2 настоящей статьи, в виде лишения свободы от двух до десяти лет».

Ст. 387. Расовая и иная дискриминация.

«Кто на основании расы, цвета кожи, национальности, этнического происхождения, или других персональных черт нарушает основные права и свободы, гарантированные общепризнанными нормами международного права и международными договорами, ратифицированными Сербией, наказывается лишением свободы на срок от шести месяцев до пяти лет.

Кто распространяет идеи превосходства одной расы над другой, или пропагандирует расовую нетерпимость, или подстрекает к расовой дискриминации, наказывается лишением свободы на срок от трех месяцев до трех лет».

²⁴⁰ Вандализм, мотивированный ненавистью, интерпретируется как отягчающее обстоятельство для языка вражды — см. выше ч. 2 ст. 317 УК.

²⁴¹ УК Словакии содержит статью, которая может быть использована как способ криминализации любого преступления по мотиву ненависти, но в явном виде мотив ненависти в статье не упоминается. Основной состав ст. 359 УК «Насилие против группы людей»: «Тот, кто угрожает смертью или серьезными увечьями или использует насилие против группы людей, подлежит лишению свободы на срок до двух лет». И п. а ч. 2 этой статьи предполагает лишение свободы от полугода до трех лет, если преступление совершено по одному из предусмотренных в ст. 140 (см. ниже) мотивов.

²⁴² В ст. 140 УК представлены два отягчающих обстоятельства. В п. d говорится о направленности преступления на возбуждение ненависти или призыв к насилию по следующим признакам: «связь с какой-либо расой, народом, национальностью, цветом кожи, этническим или семейным происхождением, или религией», если это является основанием для угрозы. В п. f говорится о мотиве ненависти по национальному, этническому, расовому признакам, из-за цвета кожи или сексуальной ориентации.

²⁴³ Те же мотивы (непосредственно со ссылкой на ст. 140) используются и как квалифицирующие признаки для многих преступлений, в том числе п. е ч. 2 ст. 144 — умышленное убийство, п. d ч. 2 ст. 145 — убийство, п. d ч. 2 ст. 147 — непредумышленное убийство, п. с ч. 2 ст. 154 — содействие самоубийству, п. с ч. 2 ст. 155 — тяжкие телесные повреждения, п. б ч. 2 ст. 156 — умеренные телесные повреждения, п. б ч. 3 ст. 159 — изъятие органов и принудительная стерилизация, п. d ч. 2 ст. 360 — угрозы, п. б ч. 2 ст. 365 — кладбищенский вандализм, п. d ч. 2 ст. 366 — осквернение трупа и т.д.

²⁴⁴ Ст. 424. Подстрекательство к национальной, расовой и этнической ненависти.

«1. Кто угрожает отдельному лицу или группе лиц по причине их принадлежности к какой-либо расе, народу, национальности, их цвета кожи, этнической принадлежности, пола или происхождения, вероисповедания или ограничивает их права и свободы или возможности по одному из вышеизложенных мотивов или кто поощряет ограничение прав и свобод на основании принадлежности к какому-либо народу, национальности, расе или этнической группе, наказывается лишением свободы на срок до трех лет.

2. Наказания, предусмотренные ч. 1, также относятся к тем, кто подготавливает или планирует действие, оговоренное в ч. 1.

3. Уголовное преступление, оговоренное в ч. 1 или 2, наказывается лишением свободы на срок от двух до шести лет, если совершено

- а) в связи с иностранной державой или иностранным агентом,
- б) публично,

- с) со специфической мотивацией,
- д) в качестве официального лица,
- е) в качестве члена экстремистской группы или
- ф) в кризисной ситуации».

Ст. 424а. Подстрекательство, диффамация и угрозы по отношению к лицам, относящимся к какой-либо расе, народу, национальности, цвету кожи, этнической группе или полу.

«1. Каждый, кто публично

а) подстрекает к насилию или ненависти по отношению к группе лиц или отдельным лицам в связи с их принадлежностью к какой-либо расе, народу, национальности, их цветом кожи, этническим или семейным происхождением или религией, если это было предпринято именно по этой причине, или

б) порочит подобную группу или ее представителя или угрожает им, публично оправдывает действия, признанные геноцидом, преступлениями против человечности или военными преступлениями согласно ст.ст. 6, 7 и 8 Римского статута Международного уголовного суда, или преступлением, подпадающим под ст. 6 Устава Международного военного суда, прилагающегося к Соглашению от 8 августа 1945 г. о преследовании и наказании главных военных преступников Европы за преступления против мира, военные преступления или преступления против человечности, в случае если эти преступления были совершены в отношении подобной группы лиц или отдельного лица, или преступник или соучастник преступления был осужден международным судом и приговор не был отменен в установленном порядке; публичное отрицание или преуменьшение подобных серьезных преступлений,

должен быть наказан лишением свободы на срок от одного года до трех лет.

2. Лишение свободы устанавливается от двух до пяти лет, если правонарушитель совершает уголовное преступление, упомянутое в ч. 1, по мотиву, являющемуся отягчающим обстоятельством (такие мотивы перечислены в ст. 140 УК, см. выше. — А.В.)».

²⁴⁵ Ст. 423. Диффамация национальности, расы и убеждений.

«1. Кто публично порочит

а) любую национальность, ее язык, любую расу или этническую группу, или

б) лицо или группу лиц по причине их принадлежности к какой-либо расе, национальности, цвету кожи, этническому и семейному происхождению, полу, религии или отсутствию религии,

наказывается лишением свободы на срок от одного года до трех лет.

2. Лишение свободы устанавливается от двух до пяти лет, если преступник совершает уголовное преступление, описанное в ч. 1,

- а) группой по меньшей мере из двух человек,
- б) в связи с иностранной державой или иностранным агентом,
- с) в качестве официального лица,
- д) в кризисной ситуации или
- е) со специфической мотивацией».

²⁴⁶ П. б ч. 2 ст. 365 УК.

²⁴⁷ Семейное происхождение или просто происхождение.

²⁴⁸ Ст. 422а. Изготовление экстремистских материалов.

«1. Кто изготавливает экстремистские материалы или участвует в таком изготовлении, подлежит лишению свободы на срок от трех до шести лет.

2. Правонарушитель подлежит лишению свободы на срок от четырех до восьми лет, если при совершении преступления, описанного в ч. 1, он

- а) действует более серьезным образом,
- б) в общественном месте или
- с) в качестве члена экстремистской группировки».

Ст. 422б. Распространение экстремистских материалов.

«1. Любое лицо, которое распространяет, перевозит, закупает, добывает, рекламирует, импортирует, экспортирует, предлагает, продает или распространяет экстремистские материалы, наказывается лишением свободы от одного до пяти лет.

2. Правонарушитель, совершивший уголовное преступление, описанное в ч. 1, подлежит лишению свободы на срок от трех до восьми лет, если преступление

- а) носило более серьезный характер,
- б) совершено в общественном месте или
- с) в качестве члена экстремистской группировки».

Ст. 422с. Владение экстремистскими материалами.

«Кто хранит экстремистские материалы, наказывается лишением свободы на срок до двух лет».

Что такое экстремистские материалы, определено в п. 7 ст. 130 УК: «...7. Под экстремистским материалом для целей настоящего Закона подразумевается надпись, изображение, аудио- или видеозапись:

а) текстов и деклараций, изображений, знамен, знаков отличия, паролей или символики групп и движений, выступающих за подавление основных прав и свобод человека;

б) программы или идеологии групп и движений, выступающих за подавление основных прав и свобод человека;

с) продвигающие, поощряющие или разжигающие вражду, насилие или неоправданное неравное обращение по отношению к лицам или группам лиц по причине их расы, гражданства, национальности, цвета кожи, этнической принадлежности, пола или религиозных убеждений;

д) поддерживающие или оправдывающие действия, рассмотренные в ст. 6 Уставе Международного военного суда в приложении к Соглашению от 8 августа 1945 г. о судебном преследовании и наказании главных военных преступников Европы или в соответствующих статьях Устава Международного уголовного суда или другого, признанного Словакией, международного законодательства, такие как геноцид или преступление против человечности, если лицо, совершившее этот акт, или его соучастники были осуждены международным судом, установленным в соответствии с международным правом, и юрисдикция которого была признана Словацкой Республикой, и если такое решение не было отменено в соответствии с предписанной процедурой, или

е) отрицание тяжких преступлений, рассмотренных в ст. 6 Устава Международного военного суда в приложении к Соглашению от 8 августа 1945 г. о судебном преследовании и наказании главных военных преступников Европы или в соответствующих статьях Устава Международного уголовного суда или другого международного законодательства, признанного Словацкой Республикой, таких как геноцид или преступление против человечности, если лицо, совершившее этот акт, или его соучастники были осуждены международным судом, установленным в соответствии с международным правом и юрисдикция которого была признана Словацкой Республикой.

8. Материал считается экстремистским в соответствии с п. 7, если он производится, распространяется, вводится в обращение, делается общедоступным или хранится с целью пропаганды ненависти, насилия или неоправданного неравного обращения по отношению к лицам или группам лиц вследствие их принадлежности к определенной расе, нации или национальности, цвета кожи, этнического или семейного происхождения или их религиозных убеждений; все вышеперечисленное также относится к репликам экстремистских материалов или имитациям, взаимозаменяемым с оригиналом».

²⁴⁹ Ст. 421: «1. Кто поддерживает или пропагандирует группу лиц или движение, открыто, с применением насилия, угрозы насилия или угрозы иного серьезного вреда, направленное на подавление основных прав и свобод граждан, подлежит лишению свободы на срок от одного года до пяти лет.

2. Правонарушитель подлежит наказанию лишением свободы на срок от четырех до восьми лет, если он совершает преступление, описанное в ч. 1,

- а) в общественном месте или
- б) в качестве члена экстремистской группировки,
- с) более серьезного характера или
- д) в кризисной ситуации».

Ст. 422: «1. Любое лицо, которое публично, особенно с помощью знамен, значков, униформы или лозунгов, выражает симпатии к группе или движению, использующему насилие, угрозу насилия или другого серьезного ущерба с целью подавлению основных прав и свобод человека, подлежит наказанию лишением свободы сроком от шести месяцев до трех лет.

2. Аналогичному наказанию подлежат те, кто при совершении действий, описанных в ч. 1, использовали измененные флаги, знаки отличия, униформу или лозунги, которые можно принять за настоящие».

²⁵⁰ См. выше п. б ч. 1 ст. 424а.

²⁵¹ Диффамация религии как таковой прямо предусмотрена в ч. 1 ст. 423 УК.

²⁵² УК рассматривает направленность убийства (ч. 3 ст. 116) и попытки (ч. 1 ст. 265) на нарушение равенства как квалифицирующий признак.

Равенство определяется в ст. 131 УК о дискриминации и предусматривает длинный ряд признаков в ч. 1: «Кто из-за различий, относящихся к национальности, расе, цвету кожи, религии, этническому происхождению, полу, языку, политическим или иным убеждениям, сексуальной ориентации, финансовому положению, рождению, генетической наследственности, образованию, социальному положению или другим обстоятельствам лишает или ограничивает какое-либо лицо в любом праве человека или свободе, признанных международным сообществом или установленных Конституцией или законом, или предоставляет какому-либо лицу особую привилегию или преимущество на основе подобной дискриминации, наказывается штрафом или тюремным заключением на срок не более одного года».

²⁵³ Ст. 297. Публичное подстрекательство к ненависти, насилию или нетерпимости.

«1. Кто публично провоцирует или разжигает национальную, расовую, религиозную или иную ненависть, вражду или нетерпимость или провоцирует любое другое неравенство на основе физических или психических недостатков или сексуальной ориентации, наказывается лишением свободы на срок до двух лет.

2. Тот же приговор выносится в отношении лица, публично распространяющего идеи о превосходстве одной расы над другой, или оказывающего любого рода помощь при расистской деятельности, а также в случае отрицания, умаления значимости, одобрения, пренебрежения,

высмеивания или пропаганды геноцида, Холокоста, преступления против человечности, военного преступления, агрессии или других уголовных преступлений против человечности.

3. Если правонарушение, описанное в предыдущих частях, было совершено с помощью публикации в средствах массовой информации, редактор или лицо, исполняющее обязанности редактора, подлежит наказанию, описанному в чч. 1 и 2 настоящей статьи, за исключением ситуации прямого эфира, в которой редактор не имел возможности предотвратить действия, описанные в предыдущих частях.

4. Если правонарушение, описанное в чч. 1 и 2 настоящей статьи, было совершено с использованием принуждения, жестокого обращения, угрозы безопасности, осквернения национальных, этнических или религиозных символов, повреждения движимого имущества другого лица, осквернения памятников или мемориальных плит или могил, виновный наказывается лишением свободы на срок до трех лет.

5. Если действия, предусмотренные чч. 1 и 2 настоящей статьи, были совершены должностным лицом, злоупотребившим служебным положением или возможностями, то виновный подлежит наказанию лишением свободы на срок до пяти лет.

6. Материалы и объекты с сообщениями, описанными в чч. 1 настоящей статьи, и все устройства, предназначенные для их изготовления, размножения и распространения, подлежат конфискации, или возможность их использования должна быть, соответственным образом, закрыта».

²⁵⁴ См. начало ч. 2 ст. 297 УК.

²⁵⁵ В ч. 4 ст. 300 УК вандализм вводится как квалифицирующий признак языка вражды.

²⁵⁶ Финансовое положение, рождение, генетическая наследственность, образование, социальное положение.

²⁵⁷ Любые другие обстоятельства, лишаящие или ограничивающие другого человека в каком-либо праве или свободе, признанной международным сообществом или изложенной в Конституции или законе.

²⁵⁸ См. выше, во второй части формулировки ч. 2 ст. 297 УК, и Холокост упоминается там среди прочих объектов отрицания.

²⁵⁹ В ч. 4 ст. 297 УК упоминается и осквернение религиозных символов, но только если это было частью преступления, описанного в чч. 1 и 2 статьи.

²⁶⁰ Все штаты, кроме Арканзаса, Джорджии, Индианы, Южной Каролины, Юты и Вайоминга, включают в свое законодательство мотив ненависти как общееотягчающее обстоятельство (в законах Юты есть понятие hate crimes, но оно фактически не определено). Мотивы, связанные

с расой, религией и этничностью, представлены во всех штатах (кроме этих шести). Категории расы и этничности в США понимаются не так, как в Европе, но поскольку они везде учитываются вместе, это не имеет большого значения. Сюда же отнесены признаки типа «происхождения», «страны происхождения» и т.д., так как многообразие терминов в законах разных штатов велико. Другие признаки представлены в разных штатах по-разному, эти данные (в основном по информации Антидиффамационной лиги (ADL)) представлены в отдельной таблице в Приложении 2; но, следует признать, данные эти, вероятно, неполны. В данной же таблице как присутствующие отмечены все признаки, встречающиеся хотя бы в части штатов.

²⁶¹ Первая поправка к Конституции запрещает принимать собственными законами о языке вражды, но публичная угроза идеологического характера может быть преступлением. Исторически такие законы приняты против практики Ку-клукс-клана. Именно в связи с этим многие штаты запрещают носить капюшоны, маски и иные приспособления, закрывающие лицо. Также ряд штатов криминализуют публичное сожжение креста, если оно может рассматриваться как угроза: Алабама, Аризона, Калифорния, Коннектикут, округ Колумбия, Делавэр, Флорида, Джорджия, Айдахо, Иллинойс, Оклахома, Северная Каролина, Южная Дакота, Виргиния, Вашингтон (по данным ADL). Важно, что в свете решений Верховного суда сожжение креста является преступлением, только если может рассматриваться как форма угрозы конкретным людям (каковая сама по себе преступна); см. дело *Virginia v. Black* (2003).

Кроме того, некоторые штаты считают, что публичные выступления в поддержку преступлений ненависти не защищены Конституцией и являются преступлением. Это написано в законах штатов Алабама и Колорадо.

²⁶² Покушение на собственность по мотиву ненависти в большинстве законов штатов рассматривается наряду с покушениями на личность. В некоторых штатах покушение на имущество целого ряда учреждений, включая религиозные сооружения и кладбища, криминализовано отдельно. В целом такого рода вандализм криминализован во всех штатах, кроме Аляски, Айовы, Нью-Гэмпшира, Северной Дакоты, Юты, Вермонта, Западной Виргинии и Вайоминга (по данным ADL).

²⁶³ В законах разных штатов могут встречаться по отдельности или вместе категории сексуальной ориентации, гендера и трансгендерной/гендерной самоидентификации (см. таблицу в Приложении 2). В рамках же данной таблицы мы можем считать, что последняя категория так или иначе сводима к первым двум.

²⁶⁴ Используемый в США термин *political affiliation* может пониматься и как участие в политической группе, и как определенные политические убеждения.

²⁶⁵ В Мэне, Мэриленде, Флориде и округе Колумбия к защищаемым признакам отнесена бездомность, в Орегоне — сексуальная ориентация члена семьи жертвы, в Вермонте — статус военнослужащего, а в округе Колумбия — еще и матримониальный статус, поступление в вуз, а также предусмотрена такая разновидность преступления ненависти, как нападение из-за ответственности за члена семьи (*family responsibility*).

²⁶⁶ П. «е» ст. 62 УК: «совершение преступления по мотиву местной, национальной, расовой или религиозной вражды, религиозного фанатизма, мести за правомерные действия других лиц, а также с целью скрыть другое преступление или облегчить его совершение».

²⁶⁷ Признак формулируется так: «на почве национальной, расовой, религиозной, местнической ненависти или вражды, либо кровной мести». Он присутствует в ст.ст. 104 («Убийство»), 110 («Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью»), 111 («Умышленное причинение вреда здоровью средней тяжести»), 117 («Истязание»), 243 («Надругательство над телами умерших и местами их захоронения»),

²⁶⁸ Ст. 189. Возбуждение национальной расовой, местнической или религиозной вражды.

«1. Действия, направленные к возбуждению национальной, расовой, местнической или религиозной вражды или розни, унижению национального достоинства, а равно пропаганда исключительности граждан по признаку их отношения к религии, национальной, расовой или местнической принадлежности, если эти действия совершены публично или с использованием средств массовой информации, —

наказываются ограничением свободы на срок до пяти лет либо лишением свободы на тот же срок.

2. Те же действия, совершенные:

а) повторно;

б) с применением насилия или угрозой его применения;

в) с использованием служебного положения;

г) группой лиц или группой лиц по предварительному сговору, —

наказываются лишением свободы на срок от пяти до десяти лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью сроком до пяти лет или без такового.

3. Действия, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, если они:

а) совершены организованной группой;

б) повлекли по неосторожности смерть человека или иные тяжкие последствия;

в) повлекли насильственное выдворение гражданина с постоянного места жительства;

г) совершены при опасном или особо опасно рецидиве, наказываются лишением свободы на срок от восьми до двенадцати лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью сроком до пяти лет либо без такового».

²⁶⁹ Ст. 243 УК («Надругательство над телами умерших и местами их захоронения») предполагает как квалифицирующий признак не только мотив ненависти, но и если осквернено было «скульптурное, архитектурное сооружение, посвященное борьбе с фашизмом или жертвам фашизма либо могила участников борьбы с фашизмом».

²⁷⁰ Местная вражда и мотив религиозного фанатизма.

²⁷¹ Ст. 307². Организация экстремистского сообщества.

«1. Создание экстремистского сообщества, то есть организованной группы лиц для подготовки или совершения по мотивам идеологической, политической, расовой, национальной, местнической или религиозной ненависти либо вражды, а равно по мотивам ненависти либо вражды в отношении какой-либо социальной группы преступлений, предусмотренных статьями 157, 158, 160, 185, 188, 189, 237, 237(1), 242, 243 настоящего Кодекса (преступления экстремистской направленности), а равно руководство таким экстремистским сообществом, его частью или входящими в такое сообщество структурными подразделениями, а также создание объединения организаторов, руководителей или иных представителей частей или структурных подразделений такого сообщества в целях разработки планов и (или) условий для совершения преступлений экстремистской направленности, —

наказываются лишением свободы на срок от пяти до восьми лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок от двух до пяти лет.

2. Участие в экстремистском сообществе, —

наказывается штрафом в размере от одной тысячи до двух тысяч показателей для расчетов или лишением свободы от двух до пяти лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет.

3. Деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, совершенные повторно или с использованием своего служебного положения, —

наказываются лишением свободы на срок от восьми до двенадцати лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок от трех до пяти лет.

Примечание:

Лицо, добровольно прекратившее участие в экстремистском сообществе, освобождается от уголовной ответственности, если в его деяниях не содержится иной состав преступления».

Ст. 307³. Организация деятельности экстремистской организации.

«1. Организация деятельности политических партий, общественного или религиозного объединения либо иной организации, в отношении которых судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете их деятельности в связи с осуществлением экстремистской деятельности, —

наказывается лишением свободы на срок от пяти до восьми лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок от двух до пяти лет.

2. Участие в деятельности политических партий, общественного или религиозного объединения либо иной организации, в отношении которых судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете их деятельности в связи с осуществлением экстремистской деятельности, —

наказывается штрафом в размере от одной тысячи до двух тысяч показателей для расчетов или лишением свободы на срок от трех до пяти лет.

Примечание. Лицо, добровольно прекратившее участие в деятельности политических партий, общественного или религиозного объединения либо иной организации, в отношении которых судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете их деятельности в связи с осуществлением экстремистской деятельности, освобождается от уголовной ответственности, если в его деяниях не содержится иной состав преступления».

Ст. 307⁴. Организация учебы или учебной группы религиозно-экстремистского характера.

«1. Организация учебы или учебной группы религиозно-экстремистского характера, а также руководство или участие в таком обучении, независимо от места обучения, —

наказывается лишением свободы на срок от пяти до восьми лет с конфискацией имущества.

2. То же деяние:

- совершенное с использованием служебного положения;
- связанное с финансированием таких групп, —

наказывается лишением свободы на срок от восьми до двенадцати лет, с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью сроком на пять лет с конфискацией имущества».

²⁷² П. «е» ст. 58: «совершение преступления по мотиву национальной или религиозной вражды, мести за правомерные действия других лиц, а также с целью облегчить или скрыть другое преступление».

²⁷³ Квалифицирующий признак звучит так: «на почве социальной, национальной, расовой либо религиозной ненависти или вражды». Присутствует в том же наборе статей о насильственных преступлениях, что и в Казахстане.

²⁷⁴ Основной состав ст. 177 УК («Возбуждение социальной, национальной или религиозной вражды»): «Умышленные действия, направленные на возбуждение социальной, национальной, этнической, расовой или религиозной вражды или розни, унижение национального достоинства, а равно пропаганда исключительности либо неполноценности граждан по признаку их отношения к религии, социальной, национальной, этнической или расовой принадлежности».

²⁷⁵ Фигурируют «социальная вражда».

²⁷⁶ Ст. 216. Подстрекательство к ненависти, вражде и унижению.

«1. Кто публично подстрекает часть населения к ненависти и враждебности по отношению к другой части населения посредством дискриминации по признаку расы, регионального происхождения, религии или социального класса, подлежит наказанию в виде тюремного заключения на срок от одного до трех лет, в случае если его или ее действия подвергают общественность однозначной и непосредственной опасности.

2. Кто унижает часть населения на основании социальных, религиозных, сексуальных или региональных различий, подлежит лишению свободы на срок от шести месяцев до одного года.

3. Открытое унижение кого-либо в связи с его или ее религиозными ценностями, наказывается тюремным заключением на срок от шести месяцев до одного года, в случае если правонарушение может вызвать общественное беспокойство».

²⁷⁷ Чч. 2 и 3 ст. 216 УК (см. выше).

См. также пп. б и с ч. 3 ст. 125: «1. Кто выступает с необоснованным заявлением о действии или конкретном факте, затрагивающем честь, репутацию, достоинство или престиж другого лица, подлежит наказанию лишением свободы на срок от трех месяцев до двух лет или штрафом.

Для того чтобы оскорбление было наказуемо в отсутствие потерпевших, действие должно быть совершено в присутствии, по крайней мере, трех свидетелей.

2. Если действие совершено с помощью устного, письменного или визуального сообщения, адресованного жертве, преступник подлежит наказаниям, изложенным выше.

3. Если преступление диффамации совершено:

а) против официального лица или лица, осуществляющего государственную службу, и необоснованное заявление связано с его общественным статусом или государственной службой,

б) в результате выражения, изменения или попытки распространения собственных религиозных, политических, социальных, философских убеждений, мыслей и мнений и свое соблюдение правил и запретов своей религии (судя по контексту, здесь речь идет об объекте диффамации. — А.В.),

с) с упоминанием святынь той религии, к которой принадлежит потерпевший,

приговор должен составлять не менее одного года лишения свободы.

4. В случае однозначной диффамации приговор должен быть увеличен на одну шестую; если она была совершена через прессу или средства массовой информации, приговор должен быть увеличен на треть».

²⁷⁸ Ст. 153 о вандализме в отношении религиозных сооружений содержит ч. 3, которая гласит, что наказание должно быть увеличено на треть, если деяние было совершено с целью диффамации соответствующей религиозной группы.

²⁷⁹ Региональное происхождение и социальный класс в ст. 216 УК.

²⁸⁰ Кроме того, закон об объединениях 1908 года (с поправками 1983 года) запрещает участие в деятельности запрещенных организаций под угрозой лишения свободы.

²⁸¹ П. «л» ст. 56: «по мотивам расовой или национальной вражды или розни».

²⁸² Формулировка квалифицирующего признака: «по мотивам межнациональной или расовой вражды». Другой пункт — «из религиозных предрассудков» — вероятно, относится не к преступлениям ненависти, а скорее к «преступлениям чести», хотя можно понимать это и иначе. Применимы к убийству, нанесению тяжких и средней тяжести телесных повреждений.

²⁸³ Ст. 156. Возбуждение национальной, расовой, этнической или религиозной вражды.

«Изготовление, хранение с целью распространения или распространение материалов, пропагандирующих национальную, расовую, этническую или религиозную вражду, совершенные после применения административного взыскания за такие же деяния, —

наказывается штрафом до шестисот минимальных размеров заработной платы или исправительными работами до трех лет либо лишением свободы до трех лет.

Умышленные действия, унижающие национальную честь и достоинство, оскорбляющие чувства граждан в связи с их религиозным или атеистическим убеждением, совершенные с целью возбуждения вражды, нетерпимости или розни к группам населения по национальным, расовым, этническим или религиозным признакам, а равно прямое или косвенное ограничение прав или установление прямых или косвенных преимуществ в зависимости от их национальной, расовой, этнической принадлежности или отношения к религии —

наказываются лишением свободы до пяти лет.

Действия, предусмотренные частью первой или второй настоящей статьи, совершенные:

а) способом, опасным для жизни других лиц;

б) с причинением тяжких телесных повреждений;

в) с насильственным выселением граждан с мест их постоянного проживания;

г) ответственным должностным лицом;

д) по предварительному сговору группой лиц, —

наказываются лишением свободы от пяти до десяти лет».

²⁸⁴ Пункт «из религиозных предрассудков», вероятно, относится не к преступлениям ненависти, а скорее к «преступлениям чести», хотя можно понимать это и иначе.

²⁸⁵ Ст. 244-1. Изготовление или распространение материалов, содержащих угрозу общественной безопасности и общественному порядку.

«Изготовление или хранение с целью распространения материалов, содержащих идеи религиозного экстремизма, сепаратизма и фундаментализма, призывы к погромам или насильственному выселению граждан либо направленных на создание паники среди населения, совершенные после применения административного взыскания за такие же действия, —

наказывается штрафом от двухсот до четырехсот минимальных размеров заработной платы или исправительными работами до трех лет либо арестом до шести месяцев или лишением свободы до трех лет.

Распространение в любой форме сведений и материалов, содержащих идеи религиозного экстремизма, сепаратизма и фундаментализма, призывы к погромам или насильственному выселению граждан либо направленных на создание паники среди населения, а равно использование религии в целях нарушения гражданского согласия, распространения клеветнических, дестабилизирующих обстановку измышлений и совершения иных деяний, направленных против установленных правил поведения в обществе и общественной безопасности, —

наказывается штрафом от трехсот до четырехсот минимальных размеров заработной платы или арестом до шести месяцев либо лишением свободы от трех до пяти лет.

Действия, предусмотренные частью первой или второй настоящей статьи, совершенные:

- а) по предварительному сговору или группой лиц;
- б) с использованием служебного положения;

в) с использованием финансовой или иной материальной помощи, полученной от религиозных организаций, а также от иностранных государств, организаций и граждан, —

наказываются лишением свободы от пяти до восьми лет».

²⁸⁶ Ст. 216. Незаконная организация общественных объединений или религиозных организаций.

«Незаконная организация или возобновление деятельности незаконных общественных объединений или религиозных организаций, а равно активное участие в их деятельности, —

наказывается штрафом от пятидесяти до ста минимальных размеров заработной платы или арестом до шести месяцев либо лишением свободы до пяти лет».

Ст. 216-1. Склонение к участию в деятельности незаконных общественных объединений и религиозных организаций.

«Склонение к участию в деятельности незаконных в Республике Узбекистан общественных объединений и религиозных организаций, течений, сект после применения административного взыскания за такие же действия —

наказывается штрафом от двадцати пяти до пятидесяти минимальных размеров заработной платы или исправительными работами до трех лет, или арестом до шести месяцев либо лишением свободы до трех лет».

Ст. 244-2. Создание, руководство, участие в религиозных экстремистских, сепаратистских, фундаменталистских или иных запрещенных организациях.

«Создание, руководство, участие в религиозных экстремистских, сепаратистских, фундаменталистских или иных запрещенных организациях —

наказывается лишением свободы от пяти до пятнадцати лет.

Те же действия, повлекшие тяжкие последствия, —

наказываются лишением свободы от пятнадцати до двадцати лет.

Лицо освобождается от ответственности за преступление, предусмотренное частью первой настоящей статьи, если оно добровольно сообщило о существовании запрещенных организаций и способствовало раскрытию преступления.

²⁸⁷ Равная защита чувств граждан в связи с их религиозным или атеистическим убеждением.

²⁸⁸ П. 3 ч. 1 ст. 67 УК: «совершение преступления на почве расовой, национальной либо религиозной вражды или раздора».

²⁸⁹ Квалифицирующий признак «по мотивам расовой, национальной или религиозной нетерпимости» содержится в статьях «Умышленное убийство», «Умышленное тяжкое телесное повреждение», «Умышленное средней тяжести телесное повреждение», «Побои и истязание», «Пытки», «Угроза убийством».

²⁹⁰ Ст. 161. Нарушение равноправия граждан в зависимости от их расовой, национальной принадлежности или религиозных убеждений.

«1. Умышленные действия, направленные на разжигание национальной, расовой или религиозной вражды и ненависти, на унижение национальной чести и достоинства, или оскорбление чувств граждан в связи с их религиозными убеждениями, а также прямое или косвенное ограничение прав или установление прямых или косвенных привилегий граждан по признакам расы, цвета кожи, политических, религиозных и других убеждений, пола, этнического и социального происхождения, имущественного состояния, местожительства, по языковым или другим признакам —

наказываются штрафом от двухсот до пятисот необлагаемых минимумов доходов граждан или ограничением свободы на срок до пяти лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового.

2. Те же действия, соединенные с насилием, обманом или угрозами, а также совершенные служебным лицом, —

наказываются штрафом от пятисот до тысячи необлагаемых минимумов доходов граждан или лишением свободы на срок от двух до пяти лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового.

3. Действия, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, которые были совершены организованной группой лиц или повлекшие тяжкие последствия, — наказываются лишением свободы на срок от пяти до восьми лет».

Еще один состав преступления, который следует отнести к языку вражды, оговорен в ч. 2 ст. 110 УК.

Ст. 110. Посягательство на территориальную целостность и неприкосновенность Украины.

«1. Умышленные действия, совершенные с целью изменения границ территории или государственной границы Украины в нарушение порядка, установленного Конституцией Украины, а также публичные призывы и распространение материалов с призывами к совершению таких действий, — наказываются ограничением свободы на срок до трех лет или лишением свободы на тот же срок.

2. Те же действия, если они совершены лицом, которое является представителем власти, или повторно, или по предварительному сговору группой лиц, или сопряжены с разжиганием национальной либо религиозной вражды, — наказываются ограничением свободы на срок от трех до пяти лет или лишением свободы на тот же срок.

3. Действия, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, повлекшие гибель людей либо иные тяжкие последствия, — наказываются лишением свободы на срок от семи до двенадцати лет».

²⁹¹ Унижение национальной чести и достоинства в ст. 161 УК.

²⁹² Идеино мотивированный вандализм сводится к разрушению религиозных объектов вне зависимости от мотива этих действий.

Ст. 178. Повреждение религиозных сооружений или культовых зданий.

«Повреждение или разрушение религиозного сооружения или культового дома — наказывается штрафом до трехсот необлагаемых минимумов доходов граждан или общественными работами на срок от шестидесяти до двухсот сорока часов, либо арестом на срок до шести месяцев, или ограничением свободы на срок до трех лет или лишением свободы на тот же срок».

Ст. 179. Незаконное содержание, осквернение или уничтожение религиозных святынь.

«Незаконное содержание, осквернение или уничтожение религиозных святынь — наказываются штрафом до двухсот необлагаемых минимумов доходов граждан или общественными работами на срок от шестидесяти до двухсот сорока часов, либо арестом на срок до шести

месяцев, или ограничением свободы на срок до трех лет или лишением свободы на тот же срок».

²⁹³ Ст. 300. Ввоз, изготовление или распространение произведений, пропагандирующих культ насилия и жестокости, расовую, национальную или религиозную нетерпимость и дискриминацию.

«1. Ввоз в Украину произведений, пропагандирующих культ насилия и жестокости, расовую, национальную или религиозную нетерпимость и дискриминацию, с целью сбыта или распространения или их изготовление, хранение, перевозка или другое перемещение с той самой целью или их сбыт или распространение, а также принуждение к участию в их создании — наказываются штрафом до ста пятидесяти необлагаемых минимумов доходов граждан или арестом сроком до шести месяцев, или ограничением свободы на срок до трех лет, с конфискацией произведений, пропагандирующих культ насилия и жестокости, расовой, национальную или религиозную нетерпимость и дискриминацию, средств их изготовления и распространения.

2. Те же действия относительно кино- и видеопродукции, пропагандирующих культ насилия и жестокости, расовую, национальную или религиозную нетерпимость и дискриминацию, а также сбыт несовершеннолетним или распространение среди них произведений, пропагандирующих культ насилия и жестокости, расовую, национальную или религиозную нетерпимость и дискриминацию, — наказываются штрафом от ста до трехсот необлагаемых минимумов доходов граждан или ограничением свободы на срок до пяти лет, с конфискацией кино- и видеопродукции, пропагандирующей культ насилия и жестокости, расовую, национальную и религиозную нетерпимость и дискриминацию, средств ее изготовления и демонстрации.

3. Действия, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, если они совершены повторно или по предварительному сговору группой лиц, а также принуждение несовершеннолетних к участию в создании произведений, пропагандируют культ насилия и жестокости, расовой, национальной или религиозную нетерпимость и дискриминацию, — наказываются лишением свободы на срок от трех до пяти лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет и с конфискацией произведений, кино- и видеопродукции, пропагандирующих культ насилия и жестокости, расовую, национальную или религиозную нетерпимость и дискриминацию, средств их изготовления и демонстрирования».

²⁹⁴ Оскорбление чувств граждан в связи с их религиозными убеждениями в ст. 161 УК.

²⁹⁵ Гл. 6, ст. 5, п. 4: «совершение преступления по мотиву, основанному на расе, цвете кожи, статусу по рождению, национальному или этническому происхождению, религии или убеждениям, сексуальной ориентации или инвалидности или по иным подобным основаниям».

²⁹⁶ Частные отягчающие обстоятельства не предусмотрены в УК Финляндии. Но в нем есть понятие уголовной ответственности зарегистрированной организации, если преступление было совершено в рамках ее деятельности. Оно применимо к нескольким деяниям, совершенным по описанным выше мотивам: к торговле людьми (гл. 25, ст. 10), а также к диффамации и угрозам (гл. 17, ст. 24, п. 2) и возбуждению вражды (см. ниже).

²⁹⁷ Гл. 11. Ст. 10. Возбуждение этнической вражды.

«Кто делает доступным для общественности, или иначе распространяет в обществе или держит доступным для публики способом заявления или иную информацию, в которой содержатся угрозы, диффамация или оскорбления по отношению к группе на основании расы, цвета кожи, статуса по рождению, национального или этнического происхождения, религии или убеждений, сексуальной ориентации или инвалидности или на сходном основании, подлежит осуждению за разжигание этнической вражды и наказанию штрафом или тюремным заключением на срок не более двух лет».

Ст. 10(а). Отягченное возбуждение этнической вражды.

«Если возбуждение этнической вражды включает призывы или вовлечение в:

1) геноцид или подготовку геноцида, преступления против человечности, отягченные преступления против человечности, военные преступления, отягченные военные преступления, убийство, в том числе с террористическими целями, или

2) иные акты серьезного насилия, представляющие серьезную угрозу общественным порядкам и безопасности,

или если возбуждение этнической вражды имеет общее отягчающее обстоятельство, обвиняемый подлежит осуждению за отягченное возбуждение этнической вражды к лишению свободы на срок от четырех месяцев до четырех лет».

Преступления, описанные в ст.ст. 10 и 10(а), могут быть вменены также зарегистрированной организации, если преступление было совершено в рамках ее деятельности, равно как и отягченная диффамация или угрозы, если они были произведены по мотивам, перечисленным в гл. 6, ст. 5, п. 4 (гл. 17, ст. 24, п. 1).

²⁹⁸ Статус по рождению.

²⁹⁹ То же.

³⁰⁰ Иные подобные основания.

³⁰¹ То же.

³⁰² Гл. 17. Ст. 10. Нарушение неприкосновенности религии.

«Лицо, которое

1) публично хулит Бога или, с целью нанести оскорбление, публично порочит и оскверняет то, что признано священным с точки зрения Церкви или религиозной общины, согласно Закону о свободе религии (267/1998), или

2) шумом, угрожающими действиями или как-либо иначе препятствует богослужению, церковным обрядам, другим аналогичным религиозным обрядам или похоронам, подлежит наказанию за нарушение неприкосновенности религии в виде штрафа или тюремного заключения на срок не более шести месяцев».

³⁰³ Ст. 132-76 (добавлена Актом № 2003-88 от 3 февраля 2003 г.):

«В случаях, предусмотренных законом, штрафные санкции, накладываемые при совершении тяжкого преступления или проступка, увеличиваются, если преступление совершено вследствие фактической или предполагаемой принадлежности или непринадлежности жертвы к определенной этнической группе, нации, расе или религии.

Отягчающие обстоятельства, определенные в первой части, присутствуют, если преступлению предшествуют, сопутствуют или за ним следуют письменные или устные высказывания, изображения, объекты или какие-либо действия, наносящие ущерб чести или репутации жертвы, или группы, к которой принадлежит жертва, по причине их действительной или предполагаемой принадлежности или непринадлежности к определенной этнической группе, нации, расе или религии».

Ст. 132-77 (добавлена Актом № 2003-239 от 18 марта 2003 г.): «В случаях, предусмотренных законом, штрафные санкции, накладываемые при совершении тяжкого преступления или проступка, увеличиваются, если преступление совершено вследствие сексуальной ориентации жертвы.

Отягчающие обстоятельства, определенные в первой части, присутствуют, если преступлению предшествуют, сопутствуют или за ним следуют письменные или устные высказывания, изображения, объекты или какие-либо действия, наносящие ущерб чести или репутации жертвы, или группы, к которой принадлежит жертва, по причине их действительной или предполагаемой сексуальной идентичности».

³⁰⁴ Применимо к следующим преступлениям: убийство, пытки и варварское обращение, насилие, приведшее к смерти жертвы, причинение средней тяжести вреда здоровью (от восьми дней нетрудоспо-

собности), причинение легко вреда здоровью (восемь и менее дней), угрозы, осквернение могил и трупов, кража, вымогательство, разрушение собственности, опубликование инструкций по изготовлению разрушительных устройств.

³⁰⁵ Согласно ст. 24 Акта о свободе прессы, действия, ведущие к дискриминации, ненависти и насилию против человека или группы из-за их происхождения или членства или не членства в этнической группе, нации, расе или религии, наказываются лишением свободы до 1 года и/или штрафом до 45 тысяч евро. Так же наказываются действия, ведущие к ненависти, насилию и определенным (со ссылками на статьи УК) видам дискриминации против людей и групп по признаку пола, ориентации, гендерной идентичности или инвалидности.

³⁰⁶ Диффамация в отношении человека или группы по тем же признакам влечет такое же наказание.

³⁰⁷ Выше перечислялось осквернение могил и трупов и разрушение собственности.

³⁰⁸ Отдельно упоминаются ориентация и гендерная идентичность.

³⁰⁹ Согласно ст. 24 Акта о свободе прессы, отрицание преступлений против человечности, определенных Нюрнбергским трибуналом (как определено в ст. 6 Статута Международного военного трибунала в приложении к Лондонскому соглашению от 8 августа 1945 г.), совершенных как членами организаций, упомянутых в решении Трибунала, так и гражданами, осужденными французскими или международными судами, приравнивается к апологии военных преступлений.

³¹⁰ Согласно ст. 24 Акта о свободе прессы, апология военных преступлений, преступлений против человечности, преступления сотрудничества с врагом и терроризма наказываются лишением свободы до пяти лет и штрафом до 45 тысяч евро.

³¹¹ П. 20 ст. 87 УК, вступившего в силу с января 2013 года, определяет преступления ненависти как «любое преступное деяние, совершенное по причинам расы, цвета кожи, религии, национального или этнического происхождения, инвалидности, пола, сексуальной ориентации или гендерной идентичности другого человека». Такое действие является общим отягчающим обстоятельством.

³¹² Ст. 325 УК. Публичное возбуждение насилия и ненависти.

«1. Кто, через прессу, радио, телевидение, компьютерные системы или их сети, на публичном собрании или иным публичным образом подстрекает или делает доступным для публики брошюры, фотографии или другие материалы, подстрекающие к насилию или ненависти, направленным против группы лиц или представителя группы на основании

их расовой, религиозной, национальной или этнической принадлежности, происхождения, цвета кожи, пола, сексуальной ориентации, гендерной идентичности, инвалидности или любых других характеристик, —

наказывается лишением свободы на срок до трех лет.

2. Наказание, оговоренное в ч. 1 настоящей статьи, применимо к тем, кто публично одобряет, отрицает или значительно преуменьшает преступления геноцида, преступления агрессии, преступления против человечности и военные преступления, направленные против группы лиц или представителя группы на основании их расовой, религиозной, национальной или этнической принадлежности, происхождения или цвета кожи в манере, поощряющей насилие или ненависть против такой группы или ее представителей.

3. Попытка совершить уголовное преступление, указанное в чч. 1 и 2 настоящей статьи, является наказуемой.

³¹³ Происхождение.

³¹⁴ Любые другие характеристики.

³¹⁵ Ч. 2 ст. 235 выше.

³¹⁶ Ст. 370. Возбуждение национальной, расовой и религиозной ненависти, разногласий и нетерпимости.

«1. Кто вызывает и распространяет национальную, религиозную или расовую ненависть, разногласия или нетерпимость среди людей, национальных меньшинств и этнических групп, проживающих в Черногории, наказывается лишением свободы на срок от шести месяцев до пяти лет.

2. Если действие, в соответствии с ч. 1 настоящей статьи, осуществляется путем принуждения, жестокого обращения, угроз безопасности, насмешек над национальными, этническими или религиозными символами, нанесением вреда имуществу другого лица, осквернения памятников, мемориальных плит или гробниц, правонарушитель наказывается лишением свободы на срок от одного года до восьми лет.

3. Любой, кто совершает деяние, упомянутое в чч. 1 и 2 настоящей статьи, злоупотребляя служебным положением или полномочиями, или в случае, если результатом этих действий явились беспорядки, насилие или другие тяжелые последствия для совместной жизни людей, национальных меньшинств и этнических групп, проживающих в Черногории, наказывается за деяние, указанное в ч. 1 настоящей статьи, лишением свободы на срок от одного года до восьми лет и за деяние, указанное в ч. 2, лишением свободы на срок от двух до десяти лет».

³¹⁷ Вандализм рассматривается как форма языка вражды и является отягчающим обстоятельством для него.

³¹⁸ § 352, ч. 2: «Человек, использующий насилие против группы людей или отдельных лиц или угрожающий им смертью, телесными повреждени-

ями или причинением значительного ущерба в связи с их реальной или предполагаемой расой, этнической принадлежностью, национальностью, политическими убеждениями, религией, действительным или предполагаемым отсутствием религиозной принадлежности, подлежит наказанию в виде лишения свободы на срок от шести месяцев до трех лет».

³¹⁹ § 42, п. b включает такие признаки, как раса, этничность, гражданство, религия, класс и «другое».

³²⁰ В этом случае, как и в § 352, ч. 2, задействованы такие признаки: раса, этничность, гражданство, политические взгляды и религия.

Это применимо к следующим преступлениям: злоупотребление властью (§ 329 odst. 1, 2 písm. b), причинение ущерба имуществу (§ 228 odst. 1 a 3 písm. b), противозаконное использование секретных или частных документов (§ 183 odst. 1, 3 písm. b), вымогательство (§ 175 odst. 1, 2 písm. f), сокрытие за границей (§ 172 odst. 1 a 2, 3 písm. b), ограничение свободы человека (§ 171 odst. 1, 2 písm. b) или лишение его свободы (§ 170 odst. 1, 2 písm. b), пытки (§ 149 odst. 1, 2 písm. c), нанесение вреда здоровью (§ 146 odst. 1, 2 písm. e), тяжкие телесные повреждения (§ 145 odst. 1, 2 písm. f), убийство (§ 140 odst. 1 a 2, 3 písm. g).

³²¹ § 355. Диффамация нации, расы, этнической или иной группы.
«1. Кто публично распространяет диффамацию о:

- a) нации, ее языке, какой-либо расе или этнической группе или
- b) группе лиц по причине их действительной или предполагаемой расы, принадлежности к этнической группе, гражданства, политических убеждений (мнений), вероисповедания или фактического или предполагаемого отсутствия вероисповедания (религиозной веры), наказывается лишением свободы на срок до двух лет.

2. Правонарушитель подлежит наказанию лишением свободы на срок до трех лет в случае совершения действий, соответствующих ч. 1, если они совершены

- a) при участии по крайней мере двух человек или
- b) с использованием прессы, кино, радиовещания, телевизионного вещания, размещения публично доступной компьютерной сети или других аналогичных по эффективности способов».

§356. Возбуждение ненависти в отношении группы лиц или призыв к ограничению их прав и свобод.

«1. Кто публично возбуждает ненависть в отношении какой-либо нации, расы, этнической группы, религиозной конфессии, класса или другой группы людей или призывает к ограничению прав и свобод представителей этих групп, наказывается лишением свободы на срок до двух лет.

2. Тот же вердикт применяется к лицу, налаживающему связи или присоединяющемуся к группе для совершения действий, соответствующих ч. 1.

3. Правонарушитель подлежит наказанию лишением свободы на срок от шести месяцев до трех лет

a) за совершение действий, соответствующих ч. 1, с использованием прессы, кино, радиовещания, телевизионного вещания, публично доступной компьютерной сети или других аналогичных по эффективности способов, или

b) за активное участие путем совершения подобных действий в деятельности группы, организации или ассоциации, призывающей к дискриминации, насилию или расовой, национальной, классовой, религиозной или другой ненависти».

³²² В § 352, ч. 2.

³²³ Политические взгляды упоминаются в § 355 («Диффамация»), но не в § 356 («Возбуждение ненависти»).

³²⁴ Класс в § 42, ч. b.

³²⁵ Иная группа людей.

³²⁶ § 403. Создание, поддержка и распространение движений, направленных на подавление прав и свобод человека.

«1. Кто устанавливает, поддерживает или распространяет движение, открыто направленное на ущемление прав и свобод человека или провозглашающее расовую, этническую, национальную, религиозную или классовую ненависть или ненависть в отношении иной группы лиц, наказывается лишением свободы на срок от одного до пяти лет.

2. Правонарушитель подлежит наказанию лишением свободы на срок от трех до десяти лет,

a) если совершает действие, соответствующее ч. 1, с использованием прессы (печати), кино, радиовещания, телевизионного вещания или других аналогичных по эффективности способов, или

b) если совершает подобное действие в качестве участника организованной группы, или

c) если совершает подобное действие как солдат, или

d) если он совершает подобное действие в ситуации опасности или в состоянии войны.

3. Подготовка наказуема».

§404. Выражение симпатии к движениям, направленным на подавление прав и свобод человека.

«Кто публично выражает симпатии (позитивное отношение) к движениям, соответствующим ч. 1 § 403, подлежит наказанию лишением свободы на срок от шести месяцев до трех лет».

³²⁷ § 405. Отрицание, высказывание сомнений, одобрение или оправдание геноцида.

«Кто публично отрицает, ставит под сомнение, одобряет или пытается оправдать геноцид, совершенный нацистами или коммунистами, или другие преступления нацистов или коммунистов против человечности, наказывается лишением свободы на срок от шести месяцев до трех лет».

³²⁸ Нападение с целью дискриминации, упомянутое в ст. 261А ниже.

³²⁹ Ст. 261А. Расовая дискриминация.

«Любой, кто публично подстрекает к ненависти или дискриминации в отношении лица или группы людей на основании их расы, этнической группы или религии; кто публично распространяет идеологию, направленную на систематическое умаление или очернение представителей расы, этнической группы или религии; любой, кто с тем же намерением организует или поощряет акты пропаганды или участвует в таких актах; любой, кто с помощью слов, письменных материалов, изображений, действий, нападения или любых других средств публично унижает или дискриминирует человека или группу людей на основании их расы, этнической группы или религии в манере, унижающей их человеческое достоинство, или по тем же причинам отрицает или чрезвычайно умаляет или пытается оправдать геноцид или другие преступления против человечности, или кто отказывается предоставить государственную службу человеку или группе людей на основании их расы, этнической группы или религии, подлежит наказанию тюремным заключением или штрафом».

³³⁰ В той же статье: «отрицает или чрезвычайно умаляет или пытается оправдать геноцид или другие преступления против человечности».

³³¹ Ст. 261. Нарушение свободы религии и свободы вероисповедания.

«Кто публично и грубо оскорбляет или высмеивает убеждения других людей в вопросах веры, в особенности веры в Бога, или оскверняет объект религиозного почитания, кто злонамеренно препятствует проведению религиозного обряда, гарантируемого Конституцией, или нарушает или публично высмеивает подобный обряд, любой, кто злонамеренно оскверняет место или объект, используемый для поклонения, или религиозный обряд, гарантируемый Конституцией, подлежит тюремному заключению на срок до шести месяцев или штрафу».

³³² Гл. 29, ст. 2, п. 7: «Было ли мотивом преступления нанесение ущерба отдельному лицу, этнической группе или другой аналогичной группе лиц по признаку расы, цвета кожи, национального или этнического происхождения, религиозных убеждений или других подобных обстоятельств».

³³³ Гл. 16, ст. 8: «Кто в распространяемом заявлении или сообщении угрожает или выражает презрение к национальной, этнической или другой подобной группе лиц, ссылаясь на их расу, цвет кожи, национальное или этническое происхождение или религиозные убеждения, подлежит наказанию за агитацию против национальной или этнической группы в виде лишения свободы на два года или, если преступление является малозначительным, в виде штрафа».

³³⁴ Выражение презрения в вышеупомянутой статье.

³³⁵ Другие подобные обстоятельства.

³³⁶ Ст. 151: «1. Публичные действия, возбуждающие ненависть, насилие и дискриминацию на основе национальности, расы, цвета кожи, пола, языка, происхождения, религии, сексуальной ориентации, политических убеждений или имущественного или социального положения, результатом которых является опасность для чьей-либо жизни, здоровья или имущества, подлежат наказанию штрафом в размере до 300 единиц или арестом.

2. То же действие, если

1) повлекло за собой гибель человека, вред здоровью или иные тяжкие последствия, или

2) совершено лицом, ранее понесшим наказание за совершение подобного акта, или

3) было совершено преступной организацией, — наказывается денежным взысканием или тюремным заключением на срок до трех лет».

³³⁷ Происхождение, имущественный или социальный статус.

Приложение 2. Законы о преступлениях ненависти в штатах США. Защищаемые признаки

Абр	Штат	Раса, религия, этничность (включая страну происхождения и происхождение вообще)	Сексуальная ориентация	Пол / Гендер	Болезнь / Инвалидность
AL	Алабама	√			√
AK	Аляска	√		√	√
AZ	Аризона	√	√	√	√
AR	Арканзас				
CA	Калифорния	√	√	√	√
CO	Колорадо	√	√		√
CT	Коннектикут	√	√	√	√
DC	Округ Колумбия	√	√	√	√
DE	Делавэр	√	√		√
FL	Флорида	√	√		√
GA	Джорджия				
HI	Гавайи	√	√	√	√
ID	Айдахо	√			
IL	Иллинойс	√	√	√	√
IN	Индиана				
IA	Айова	√	√	√	√
KS	Канзас	√	√		√
KY	Кентукки	√	√		
LA	Луизиана	√	√	√	√
ME	Мэн	√	√	√	√
MD	Мериленд	√	√		
MA	Массачусетс	√	√		√
MI	Мичиган	√		√	
MN	Миннесота	√	√	√	√

Политические взгляды или участие в организации	Возраст	(Транс)Гендерная самоидентификация	Иное
√	√	√	
		√	
		√	
√	√	√	Бездомность, матримониальный статус, поступление в ВУЗ, ответственность за члена семьи (DC Code, para 22-3701)
	√		Бездомность
	√	√	
√	√		
	√		
√	√		
	√		Бездомность
		√	Бездомность
	√	√	

Абр	Штат	Раса, религия, этничность (включая страну происхождения и происхождение вообще)	Сексуальная ориентация	Пол / Гендер	Болезнь / Инвалидность
MS	Миссисипи	√		√	
MO	Миссури	√	√	√	√
MT	Монтана	√			
NE	Небраска	√	√	√	√
NV	Невада	√	√		√
NH	Нью-Гэмпшир	√	√	√	√
NJ	Нью-Джерси	√	√	√	√
NM	Нью-Мексико	√	√	√	√
NY	Нью-Йорк	√	√	√	√
NC	Северная Каролина	√		√	
ND	Северная Дакота	√		√	
OH	Огайо	√			
OK	Оклахома	√			√
OR	Орегон	√	√		
PA	Пенсильвания	√			
RI	Род-Айленд	√	√	√	√
SC	Южная Каролина				
SD	Южная Дакота	√			
TN	Теннесси	√	√	√	√
TX	Техас	√	√	√	√
UT	Юта				
VT	Вермонт	√	√	√	√
VA	Виргиния	√			
WA	Вашингтон	√	√	√	√
WV	Западная Виргиния	√		√	
WI	Висконсин	√	√		√
WY	Вайоминг				

Политические взгляды или участие в организации	Возраст	(Транс)Гендерная самоидентификация	Иное
		√	
	√		
		√	
	√	√	
	√		
		√	Сексуальная ориентация члена семьи жертвы
	√	√	статус военнослужащего
		√	
√			